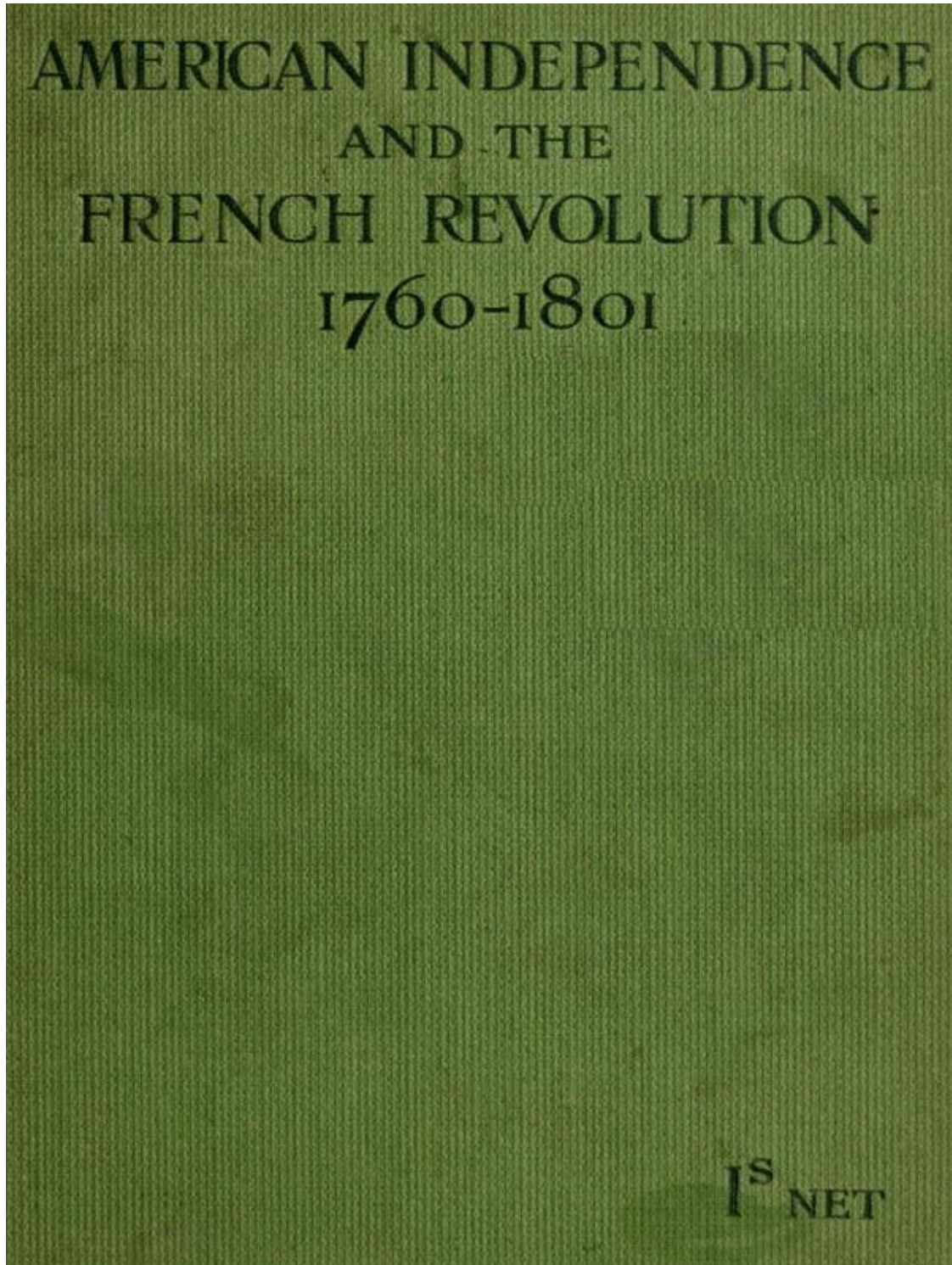

Независимость Америки и Французская революция (1760-1801)

С. Э. Винболт

Электронная книга проекта Гутенберга о независимости Америки и Французской революции (1760-1801)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Независимость Америки и Французская революция (1760-1801)

Составитель: С. Э. Уинболт

Редактор: Кеннет Белл

С. Э. Уинболт

Дата выхода: 6 июля 2016 г. [Электронная книга № 52500]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Втитрах: Продюсер - Уэйн Хэммонд и Команда корректоров, распространяющая в режиме онлайн на <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "НЕЗАВИСИМОСТЬ АМЕРИКИ И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ (1760-1801)" ***

СПРАВОЧНИКИ БЕЛЛА По АНГЛИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Главные редакторы: С. Э. Уинболт, магистр медицины, и Кеннет Белл, магистр МЕДИЦИНЫ

НЕЗАВИСИМОСТЬ АМЕРИКИ И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ (1760-1801)

СПРАВОЧНИКИ БЕЛЛА По АНГЛИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Объем серии и расположение томов

1. Римская Британия до 449 года.

2. 449-1066.
3. 1066-1154.
4. 1154-1216.
5. 1216-1307.
6. 1307-1399.
7. 1399-1485.
8. 1485-1547.
9. 1547-1603. *В активной подготовке.*
10. 1603-1660. ” ”
11. 1660-1714. ” ”
12. 1714-1760. ” ”
13. 1760-1801. *Теперь готово.*
14. 1801-1815.
15. 1815-1837.
16. 1837-1856.
17. 1856-1876.
18. 1876-1887.
19. 1887-1901.
20. 1901-1912.

Томы выпущены в кронах по 8 штук.

Цена 1 доллар нетто за каждый.

НЕЗАВИСИМОСТЬ АМЕРИКИ И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

(1760-1801)

СОСТАВЛЕНО С. Э. УИНБОЛТОМ, магистром МЕДИЦИНЫ

(ХРИСТОВА БОЛЬНИЦА)

ЛОНДОНА

Введение

Эта серия учебников по истории английского языка предназначена для использования с любым обычным учебником истории английского языка. Опыт убедительно показал, что такой аппарат является ценным — более того, незаменимым — дополнением к уроку истории. Он может быть использован в двух основных целях: либо в качестве живой иллюстрации в конце урока, либо в качестве вывода перед чтением учебника, в начале урока. Типов задач и упражнений, которые могут быть основаны на документах, множество, и они превосходно проиллюстрированы в *Истории Англии для школ*, Часть I., Китиндж и Фрейзер, стр. 377-381. Однако у нас нет желания предписывать учителю, каким образом он должен заниматься своим ремеслом, а просто предоставить ему и его ученикам материалы, до сих пор недоступные для школьных целей. Очень умеренная цена книг этой серии должна сделать их доступными для каждой средней школы. Учебные пособия позволяют ученику принимать более активное участие в уроке истории, чем до сих пор. Вот аппарат, исходный материал: его использование мы оставляем на усмотрение учителя и обучаемых.

Мы считаем, что эти книги могут быть с пользой использованы студентами-историками всех классов, начиная с мальчиков четвертого класса средних школ и заканчивая студентами старших курсов университетов. Что отличает студентов, придерживающихся одной крайности, от студентов, придерживающихся другой, — это не столько вид изучаемого предмета, сколько то количество, которое они могут вчитаться в него или извлечь из него.

Что касается выбора темы, то, пытаясь удовлетворить естественный спрос на определенные “стандартные” документы, имеющие жизненно важное значение, мы надеемся представить много нового. Наше намерение состоит в том, чтобы большинство выдержек были живыми по стилю — то есть личными, или описательными, или риторическими, или даже сугубо пристрастными — и не столько претендовали на то, чтобы излагать правду, сколько предоставляли данные для выводов. Мы стремимся к максимально возможному разнообразию и размещаем под публикациями письма, биографии, баллады и стихотворения, дневники, дебаты и газетные репортажи. На этих страницах представлены экономика, Лондон, муниципальная и общественная жизнь в целом, а также местная история.

Порядок расположения выдержек строго хронологический, каждая из них пронумерована, озаглавлена и датирована, а также дана ее авторитетность. Текст, при необходимости, модернизирован настолько, чтобы не создавать трудностей при чтении.

Мы будем очень благодарны преподавателям и студентам, которые могут присылать нам предложения по улучшению.

С. Э. УИНБОЛТ.
КЕННЕТ БЕЛЛ.

ПРИМЕЧАНИЕ К ЭТОМУ ТОМУ (1760-1801)

Трудность, с которой приходится сталкиваться редактору изданий периода 1760-1801 годов, заключается в богатстве доступных современных источников. Как будет видно, я в основном опирался на серию документов Министерства внутренних дел в "Календаре государственных документов", серию актов Тайного совета, *Журнал джентльмена* и *Ежегодный реестр*. Я надеюсь, что международные отношения Англии представлены пропорционально, хотя недостаток места препятствовал включению многого из того, что естественно напрашивается само собой. Несмотря на недостатки, я надеюсь, что учителя и учащиеся государственных школ и университетов найдут эти страницы полезными.

S. E. W.

Больница Христа,
апрель 1912 г..

Содержание

СТРАНИЦА

	Введения		v
1761.	Британские победы—мистер Берк	<i>Гораций Уолпол</i>	1
1761.	Награды мистеру Питту	<i>Переписка из Чатема</i>	2
1766.	Состояние тюрем	<i>Ювелира</i>	7
1767 года.	Возражения Таунсенда	<i>Переписка из Чатема: Шелберн и Берк</i>	10
1768 года.	Беспорядки в Уилксе	<i>Документы Министерства внутренних дел</i>	13
1768 года.	Беспорядки на Севере	<i>Документы министерства внутренних дел</i>	14
1769 года.	Петиция Георгу III.	<i>Письма Джуниуса от</i>	15
1770 года.	Лондон, Чатем: парламентская реформа	<i>письма Юния</i>	20
1770.	Комментарии на парламентских мероприятиях	<i>письма Юния</i>	22
1771.	Письма Томаса Хатчинсона, губернатор штата Массачусетс-Бэй	<i>домашнего офиса статей</i>	23
1771.	Рекомендации парламентских реформаторов	<i>письма Юния</i>	30
1772.	Стресс, вызванный высокими ценами на	<i>дома, офиса, статей</i>	37
1773.	Ходатайство ткачей Георга III.	<i>Документы министерства внутренних дел</i>	38
1773.	Уничтожение чая в Бостоне	<i>Документы министерства</i>	43

		<i>внутренних дел</i>	
1774.	Военные материалы для Америки	<i>Документы министерства внутренних дел</i>	46
1775.	Американская экспедиция в Канаду	<i>Документы Министерства внутренних дел</i>	48
1775 года.	Примирение с Америкой	<i>Берка</i>	51
1777 года.	Армии под командованием Хоу и Клинтона	<i>“Журнал джентльмена”</i>	54
1778.	Последнее письмо и речь Чатема	<i>Переписка Чатема и “Лондон Мэгэзин”</i>	62
1779.	Послание Георга III палатам и испанский манифест	<i>“Журнал джентльмена”</i>	65
1779.	Общество в Брайтелмстоне	<i>Дж. А. Эрредж</i>	69
1780.	Гордонские беспорядки	<i>Гораций Уолпол</i>	71
1781.	Капитуляция Корнуоллиса	<i>“Журнал для джентльменов”</i>	72
1783.	Предварительные условия европейского мира	<i>“Журнал для джентльменов”</i>	73
1784.	Жестокая предвыборная борьба	<i>“Письма” Каупера</i>	76
1785.	“Кантри пост”	<i>“Задача” Каупера</i>	77
1787г.	Речь Георга III перед палатами парламента	<i>"Ежегодный реестр"</i>	79
1788г.	Характеристики Ост-Индской компании	<i>Берк</i>	80
1789.	Импорт и экспорт кукурузы	<i>“Ежегодный реестр”</i>	84
1790.	Разграбление духовенства во Франции	<i>Берк</i>	85
1792.	Петиции о выборах в Сассексе	<i>Олдфилд</i>	90
1792.	Франция и самоуправление	<i>“Письма” Каупера</i>	93
1794.	Импичмент Уоррена Гастингса	<i>Берку</i>	94
1795.	Георг III, разгромленный толпой	<i>Письма принцессы Елизаветы</i>	97
1797.	Мятеж в Норе	<i>“Ежегодный реестр”</i>	98
1797.	Англия и	<i>переписка Директории Малмсбери</i>	103
1798.	Битва на Ниле	<i>“Ежегодный реестр”</i>	106
1800.	Припасы для флота и армии	<i>“Ежегодный реестр”</i>	115
1801.	Речь Георга III перед парламентом Первого Союза	<i>“Ежегодный реестр”</i>	119

НЕЗАВИСИМОСТЬ АМЕРИКИ
И

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
(1760-1801)

БРИТАНСКИЕ ПОБЕДЫ — “МОЛОДОЙ МИСТЕР БЕРК” (1761).

Источник.—*Письма Горация Уолпола*. Под редакцией П. Каннингема
Лондон: Бентли. Том iii., стр. 419-421. 1891.

Джорджу Монтегю, эсквайру, Строрберри-Хилл, 22 июля 1761г.

Со своей стороны, я полагаю, что мадемуазель Скудери составила план на этот год. Все это королевские браки, коронации и победы; они так налетают друг на друга из отдаленных уголков земного шара, что это выглядит точь-в-точь как ручная работа писательницы-любовницы, которой ничего не стоит, кроме небольшого искажения географии, влюбить великого Могола в принцессу ... и победить двух маршалов Франции, когда он верхом на слоне едет на свою свадьбу. Я не знаю, где я нахожусь. Едва я успел найти Мекленбург Стрелиц с помощью увеличительного стекла, как меня срочно доставили в Пондишерри — что ж, я беру его и сношу с лица земли. Я начинаю знакомиться с полковником Кутом и представляю, как он набивает сундуки бриллиантами и отправляет их своей жене перед свадьбой короля — гремят тауэрские пушки, и вот Брольо и Субиз потерпели полное поражение; если у толпы не намного более крепкие головы и более быстрые концепции, чем у меня, они решат, что милорд Грэнби превратился в набоба. Как, черт возьми, за два дня можно все это переварить? Почему Пондишерри не в Вестфалии? Не знаю, как римлянам это удавалось, но я не могу поддерживать две победы каждую неделю. Что ж, но вам захочется узнать подробности. Брольо и Субиз, объединившись, атаковали нашу армию пятнадцатого, но были отбиты; на следующий день принц Магомет Алли Каун — нет, нет, я имею в виду принца Фердинанда, отразил атаку, и французы побросали оружие и обратились в бегство, задавив милорда Харкорта, который шел за новой королевой; короче говоря, я не знаю, как это произошло, но мистер Конвей в безопасности, и я так же счастлив, как и сам мистер Питт. Мы потеряли только подполковника Кита; полковник Марлей и Гарри Таунсенд ранены.... Вчера я обедал с вашим секретарем; там были Гаррик и молодой мистер Берк, который написал книгу в стиле лорда Болингброка, вызвавшую всеобщее восхищение. Он разумный человек, но еще не избавился от своего авторитета и считает, что нет ничего более очаровательного, чем писатели, и быть одним из них. Когда-нибудь он поймет это лучше. Мне нравится "Маленькая Марли" Гамильтона; мы гуляли по большой аллее и пили чай в беседке из тростника; они говорили о Шекспире и Буте, о Свифте и милорде Бате, а я думал о мадам Севинье. Спокойной ночи! Мне нужно написать еще дюжину писем; я должен рассказать своим друзьям, как я счастлив — не как англичанин, а как двоюродный брат.

Всегда твой.

НАГРАДЫ МИСТЕРУ ПИТТУ (1761).

Источник.—*Переписка Уильяма Питта, графа Чатема*. Том ii., стр. 146 и далее. Лондон, 1838-1840.

Граф Бьют мистеру Питту, 6 октября 1761г.

Сэр,

Я берусь за перо с большим, чем обычно, желанием преуспеть в деле, о котором я, по повелению короля, должен написать вам. Я искренне желал донести до его Величества какую-нибудь информацию о вашем разуме; что-нибудь, что могло бы указать на тот знак его королевской милости, которым ему, похоже, не терпится вас одарить.¹

Поскольку это было не в моей власти, король пожелал, чтобы я изложил две идеи; желая, чтобы одна из них была наиболее приятной для вас, была немедленно приведена в исполнение; но, если ни одна из них не соответствует вашим склонностям, я надеюсь, что вы не откажетесь поделиться с его Величеством вашими собственными мыслями по этому поводу. Управление провинцией Канада с жалованьем в пять тысяч фунтов стерлингов, казалось, поразило короля больше всего; и это по двум причинам: во-первых, поскольку вы будете управлять провинцией, приобретенной вашими собственными способностями и твердостью; во-вторых, поскольку это донесет до всего мира намерения его Величества никогда не расставаться с этим великим и важным завоеванием. Предусматривается возражение о том, что он не может быть обеспечен местом в парламенте; но короткий законопроект мог бы исправить это в этом новом случае; в преамбуле которого были бы изложены причины, по которым король назначил это назначение. Однако, если это не поразит вас в том же свете, что и его величество, следующее, о чем мне приказано упомянуть, - это канцлер герцогства с прилагаемым к нему жалованьем, как упоминалось ранее.

Прошу вас, сэр, рассматривать это как доказательство искреннего желания короля показать этой стране, какого высокого мнения он о ваших заслугах. Если они не совсем угодят, припишите это недостатку информации, на которую я ранее намекал; и окажите мне справедливость, поверьте, что я никогда не выполню ни одно поручение с большим удовольствием, чем это.

Я, сэр, с глубочайшим уважением,
Ваш покорнейший слуга,
Бьют.²

Мистер Питт графу Бьют, 7 октября 1761г.

[Из неровного наброска, сделанного почерком мистера Питта.]

Мой господин,

Пораженный степенью милостивого отношения его Величества ко мне, я прошу вашу светлость оказать мне милость и положить меня к королевским ногам со смиренной данью самой непритворной и уважительной благодарности. Проникнутый щедрой благосклонностью самого милостивого государя и повелителя, я поражен его снисходительностью, когда он соизволил подумать о любых склонностях своего слуги в отношении способов оказания мне знаков его королевской милости.

Любое публичное проявление одобрения его Величества, исходящее из такого спонтанного источника милосердия, будет моим утешением и моей славой; и я не могу не отдавать себе отчета во всех тех обстоятельствах, столь исключительно почетных, которые сопровождают первую из двух идей, подсказанных мне указаниями его Величества, которые были упомянуты. Однако, поскольку Король столь бесконечно милостиво приказал мне не скрывать своих мыслей по столь деликатному вопросу, я надеюсь, что это будет расценено как послушание, а

не самонадеянность, если я выскажу сомнения, которые у меня есть относительно уместности моего вступления в любую из упомянутых должностей или, действительно, учитывая то, от чего я отказался, повторного вступления в какую-либо из них.

Таким образом, в целом я позволил себе, не без боли и страха, подчиниться вниманию его Величества; слишком гордый, чтобы получить какой-либо знак королевского одобрения и благосклонности, но прежде всего вдвойне счастливый, если бы я мог видеть тех, кто мне дороже, чем я сам, в этом памятнике королевского одобрения и доброты, которым его Величество соблаговолит меня отметить.

Я не могу завершить это письмо, и без того слишком длинное, без выражения моей горячей благодарности вашей светлости за то, что вы самым любезным образом передали мне добрые намерения его Величества, и заверения вашей светлости, что я всегда буду высоко ценить те благоприятные чувства, которые вы изволили выразить по моему поводу. Я имею честь быть, с большой правдивостью и уважением,

С уважением и с.
У. Питт.

Граф Бьют мистеру Питту, 8 октября 1761г.

Сэр,

Я изложил содержание вашего письма его величеству, которому было милостиво угодно признать причины, которые вы привели для отказа от вступления в должность, и одобрить уважительные открытия, сделанные в некоторых частях письма.

Получив приказ короля подумать о наиболее подходящем способе приведения его намерений в исполнение, я, не теряя времени, занялся своими исследованиями. Английский гражданский список ни в коем случае не подходил; у ирландцев были возражения: оставалось только одно, что, возможно, могло послужить великодушным целям короля. Его Величество одобряет это и соответственно поручил мне уведомить вас, что, поскольку вы отказались принять какую-либо должность, его Величество дарует леди Эстер Питт звание пэра, которое перейдет через ее светлость к вашим сыновьям, с субсидией в размере трех тысяч фунтов стерлингов в год на содержание плантации, вам и любым двум другим лицам, которых вы назовете. Эти необычные знаки королевского одобрения не могут не понравиться такому уму, как ваш. Позвольте мне заверить вас, что сообщение о них доставляет мне величайшее удовольствие.

Я, сэр, с искренним уважением, Ваш покорнейший слуга Бьют.

Мистер Питт графу Бьют, 8 октября 1761г.

[Из черновика, написанного рукой мистера Питта.]

У меня нет слов, чтобы выразить чувства почтения и благодарности, с которыми я принимаю безграничные проявления благодетеля и милости, которые милостивый из государей снизошел даровать мне и тем, кто мне наиболее дорог.

Ваша светлость не удивится, если чувства, которые овладевают всей моей грудью, откажут мне в возможности описать их масштабы, и мне останется только просить, чтобы ваша светлость была так добра положить меня и леди Эстер к ногам короля и предложить от нашего имени его Величеству искреннюю дань истинно чувствующего сердца; смею надеяться, что та же королевская милость, которая осыпает недостойных такими безграничными благами, соизволит принять их с равной снисходительностью и добротой.

Я есть и с.

У. Питт.

СОСТОЯНИЕ ТЮРЕМ.

Источник.—Goldsmith's *Викарий Голдсмита из Уэйкфилда* (глава XXVII.).

На следующее утро я сообщил своей жене и детям о задуманном мной плане исправления заключенных, который они восприняли со всеобщим неодобрением, утверждая, что это невозможно и неуместно; добавив, что мои усилия никоим образом не будут способствовать их исправлению, но, вероятно, могут опозорить мое призвание.

“Извините меня, ” возразил я, “ эти люди, какими бы падшими они ни были, все же люди; и это очень хорошее название для моей привязанности. Отвергнутый добрый совет возвращается, чтобы обогатить сердце дающего; и хотя наставление, которое я сообщаю, может быть, и не исправит их, но оно, несомненно, исправит меня. Если бы эти негодяи, дети мои, были принцами, тысячи были бы готовы предложить свое служение; но, по моему мнению, сердце, погребенное в темнице, так же драгоценно, как и то, что восседает на троне. Да, мои сокровища, если я смогу их починить, я это сделаю; может быть, не все они будут презирать меня; может быть, я смогу выловить хотя бы одного из пропасти, и это будет большая выгода; ибо есть ли на земле драгоценный камень, столь же драгоценный, как человеческая душа?”

Сказав это, я оставил их и спустился в общую тюрьму, где застал заключенных очень веселыми, ожидавшими моего прибытия; и каждый готовился сыграть с доктором какую-нибудь тюремную шутку. Таким образом, когда я собирался начать, один из них как бы случайно сдвинул мой парик набок, а затем попросил у меня прощения. Второй, стоявший поодаль, имел обыкновение сплевывать сквозь зубы, которые дождем падали на мою книгу. Третий восклицал “Аминь!” таким наигранным тоном, что приводил остальных в неописуемый восторг. Четвертый ловко вытащил у меня из кармана очки. Но был один, чья выходка доставила всеобщее удовольствие больше, чем все остальные; заметив, как я разложил свои книги на столе передо мной, он очень ловко сдвинул одну из них и поставил на ее место свой собственный сборник непристойных шуток. Однако я не обратил внимания на все, на что была способна эта озорная группа маленьких существ, но пошел дальше, прекрасно понимая, что то, что было смешным в моей попытке, вызовет веселье только в первый или второй раз, в то время как то, что было серьезным, останется постоянным. Мой замысел удался, и менее чем через шесть дней некоторые раскаялись, и все были внимательны.

Именно сейчас я похвалил себя за настойчивость и умение обращаться, за то, что я таким образом придал чувствительность несчастным, лишенным всякого морального чувства, и теперь начал подумывать о том, чтобы оказать им еще и светскую услугу, сделав их положение

несколько более комфортным. До сих пор их время было разделено между голодом и излишествами, бурными бунтами и горькими сетованиями. Их единственным занятием были ссоры друг с другом, игра в криббидж и вырезание табачных пробок. Из этого последнего способа праздного производства я извлек намек на то, чтобы нанимать тех, кто выбрал работу по вырезанию колышков для табачников и сапожников, причем надлежащая древесина закупалась по общей подписке, а после изготовления продавалась по моему назначению; так что каждый зарабатывал что—нибудь каждый день - конечно, мелочь, но достаточную для его содержания.

На этом я не остановился, а ввел штрафы за безнравственность и поощрения за особое усердие. Таким образом, менее чем за две недели я сформировал из них нечто социальное и гуманное и имел удовольствие считать себя законодателем, который избавил людей от их врожденной жестокости к дружбе и повиновению.

И очень хотелось бы, чтобы законодательная власть таким образом направила закон скорее к реформированию, чем к суровости; чтобы он казался убежденным в том, что работа по искоренению преступлений заключается не в том, чтобы сделать наказания привычными, но грозными. Тогда вместо наших нынешних тюрем, которые находят или делают людей виновными, которые заключают несчастных за совершение одного преступления и возвращают их, если возвращают живыми, приспособленными для совершения тысяч преступлений, мы увидели бы, как и в других частях Европы, места покаяния и уединения, где за обвиняемыми могли бы ухаживать те, кто мог бы дать им раскаяние, если они виновны, или новые мотивы к добродетели, если они невиновны. И это, но не ужесточение наказаний, является способом исправления государства: я не могу даже не подвергнуть сомнению обоснованность того права, которое социальные объединения присвоили себе на смертную казнь за правонарушения незначительного характера. В случаях убийства их право очевидно, поскольку согласно закону о самообороне, это обязанность всех нас - прикончить того человека, который проявил пренебрежение к жизни другого. Против такого вся природа восстает с оружием в руках, но это не так против того, кто крадет мою собственность. Естественный закон не дает мне права отнимать у него жизнь, поскольку таким образом лошадь, которую он крадет, является такой же его собственностью, как и моя. Итак, если у меня и есть какое-то право, то оно должно вытекать из договора, заключенного между нами, согласно которому тот, кто лишит другого его лошади, умрет. Но это ложный договор, потому что ни один человек не имеет права обменять свою жизнь, равно как и отнять ее, поскольку она ему не принадлежит. И, кроме того, этот договор неадекватен и был бы отменен даже в современном суде справедливости, поскольку существует большое наказание за очень незначительное неудобство, поскольку гораздо лучше, чтобы двое мужчин жили вместе, чем чтобы один человек ездил верхом. Но договор, который является ложным между двумя людьми, в равной степени является ложным между сотней и ста тысячами; ибо, как десять миллионов кругов никогда не смогут составить квадрат, так и объединенный голос мириад людей не может дать ни малейшего основания для лжи. Именно так говорит разум, и неискушенная природа говорит то же самое. Дикари, руководствующиеся только законами природы, очень бережно относятся к жизни друг друга; они редко проливают кровь, кроме как в отместку за прежнюю жестокость.

Наши саксонские предки, какими бы свирепыми они ни были на войне, в мирное время казнили очень мало; и во всех начинающихся правительствах, на которых еще сильна печать природы, едва ли какое-либо преступление карается смертной казнью.

Именно среди граждан утонченного общества уголовные законы, находящиеся в руках богатых, распространяются на бедных. Правительство, по мере того как оно стареет, кажется, приобретает угрюмость возраста; и как будто наша собственность дорожает по мере ее увеличения — как будто чем огромнее наше богатство, тем больше наших страхов, — все наши владения каждый день украшаются новыми эдиктами и увешиваются виселицами, чтобы напугать каждого захватчика.

Я не могу сказать, из-за количества наших уголовных законов или из-за распушенности нашего народа в этой стране за год появляется больше осужденных, чем в половине доминионов Европы вместе взятых. Возможно, это связано с обоими, ибо они взаимно порождают друг друга. Когда в силу неизбирательных уголовных законов нация видит одно и то же наказание, назначаемое за разные степени вины, не видя различия в наказании, люди теряют всякое чувство различия в преступлении; и это различие является оплотом всякой морали: таким образом, множество законов порождает новые пороки, а новые пороки требуют новых ограничений.

Тогда следовало бы пожелать, чтобы власть, вместо того чтобы изобретать новые законы для наказания порока, вместо того чтобы туго натягивать веревки общества до тех пор, пока они не разорвутся в конвульсиях, вместо того чтобы отсекал негодяев как бесполезных до того, как мы испытаем их полезность, вместо того чтобы превращать исправление в месть; следовало бы пожелать, чтобы мы испробовали ограничительные приемы правления и сделали закон защитником, а не тираном народа. Тогда мы обнаружили бы, что существам, чьи души хранятся как отбросы, нужна была только рука рафинировщика; тогда мы обнаружили бы, что несчастные, обреченные на долгие пытки, чтобы роскошь не причинила мгновенной боли, могли бы, при надлежащем обращении, послужить укреплению государства во времена опасности; что, поскольку их лица похожи на наши, их сердца такие же; что немногие умы настолько низки, что упорство не может исправить; что человек может увидеть свое последнее преступление, не умирая за него; и что очень небольшое количество крови послужит укреплению нашей безопасности.

УПОРСТВО ТАУНСЕНДА (1767).

Источник.—*Переписка Уильяма Питта, графа Чатема*. Том iii., стр. 233 и далее. Лондон, 1838-1840.

Затем мистер Таунсенд упомянул чрезвычайные обстоятельства Америки и необходимость голосования по определенной сумме; которую, по его словам, он не мог бы и не стал бы вносить, если бы кабинет министров предварительно не принял во внимание все состояние Америки и не позволил ему заявить Палате мнение администрации относительно фортов, торговли с индейцами, дислокации войск, короче говоря, всех договоренностей, рассмотренных с целью общего сокращения расходов, и на него должна быть возложена обязанность покрыть оставшуюся сумму: что он обещал это Палате и на основании того, что было принято в кабинете; и если он не может исправить это, он должен быть обязан обдумать наилучшие средства, посредством того, что он должен сказать, или своим поведением создать впечатление, что это было не его виной и противоречило его мнению.³

Я ознакомил вашу светлость с этим, когда в последний раз имел честь быть у вас от лорда Баррингтона; трудность в значительной степени связана с несколькими предположительными

оценками, которые он представил Палате представителей. Я был удивлен поведением мистера Таунсенда, которое действительно продолжает оставаться чрезмерным при каждом удобном случае, пока впоследствии в разговоре не понял, что он заявил, что знал об отказе лорда Норта и от него самого. Герцог Графтон сказал мне и, полагаю, может сообщить вашей светлости, что он послал к лорду Норту спросить его. Мне кажется совершенно невероятным, что мистер Таунсенд может намереваться продолжать службу королю; но об этом ваша светлость сможет судить гораздо лучше, чем я, после того, как герцог Графтон даст вам более подробный отчет.

С глубоким уважением имею честь быть самым благодарным покорным слугой Вашей светлости, Шелбурн.

БЕСПОРЯДКИ В УИЛКСЕ (1768).

Источник.—*Календарь бумаг домашнего офиса, 1766-1769. Стр. 322, 323. Лондон, 1879.*

Роберт Вуд - сэру Дж. Филдингу.

5 и 6 апреля.— Лорду Веймауту сообщили, что мистер Стюарт, виноторговец, обратившись к вам за помощью в борьбе с толпой в ночь иллюминации, не встретил той поддержки, которую он имел основания ожидать от гражданского магистрата. Хотя этот отчет не согласуется с тем, что его светлость представлял себе о вашей бдительности и активности, тем не менее, он приказал мне ознакомить вас с ним и добавить, что, хотя, с одной стороны, он во многом полагается на ваше рвение и готов отдать должное вашему усердию во время недавнего беспорядочного разбирательства, все же, с другой стороны, он считает своим неременным долгом обратить внимание на любую небрежность со стороны магистрата, от которого так много зависит общественный порядок и спокойствие; и если отчет мистера Стюарта по этому делу обоснован, его светлость желает, чтобы Я дам вам знать, что это в значительной степени изменит то благоприятное мнение, которое он хочет сохранить о вас. Его светлость считает, что было бы несправедливо по отношению к вам, а также к общественности скрывать от вас этот вопрос, хотя мистер Стюарт подал его не в качестве официальной жалобы, а просто для сведения государственного секретаря. Лорд Веймаут готов предположить, что в том, что он услышал, должна быть какая-то ошибка.

P.S. Поскольку лорд Веймаут принял все мыслимые меры предосторожности, чтобы поддержать магистратуру и придать вес вашему разбирательству, он разочарован, обнаружив, что должна быть какая—либо жалоба; и хотя он презирает шум, он должен обратить внимание на факты, на которые настаивает честный гражданин; и я искренне желаю, чтобы вы предоставили ему возможность снять с вас обвинения, что также является его желанием.

Ответ на это письмо датирован 5-м числом.

Сэр Джон Филдинг излагает историю событий той ночи и говорит, что, насколько ему известно и насколько он способен, с неустанным вниманием, усердием и прилежанием он делал все, что в его силах, для сохранения мира и правопорядка, а также для обнаружения нарушителей и привлечения их к ответственности, с начала и до завершения недавних неприятных беспорядков. Искренне обеспокоен, если мистер Стюарт в каком-либо отношении

неправильно понял его значение, и еще больше тем, что лорд Веймаут недоволен его поведением как мирового судьи. Несчастливым он был всегда; особенно в настоящее время, когда его самые горячие попытки оправдать общественное доверие лояльностью своему Суверену, верностью своей стране и повиновением вышестоящим оказались настолько безрезультатными, что не обеспечили ему доверия тех, от кого он хотел бы получить одобрение.— Боу-стрит.

БЕСПОРЯДКИ НА СЕВЕРЕ (1768).

Источник.—*Календарь бумаг домашнего офиса, 1766-1769. Стр. 839, 840. Лондон, 1879.*

Герцогу Нортумберлендскому - главным государственным секретарям Его Величества.

12 и 14 апреля.—Получил в течение этих нескольких дней несколько писем из Ньюкасла, в которых сообщается об очень буйных настроениях, вспыхнувших среди моряков и других лиц в этом месте и его окрестностях, которые совершили много бесчинств, продолжения которых все еще следует опасаться. Его Светлость вдается во все подробности. Мэр и другие магистраты Ньюкасла, а также судьи Нортумберленда и Дарема проявили большую бдительность и активность в этом случае, но его светлость присоединяется к их общей просьбе о том, чтобы полк был расквартирован и продолжал работу в Ньюкасле и окрестностях. Нортумберленд-Хаус, 12 апреля.

Ответ от лорда Веймута, датированный 14-м, с приложением копии письма, написанного в связи с этим военному министру, предписывающего ему отдать приказы о задержании войск в Ньюкасле и окрестностях, которые сейчас там находятся, и сообщить, не допускает ли нынешнее расположение войск в этой части света изменений, которые могут отвечать целям поддержки гражданского магистрата.

То же самое к тому же самому.

13 и 14 апреля.— Рассмотрение вопроса о том, не является ли целесообразным, чтобы определенное оружие, принадлежащее ополчению Мидлсекса, хранящееся в ризницах и других малозащищенных местах в Вестминстере и окрестностях Лондона, было перевезено в Тауэр на случай, если появятся основания опасаться возобновления массовых беспорядков.

Ответ лорда Веймаута, датированный 14-м числом.

Крайне неуместно, чтобы оружие когда-либо хранилось в местах с низкой степенью безопасности, особенно в настоящее время, когда среди населения проявляются столь буйные настроения. Но поскольку есть возражения против того, чтобы сдать это оружие сейчас в Тауэр, его светлости в настоящее время надлежит принять все возможные меры предосторожности, отдав необходимые приказы об особом внимании и бдительности в этом случае; и в случае попытки населения завладеть оружием, вызвать армию, поскольку Военному секретарю отданы приказы поддерживать гражданский магистрат при любой необходимости.

ПЕТИЦИЯ ГЕОРГУ III. ОТ ФРИГОЛЬДЕРОВ ГРАФСТВА МИДЛСЕКС (1769).

Источник.—*Письма Юния*. Лондон: Г. Белл и сыновья. Том ii. 1911.

Высочайшему Величеству короля.

Смиренное прошение свободных землевладельцев графства Мидлсекс.

Всемилоостивый Государь,

Мы, послушные и верноподданные вашего Величества, Свободные владельцы графства Мидлсекс, со всей искренней покорностью и смирением просим позволения припасть к вашим королевским стопам и смиренно умоляем вас отечески отнестись к тем обидам, на которые жалуется это графство и вся нация, и к тем страшным опасениям, которыми вся Британская империя наиболее справедливо встревожена.

С великой скорбью и прискорбием мы давно наблюдаем за усилиями определенных злонамеренных личностей, которые пытаются внедрить в ваш королевский разум представления о самых опасных и пагубных тенденциях, и которые продвигают и советуют такие меры, которые не могут не разрушить ту гармонию и доверие, которые всегда должны существовать между справедливым и добродетельным принцем и свободным и верным народом.

С этой злонамеренной целью они ввели во все органы управления нашей счастливой правовой конституции определенную неограниченную дискреционную власть, предотвращение которой является единственной целью всех наших законов и было единственной причиной всех тех беспорядков и революций, которые некогда терзали эту несчастную страну; ибо наши предки по собственному роковому опыту хорошо знали, что в государстве, где начинается свобода действий, закон, свобода и безопасность заканчиваются. Под предлогом этого усмотрения, или, как это было раньше и стало называться в последнее время, Государственного права, мы видели, что

Английские подданные и даже член законодательного собрания Великобритании, арестованные на основании общего ордера, выданного государственным секретарем, вопреки законодательству страны.

Их дома были разграблены, документы изъяты и использованы в качестве улик в суде.

Их тела отправлены в строгое заключение.

Хабеас Корпус ускользнул.

Суд присяжных отменен, и первый судебный исполнитель короны публично намекает, что присяжным доверять нельзя.

Печатники наказаны министерством в верховном суде без суда равных им, вообще без какого-либо суда.

Средство правовой защиты от незаконного тюремного заключения отменено и побеждено.

Истец и его адвокат за их апелляцию к законодательству страны наказаны судебными издержками и тюремным заключением и принуждены к отказу от своих законных требований.

Письмо, признанное судом клеветой там, где оно не было признано в первой инстанции; противоречит закону, поскольку таким образом прекращается всякое обжалование, и такая предопределенность влияет на суды низшей инстанции и присяжных.

Лицо, осужденное указанными судами как автор предполагаемой клеветы, неслыханно, без защиты или суда.

Несправедливое рассмотрение петиций путем отбора только тех частей, которые могут быть использованы для привлечения заявителя к уголовной ответственности, и отказа заслушать те, которые могли бы обеспечить ему возмещение ущерба.

Благодарность одной из ветвей законодательной власти, предложенная министром признанному преступнику за его проступок с заявленным намерением скрыть его от закона.

Приложения были отклонены от своего первоначального намерения устранить препятствия судебному разбирательству, наказать приговором о произвольном штрафе и тюремном заключении без суда и апелляции предполагаемые преступления, совершенные во внесудебном порядке.

Пожизненное заключение англичанина без суда, осуждения или приговора по тому же способу прикрепления, при котором одно и то же лицо является одновременно стороной, обвинителем, судьей и присяжными.

Вместо древней и законной гражданской полиции военные при каждой возможности вводили ненужное и незаконное патрулирование улиц, к тревоге и ужасу жителей.

Жизни многих невинных подданных вашего величества были уничтожены военными казнями.

Такая военная казнь торжественно признана законной.

Подстрекательство к убийству, поощрение и вознаграждение.

Гражданская магистратура была унижена назначением ненадлежащих и недееспособных лиц.

Гражданские магистраты, вмешивающиеся в дела администрации, пренебрегающие своими обязанностями и отказывающиеся выполнять их.

Толпы и участники беспорядков, нанятые и поднятые министерством, чтобы оправдать и рекомендовать свои собственные незаконные действия и повлиять на мнение вашего Величества ложными инсинуациями против лояльности подданных вашего Величества.

Свобода выборов нарушается коррупцией и неоправданным влиянием, безнаказанным насилием и убийствами.

Справедливые вердикты присяжных и мнение судей отменяются ложными заявлениями вашему Величеству; и определения закона отменяются новыми, беспрецедентными и опасными средствами; таким образом, виновные остаются без ограничений, а пострадавшие без возмещения ущерба, а жизни подданных вашего Величества зависят от милости каждого негодяя, находящегося под защитой администрации.

Устаревшие и возмутительные претензии короны выдвигаются в частичных и предвыборных целях.

Частичные нападки на свободу печати, самые смелые и пагубные клеветнические высказывания против конституции и против свободы подданных остаются незамеченными, в то время как малейшая клевета против министра карается со всей строгостью.

Злонамеренные попытки увеличить и учредить постоянную армию, пытаясь наделить корону неограниченной властью над ополчением, которое, в случае их успеха, рано или поздно должно ниспровергнуть конституцию, увеличивая полномочия администрации пропорционально их правонарушениям.

Неоднократные попытки принизить значение членов парламента в отдельности, с тем чтобы сделать их более зависимыми от администрации в целом. Даже угрозы, использованные министрами для подавления свободы дебатов; и гнев парламента, обрушившийся на меры, санкционированные законом страны.

Постановления одной ветви законодательной власти, принятые в качестве закона страны, являются прямой узурпацией прав двух других ветвей и, следовательно, явным нарушением конституции.

Государственные деньги позорно растрочены и пропали без вести, а все расследования причин задолженности по гражданским спискам пресекаются министерством.

Расследование государственных счетов казначея прекратилось в казначействе, хотя суммы, перечисленные этим казначеем, составляют более сорока миллионов фунтов стерлингов.

Государственные займы, извращенные для частных министерских целей.

Предоставление общественных почестей и наград мужчинам, которые не могут ни сослаться на общественную добродетель, ни на услуги.

Безбожие и безнравственность, столь явно отвергаемые королевским примером вашего величества, поощряемые администрацией как примером, так и наставлениями.

Та же свобода действий была распространена теми же злыми советниками на владения вашего Величества в Америке и породила у наших страждущих собратьев-подданных в этой части света обиды и опасения, аналогичные тем, на которые мы жалуемся у себя дома.

Всемиловитый Государь,

Таковы обиды и опасения, которые долгое время вызывали недовольство и тревогу у большей и наилучшей части верноподданных вашего Величества. Не желая, однако, прерывать ваш королевский покой, хотя и готовые отдать наши жизни и состояния за службу вашему Величеству и за конституцию, как это установлено законом, мы терпеливо ждали, ожидая конституционного средства правовой защиты посредством наших собственных представителей, но наш законный и свободный выбор неоднократно отвергался, и право избрания теперь окончательно отнято у нас беспрецедентным избранием кандидата, который никогда не избирался графством, и который, даже для того, чтобы стать кандидатом, был

вынужден обманным путем освободить свое место в парламенте под предлогом незначительного места, приглашенного на него правительством. предварительное заявление министра о том, что тот, кто выступит против нашего выбора, хотя бы и с четырьмя голосами, должен быть объявлен депутатом от округа. Этим последним актом мы видим себя лишенными даже привилегий англичан, низведенными до самого жалкого состояния рабства и оставшимися без надежд или средств исправления, кроме как от вашего Величества или Бога.

Соблаговолите же, всемилостивый Государь, прислушаться к молитве самых верных подданных вашего Величества; и навсегда лишить вашей королевской милости, доверия и самонадеянности тех злых и пагубных советников, которые пытались оттолкнуть от себя любовь самых искренних и исполненных долга подданных вашего Величества, и чьи предложения имеют тенденцию лишать ваш народ его самых дорогих и существенных прав, и которые предательски осмелились отступить от духа и буквы тех законов, которые закрепили корону этих королевств за Брауншвейгским домом. , в котором мы возносим наши самые искренние молитвы Богу о том, чтобы она оставалась незапятнанной до последних потомков.

Подписано 1565 свободными держателями.

ЛОНДОНСКИЙ СИТИ И ГРАФ ЧАТЕМ О ПАРЛАМЕНТСКОЙ РЕФОРМЕ (1770).

Источник.—*Письма Джуниуса*. Лондон: Г. Белл и сыновья. 1910. Том первый.

На Общем совете холдена 14 мая 1770 года было решено: “Благодарность этого суда должна быть вручена достопочтенному Дж. Уильяму графу Чатемскому - за рвение, которое он проявил в поддержку этих самых ценных и священных привилегий, права избрания и права подачи петиций; и за его пожелания и заявление о том, что его усилия впредь будут использованы для восстановления парламентов в их первоначальной чистоте путем сокращения срока их полномочий и введения более полного и равного представительства, акта, который сделает его имя более почитаемым потомством, чем достопамятные успехи славной войны, которую он вел”.

На этот вотум благодарности граф Чатем дал следующий ответ комитету, уполномоченному представить его его светлости:

Джентльмены,

Мне нелегко выразить все, что я чувствую по поводу чрезвычайной чести, оказанной моему публичному поведению лондонским сити; органом, столь уважаемым во всех отношениях, но прежде всего, за их постоянное отстаивание прав англичан по рождению во время каждого серьезного кризиса конституции.

В нашей нынешней печальной ситуации моим долгом будет при всех надлежащих случаях присоединять ревностные усилия отдельного человека к тем законным мерам по обеспечению конституционных прав, которые, к их вечной чести, Лондонский сити предпринял в защиту

свободы выборов и свободы подачи петиций, а также для получения эффективного возмещения ущерба избирателям Великобритании.

Что касается того пункта среди заявлений, которые, как считается, я сделал, о моих пожеланиях общественности, позвольте мне сказать, что имело место некоторое недопонимание, поскольку при всем моем уважении к чувствам города, я вынужден заявить, что я не могу рекомендовать трехгодичные парламенты⁴ в качестве средства против этой язвы конституции - продажности на выборах; но я готов представить свое мнение на более тщательное рассмотрение, если желание этой меры станет преобладающим в королевстве. Чистота парламента является краеугольным камнем в содружестве; и поскольку одним из очевидных средств достижения этой необходимой цели является укрепление и расширение естественных отношений между избирателями и избранными, я, с этой точки зрения, публично выразил свои искренние пожелания более полного и равного представительства путем добавления одного рыцаря графства в графство в качестве дополнительного баланса между наемническими районами.

Я отбросил эту идею с справедливой неуверенностью частного человека, когда он осмеливается предложить что-либо новое по высокому вопросу. Воодушевленный вашим одобрением, я с большей надеждой продолжу смиренно представлять его на суд общественности как объект, который наиболее тщательно следует взвесить, тщательно изучить и зрелым образом переварить.

Много раз, находясь на службе короне и уйдя в отставку, я с благодарностью ощущал благосклонность моих сограждан, и теперь мне особенно повезло, что, благодаря их доброму расположению, я могу предложить что угодно для поддержания этой мудро скомбинированной системы смешанного правления вопреки упадку времени и отклонениям, присущим всем человеческим институтам; и я буду считать свою жизнь поистине почетной, если лондонский сити удостоит считать, что мои усилия не были напрасными для поддержания национальной чести, защиты колоний и расширения коммерческого величия моей страны. стране, а также для защиты от нарушения законов страны и основных прав, закрепленных в конституции.

КОММЕНТАРИИ К ПАРЛАМЕНТСКИМ СОБЫТИЯМ (ДЕКАБРЬ 1770 г.).

Источник.—*Письма Джуниуса* (Письмо LXXXI.). Лондон: Г. Белл и сыновья. 1911. Том ii.

Для “Public Advertiser’a”, 14 декабря 1770г.

ВТОРАЯ ГЛАВА "ФАКТОВ, ИЛИ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ИСТОРИИ".

1. Граф Чатем, заявивший в прошлый вторник в Палате лордов, что Гибралтар открыт для нападения с моря и что, если враг овладеет заливом, это место не сможет оказать длительного сопротивления, получил следующий ответ от великого государственного деятеля графа Сэндвичева: “Предположим, что доводы благородного лорда хорошо обоснованы, и предположим, что Гибралтар сейчас, к несчастью, взят, все же, согласно доктрине самого благородного лорда, это не имело бы большого значения. Ибо, хотя в настоящее время мы не являемся хозяевами моря, вероятно, рано или поздно мы ими станем, и тогда, милорды, не будет никаких трудностей с возвращением Гибралтара”. Примечание.Б. Этот граф - тайный советник, и, по-видимому, он согласовал этот удовлетворительный ответ с Пег Трентам у камина.

2. Сэр Эдвард Хоук в прошлую среду выступил в Палате общин с очень напыщенным отчетом о флоте. Спрашивают, почему, если наш военно-морской флот был таким многочисленным и готовым к службе, эскадру не послали в Гибралтар и Вест-Индию? его ответ был откровенным: “Что, со своей стороны, он не понимает, как можно посылать корабли за границу, когда, насколько ему известно, они могут понадобиться для защиты нашего собственного побережья”. Такова забота о наших владениях за границей! Один великий министр говорит нам, что их можно легко отбить; другой уверяет нас, что их невозможно защитить. Неужели тот человек, который спит, никогда не проснется, пока на него не обрушится разрушение? Неужели у него нет ни друга, ни слуги, чтобы задернуть занавес, пока Троя действительно не будет охвачена пламенем?

3. В среду лорд Норт проинформировал Палату общин, что, хотя он и желает почетного размещения, он считает своим долгом сообщить Палате, что он опасается, что *война слишком вероятна*; что он намерен добиваться дальнейшего увеличения численности в десять тысяч моряков и что, во всяком случае, ему следует рекомендовать сохранить военно-морские силы при расширенном составе, поскольку, несмотря на формулировки французского и испанского министров, по всей Франции и Испании наблюдаются явные враждебные приготовления.

4. Беспорядки в Палате лордов потрясли деликатность сэра Флетчера Нортон. Вчера во время какого-то шума он крикнул им со всей мягкостью фагота: *Прошу вас, джентльмены, соблюдайте порядок; вы почти такие же плохие, как в другом Заведении.*

5. В прошлый вторник лорд Кэмден представил в Палату лордов документ, содержащий три вопроса относительно доктрины, изложенной в документе лорда Мэнсфилда, на которые он пожелал, чтобы лорд ответил, если сможет. Лорд Мэнсфилд был очень разгневан тем, что его застали врасплох в вопросе, который у него никогда не было возможности обсудить, и сказал, что он слишком высоко ценит конституционную свободу субъекта, чтобы *отвечать на допросы.*

ТОМАС ХАТЧИНСОН - ЛОРДУ ХИЛЛСБОРО (1771).

Источник.—*Календарь бумаг домашнего офиса, 1770-1772. Стр. 191-193.*

Это. Хатчинсон, губернатор [Массачусетского залива], лорду [Хиллсборо].

22 января.—Беспорядки в колониях, по-видимому, не были вызваны дефектами форм или конституций правления. Они не преобладали пропорционально тому, что одна из них находилась при более популярной форме правления, чем другая. Их следует отнести к причине, общей для всех колоний, — расплывчатому, ложному и абсурдному представлению о природе правительства, распространяемому хитрыми людьми, устанавливающими границы для высшей власти и допускающими части сообщества и даже отдельных лиц судить, когда эти границы превышаются, и соответственно подчиняться или не повиноваться. При преобладании этих принципов не может быть применена внутренняя сила, и результатом должны быть беспорядок и неразбериха; и когда нет ощущения силы со стороны высшей власти, эффект тот же в отдельных частях, что и в целом. В этих обстоятельствах меры по реформированию конституции любого народа, вероятно, окажутся неэффективными и приведут к усилению беспорядков. Колонии находились в таких обстоятельствах, когда он написал свое первое частное письмо.

Преобладало общее мнение, что они могли бы огорчить королевство, прекратив свою торговлю с ним, и что не было ни малейшей опасности применения каких-либо принудительных мер. В этой колонии было место надежде на изменение обстоятельств, но это было неопределенно и, вероятно, на расстоянии. Они только что испытали шок от этого самого удачного удара, который освободил замок от всякой зависимости от народа и сохранил гавань и город Бостон под командованием королевских кораблей; но последствия не проявились. Он стремился к справедливому решению в отношении солдат, и не без надежды, но далеко не был уверен в успехе. Существовала перспектива роспуска конфедераций, выступавших против импорта, хотя некоторые колонии, по-видимому, были настроены более решительно. Существовало также ожидание разрыва между Великобританией и Францией или Испанией, или и тем, и другим, что, как правило, демонстрировало бы народу их зависимость от королевства и разумность их подчинения верховной власти. Он не был равнодушен к особым недостаткам в конституции этой провинции, и он жаловался на Совет как находящийся под чрезмерным влиянием и перекладывающий их вес на ту чашу весов, которая раньше была слишком велика; но он сам сомневался, и были другие, сомневались также, осмелятся ли советники, назначенные короной, взять на себя это доверие; или, если они это сделают, не откажется ли народ в целом подчиниться их власти; и он опасался, что последствия любого из них будут более чем компенсирующими преимущества, которые могут возникнуть просто в результате изменения конституции. К этому следует отнести недостаток решимости, который проявлялся в его частных письмах, а не к нежеланию доверять его светлости свои истинные чувства.

Перемена в настроении людей произошла раньше и в большей степени, чем кто-либо мог ожидать; и они, похоже, сейчас так же хорошо подготовлены к такому изменению конституции, как и в любое другое время в будущем; или, если это будет отложено, они, вероятно, останутся в сносно хорошем состоянии до того времени, которое можно будет счесть удобным, при условии, что тем временем будет предпринято что-то, чтобы выявить недовольство королевства их общепризнанными принципами и практикой, что даст им повод предположить, что с ними следует принять дальнейшие меры. Такого негодования ожидали повсюду. Если его опустить, они вернутся к своим прежним расстройством. Этот мудрый шаг по смене гарнизона в замке положил начало их излечению. В разгар этой неразберихи цитадель на Форт-Хилл также казалась необходимой. Теперь думает, что та же цель достигается и без нее. Однако, возможно, королю было бы уместно фактически владеть этим местом, либо построив склад или складское помещение, либо соорудив какое-то ограждение для сдерживания посягательств, но при этом не мешая жителям использовать это место для прогулок и проветривания, как они сейчас часто делают. В городе проводится голосование за его продажу. Буду следить за их действиями и, если будут предприняты дальнейшие попытки, сообщу об этом общественности. Если не будет сделано никаких дальнейших шагов для обеспечения хорошего поведения, отступления, безусловно, не будет. Внезапно отказаться от того, что было сделано в Замке и т.д., было бы очень опасно. Каждый акт парламента, приводимый в исполнение в колониях, имеет тенденцию к укреплению тамошнего правительства. Твердая убежденность в том, что парламент полон решимости во что бы то ни стало сохранить верховную власть, - это все, чего они хотят; мало кто или вообще никто не настолько слаб, чтобы подвергать сомнению способность делать это. Если бы на каждой сессии принимались Законы, более или менее контролирующие их, они вскоре были бы ознакомлены с ними; их ошибочные мнения исчезли бы, и возродились бы мир и порядок. Акт, позволяющий королю изменять границы провинции по своему усмотрению, невзирая на хартию, делая провинцию Мэйн и местность к востоку от нее отдельной

провинцией, и присоединять или нет, по усмотрению Его Величества, Нью-Гэмпшир к Массачусетсу, или отделять страну к востоку от Пеннобскота и присоединять ее к Новой Шотландии, может быть либо применен к ним как жезл, либо, в случае немедленного исполнения, продемонстрировал бы справедливое негодование против провинции за то, что она поощряет вторжения в восточную страну, в результате которых королевская древесина используется в качестве топлива. подвергнутый расточительству и опустошению, он стал бы ярким примером силы и авторитета парламента. Излагает свои основания полагать, что этот Акт будет приведен в исполнение. Предполагает, что всякий раз, когда рассматривается устав и дело провинции, вместо того, чтобы прямо заявлять, что полномочия по избранию советников определяет Ассамблея, король должен иметь возможность своим королевским указом о провозглашении определять это и вместо этого назначать Совет, как он сочтет нужным. Принятый позднее Закон, разрешающий выпуск кредитных билетов в Нью-Йорке, был чрезвычайно хорошо приспособлен для поддержания авторитета парламента.

Подает заявление от имени капитана . Филлипс, покойный командир, который, безусловно, является самым большим страдальцем из всех, кто принадлежал к покойному гарнизону.

Принимает все меры, соответствующие чести правительства, чтобы примирить гражданских и военных, вигов и тори. Они начинают понимать, что это, должно быть, действительно очень плохая конституция, которая не предпочтительнее того дикого состояния, в котором они пребывали несколько лет назад.—Бостон. Рядовой. Р. 30 марта.

Это. Хатчинсону, губернатору [Массачусетского залива], [Лорду Хиллсборо].

25 августа.— Мистер Генри Барнс, недавно прибывший из Англии, попросил его, губернатора, передать письмо от него его светлости и представить его страдания и заслуги перед правительством. Не был ознакомлен с содержанием письма. Мистер Барнс, несомненно, сильно пострадал из-за отказа соблюдать схему невоза и из-за своих попыток поддержать авторитет магистрата; но в своих ходатайствах о компенсации он проявляет больше нетерпения, чем можно было бы пожелать. Готов приписать это уму, измученному своими проблемами и проникнутому сильным чувством своих заслуг, которые, как он полагает, превосходят заслуги многих других, получивших благосклонность правительства. Он жалуется на то, что он, губернатор, пренебрегает им, не особо рекомендуя его дело, когда он поехал в Англию. Хотя он и не спрашивал об этом, он все же пришел к выводу, что это было сделано в ходе публичной переписки. Он, губернатор, передал отчет о письмах с подстрекательством и был бы более конкретен, если бы его попросили. Думал, что за свой общий характер, который очень хорош, он зависит от сэра Фрэнсиса Барнарда, который уважал его и которому он был особенно известен. Если бы в провинции было что-нибудь, что стоило бы принять в его, губернатора, распоряжение, он бы отдал это ему, но этого нет.

Выражает свою признательность его светлости за выданный Его превосходительством таможенным комиссарам ордер на выплату ему жалованья. Фонд, из которого выписан ордер, вырос бы до очень крупной суммы, если бы можно было предотвратить незаконную торговлю с Голландией.

Потребление чая в Америке превышает то, что кто-либо в Англии может себе представить. Некоторые предполагают, что пять шестых потребления за последние два года было ввезено контрабандой, а в Филадельфии и Нью-Йорке оно оценивается в девять десятых. Трейдеры получают такую непомерную прибыль, что для их отпугивания потребуются более частые конфискации, чем есть какие-либо основания надеяться. Если бы Индийская компания продолжала продавать свой чай по цене от 2,2 до 2,4 центов, как они продавали его два года назад, голландская торговля к этому времени была бы прекращена; но теперь, когда чай в Англии стоит от 3 центов и выше, незаконный торговец может позволить себе потерять один ящик из трех, в то время как ни один из ста не был изъят. У сотрудников таможенной службы на берегу есть сильные стимулы выполнять свой долг, поскольку они имеют право на долю в одну треть или более, но на самом деле они боятся гнева народа. Морские офицеры в последнее время стали более активными, и адмирал Монтегю, похоже, склонен держать свои крейсера подальше. Сомневается, однако, в том, что этой торговле когда-либо будут препятствовать каким-либо иным способом, кроме как снижением цены в Англии для экспортера, очень близкой к цене, по которой она осуществляется в Голландии. Из-за отсутствия этого доход потерял, за прошлый и нынешний годы, по меньшей мере 60 000 фунтов стерлингов, только из-за 3-й пошлины. Считает, что *cruisers* способны на большее. Предполагает, что конкретному сотруднику, производящему изъятие по поручению таможни, необходима большая доля, чем та, на которую он имеет право сейчас. Когда он привел к присяге некоторых офицеров военно-морского флота, чтобы они соответствовали требованиям таможни, он обнаружил большое безразличие и нежелание делать себя неприятными людям без какой-либо большой выгоды для себя.—Бостон. 29 октября.

Это. Хатчинсон, губернатор [Массачусетского залива], лорду [Хиллсборо].

10 сентября— В ответ на частное письмо его светлости от 30 мая, полученное только после того, как он завершил свое письмо от 25 августа. Now представляет оценку потребления чая Бохеа в Америке. В двух городах Бостоне и Чарльзтауне потребляется сундук, или около 340 фунтов в день. Города занимают не более одной восьмой, возможно, не более одной десятой части территории провинции. Предположим, что они потребляют всего 300 сундуков в год, и допустим, что они составляют одну восьмую, это составит 2400 сундуков для всей провинции. Это гораздо короче, потому что в провинциальных городах пьют гораздо больше чая в пропорции, чем в Бостоне. Эта провинция составляет не одну восьмую часть колоний; и в других правительствах, особенно в Нью-Йорке, потребляют чай в гораздо большей пропорции. Если это одна восьмая, то весь континент потребляет 19 200 сундуков, что по 4л. за сундук, только 3d. пошлина, составляет 76 800л. Но расчеты коротки во всех деталях. В Нью-Йорк редко импортируют что-либо, кроме голландского чая. В Род-Айленде и Пенсильвании дела обстоят немногим лучше. В этой провинции число голландских торговцев увеличивается. Часто получает информацию в больших объемах, когда слишком поздно; и иногда такие люди обеспокоены тем, что, по его мнению, не могли быть способны потворствовать лжесвидетельству или мошенничеству. Не могу не повторить, что до тех пор, пока Ост-Индская компания не приблизит цену на чай настолько к цене в Голландии, чтобы прибыль от импорта оттуда не равнялась риску, из Англии почти ничего не будет импортироваться. Исполняющий обязанности коллектора в Фалмуте, в заливе Каско, признал правдой, что торговые акты в его округе нарушались каждый день, но сказал, что офицеры на берегу не могли этому помешать. Он предположил, что единственный способ предотвратить это - увеличить количество

небольших шхун и постоянно держать в заливе одну или несколько, оснащенных как шхуны. “У нас недостаточно добродетели, чтобы становиться несносными людям просто из чувства долга”. Поэтому, по-видимому, лучше всего иметь на каждом судне только одного офицера с поручением от таможни, и он должен командовать и иметь право на все, кроме королевской половины конфискации; это дало бы ему хороший шанс сколотить небольшое состояние. По-видимому, нет той же причины для разделения какой-либо роли между командой или другими офицерами, что и в случаях с трофеями, взятыми на войне, когда все их жизни подвергаются риску; поскольку в данном случае нет опасности сопротивления вооруженному судну, поскольку все контрабандисты сами безоружны и полностью полагаются на маскировку.—
Бостон. 29 октября.

РЕФОРМАТОРЫ В ПАРЛАМЕНТЕ РЕКОМЕНДОВАЛИ УСТРАНЯТЬ РАЗНОГЛАСИЯ И СПОСОБСТВОВАТЬ ОБЪЕДИНЕНИЮ (1771).

Источник.—*Письма Джунууса* (Письмо LIX.). Лондон: Г. Белл и сыновья. 1910. Том i.

В типографию “Паблик Адвертайзер”, 5 октября 1771г.

Сэр,

Никто не скорбит более искренне, чем я, о прискорбных разногласиях, возникших между друзьями народа и разделивших их друг от друга. Дело, несомненно, страдает также от уменьшения той силы, которую несет в себе объединение, а также от отдельной потери личной репутации, которую каждый человек сохраняет, когда его характер и поведение часто преподносятся в одиозных или презрительных тонах. Эти разногласия выгодны только общему врагу страны; искренние друзья дела раздражены и испытывают отвращение; вялый адвокат пользуется любым предлогом, чтобы снова впасть в ленивое безразличие ко всему, что должно интересовать англичанина, столь несправедливо удостоенного звания умеренного; лживый, коварный приверженец, создающий или разжигающий беспорядки, видит, что плоды его бесчестного труда созревают вопреки его надеждам, и радуется обещанию банкета, который может удовлетворить только такой аппетит, как у него. Пора тем, кто действительно болеет за *дело и народу*, кто не заботится о личной выгоде и у кого достаточно добродетели, чтобы предпочесть общее благо общества удовлетворению личной вражды, — таким людям пора вмешаться; давайте попробуем, не удастся ли примирить эти роковые разногласия; или, если это невозможно, давайте остерегаться, по крайней мере, наихудших последствий разделения, и постараемся убедить этих яростных сторонников, если они не согласятся объединиться, быть полезными по отдельности. к тому делу, к которому все они притворяются привязанными. Честь и честность не должны быть отвергнуты, хотя тысячи видов добра и зла должны были занимать ступени морали между Зеноном и Эпикуром. Фундаментальные принципы христианства все еще могут быть сохранены, хотя каждый ревностный сектант придерживается своей собственной исключительной доктрины, а благочестивые священнослужители считают частью своей религии преследование друг друга. Гражданская конституция также, эта юридическая свобода, это всеобщее кредо, которое исповедует каждый англичанин, все еще могут быть поддержаны, хотя Уилкс и Хорн, Таунсенд и Собридж упрямо отказываются делиться; и даже если отцы церкви, Сэвил, Ричмонд, Кэмден, Рокингем и Чатем, расходятся во взглядах на церемонии своего политического богослужения и даже на толкование двадцати текстов Великой хартии

вольностей. Я обращаюсь к народу как один из народа. Давайте найдем этих людей в тех областях, для которых их различные способности лучше всего подходят, и настолько на благо общего дела, насколько позволят их различные склонности. Они не могут служить *нам*, не обслуживая, по сути, самих себя.

Если мистер Нэш будет избран, он вряд ли осмелится после столь недавнего подтверждения личного уважения своих сограждан немедленно объявить себя придворным. Я надеюсь, что духа и активности шерифов будет достаточно, чтобы противодействовать любым зловещим намерениям лорд-мэра; в столкновении с *их* добродетелью, возможно, он воспламенится.

Нет необходимости требовать от мистера Уилкса добродетелей Стоика. *Они* были несовместимы сами с собой, которые почти в тот же момент представляли его как низшего из людей, но, казалось, ожидали от него таких примеров стойкости и самоотречения, которые сделали бы честь апостолу; однако не будет лезть сказать, что он упрям, бесстрашен и изобретателен в средствах; то, что у него нет иного ресурса, кроме общественной благосклонности, является, на мой взгляд, хорошей рекомендацией для него. Я хотел бы, чтобы каждый человек, претендующий на популярность, оказался в таком же затруднительном положении; я хотел бы, чтобы отступление в Сент-Джеймс не было таким легким и открытым, каким его находят патриоты. К мистеру Уилксу нет доступа. Как бы он ни был введен в заблуждение страстью или неосторожностью, я думаю, что он не может быть виновен в преднамеренном предательстве общественности; благосклонность его страны представляет собой щит, который защищает его от тысячи кинжалов, дезертирство обезоружило бы его....

Я слишком уважаю способности мистера Хорна, чтобы льстить себя надеждой, что эти джентльмены когда-нибудь сердечно воссоединятся; однако не лишено оснований ожидать, что каждый из них с честью сыграет свою отдельную роль перед публикой. Что касается расхождений во мнениях по умозрительным вопросам, то, если мы будем ждать, пока *они* не будут урегулированы, деятельность человечества должна быть приостановлена навсегда. Но мы также не должны искать совершенства ни в одном человеке, ни в согласии между многими. Когда лорд Чатем утверждает, что власть британского законодательного органа не является высшей над колониями в том же смысле, в каком она является высшей над Великобританией; когда лорд Камден предполагает необходимость (о которой должен судить король) и, основываясь на этой необходимости, приписывает короне законное право (не данное самим Законом) приостанавливать действие акта законодательного органа, я слушаю их обоих с неуверенностью и уважением, но без малейшей степени убежденности или согласия; тем не менее, я не сомневаюсь, что они высказали свои истинные чувства, и их не следует поспешно осуждать. Я *тоже* имею право на откровенную интерпретацию моей страны, когда признаю невольное согласие с одним очень непопулярным мнением. Я сожалею о печальной необходимости, когда бы она ни возникла, обеспечивать безопасность государства путем временного вторжения в личную свободу подданного. Если бы, Боже мой, было возможно согласовать эти важные объекты во всех возможных ситуациях общественных отношений! Я уважаю законную свободу самого подлого человека в Британии так же, как свою собственную, и буду защищать ее с таким же рвением. Я знаю, что мы должны выстоять или пасть вместе. Но я никогда не сомневаюсь в том, что сообщество имеет право распоряжаться услугами своих членов, а также покупать их. Я вижу, что это право изначально основано на необходимости, которая превосходит все аргументы; я вижу, что оно установлено обычаем с незапамятных времен и признано более чем с молчаливого согласия законодательной власти. Я прихожу к

выводу, что по природе вещей нет средства правовой защиты от жалобы, на которую подана жалоба; ибо если бы оно и было, то оно должно было быть давным-давно устранено. Хотя бесчисленные возможности представлялись в высшей степени благоприятными для общественной свободы, никогда не предпринималось успешных попыток осветить тему в этой статье. Тем не менее, это ощущалось и на это жаловались с тех пор, как у Англии появился военно-морской флот. Условия, составляющие это право, должны рассматриваться вместе; по отдельности они не имеют большого значения. Несправедливо ссылаться на какие-либо злоупотребления при исполнении служебных обязанностей и на незаконность власти, тем более на вывод, который можно сделать из отношения военно-морского флота к сухопутной службе. Моряка можно использовать только против врагов его страны. Единственный случай, когда король вообще может иметь право вооружать своих подданных, - это когда иностранный десант действительно высаживается на нашем побережье. Всякий раз, когда происходит такой случай, ни один истинный англичанин не задастся вопросом, является ли право короля принуждать его защищать свою страну обычаем Англии или даром законодательной власти. Что касается пресса для моряков, то из этого не следует, что симптомы не могут быть смягчены, хотя чумку невозможно вылечить. Пусть выплаты будут увеличены настолько, насколько их может поддерживать общественный бюджет.⁵ Тем не менее, у них есть предел, и когда будут понесены все разумные расходы, фактически обнаружится, что требуется подстегнуть прессу, чтобы запустить выплату.

В целом, у меня никогда не было сомнений в строгом праве настаивать, пока я не услышал, что лорд Мэнсфилд аплодировал лорду Чатему за то, что он выдвинул нечто подобное этой доктрине в Палате лордов. Это соображение немало ошеломило меня. Но, поразмыслив, я пришел к выводу, что его поведение объясняется само собой. Он знал, что эта доктрина непопулярна, и стремился навязать ее человеку, который является первым объектом его страха и отвращения. Хитрый шотландец никогда не говорит правду без обмана. В совете он обычно делает вид, что принимает умеренное участие. Помимо его природной робости, частью его политического плана является то, что никогда не следует рекомендовать насильственные меры. Когда стражников вызывают убивать своих собратьев-подданных, это происходит не по мнимому совету лорда Мэнсфилда. Благоразумие подсказывает ему, что эту отвратительную должность лучше оставить таким людям, как Гауэр и Веймаут, как Баррингтон и Графтон. Лорд Хиллсборо мудро ограничивает свою твердость далекими американцами. Замыслы Мэнсфилда более утонченны, более эффективны и надежны.—Кто посягает на свободу прессы?—Лорд Мэнсфилд. Кто посягает на конституционную власть присяжных?—Лорд Мэнсфилд. Какой судья когда-либо бросал вызов присяжному, кроме лорда Мэнсфилда? Кто был тот судья, который, спасая брата короля, подтвердил, что человек первого ранга и положения, вынесший вердикт по делу о преступных деяниях, имеет право на ущерб не больший, чем самый жалкий механик?—Лорд Мэнсфилд? Кто назначает комиссаров большой печати?—лорд Мэнсфилд? Кто это издает указ за этих комиссаров, выносит решение против лорда Чатема,⁶ и впоследствии (обнаружив, что судьи выступили против него) заявляет в парламенте, что у него никогда не было сомнений в том, что закон был прямо противоположен этому указу?—Лорд Мэнсфилд. Кто он такой, что сделал предметом изучения и практики своей жизни подрыв и изменение всей системы юриспруденции в Суде королевской скамьи?—Лорд Мэнсфилд. Никогда не существовало человека, кроме него самого, который в точности соответствовал бы столь сложному описанию. По сравнению с этими чудовищами его первоначальная привязанность к Претендентке (у которой его самый дорогой брат был доверенным секретарем) является

добродетелью первой величины. Но час импичмента *наступит*, и ни он, ни Графтон не скроются от меня. Теперь пусть они выступят заодно против Англии и Дома Ганноверов. Стюарт и Мюррей должны сочувствовать друг другу.

Когда я ссылаюсь на показательные примеры непопулярных мнений, высказываемых и отстаиваемых людьми, у которых, как вполне можно предположить, нет иных взглядов, кроме общественного блага, я не имею в виду возобновление обсуждения таких мнений. Мне было бы жаль поднимать дремлющие вопросы о *Гербовом акте*, *Кукурузном счете* или *Пресс-ордере*. Я имею в виду только проиллюстрировать одно полезное положение, которое и является целью данной статьи: *Что мы обычно не должны отвергать дружбу или услуги какого—либо человека из-за того, что он отличается от нас в определенном мнении*. Это предостережение не покажется излишним, если мы понаблюдаем за обычным поведением человечества. В общественных делах существует наименьший шанс на полное совпадение чувств или склонностей. И все же каждый человек способен внести свой вклад в общее дело, и ничий вклад не должен быть отвергнут. Если у отдельных людей нет добродетелей, их пороки могут быть нам полезны. Меня не волнует, какими принципами руководствуется новоиспеченный патриот, если меры, которые он поддерживает, выгодны обществу. Нация заинтересована в его поведении. Его мотивы - его собственные. Качества патриота в каждом человеке преходящи, но есть быстрая смена субъектов, и породу стоит сохранить. Дух американцев может быть полезным примером для нас. Наши собаки и лошади - англичане только на английской земле; но патриотизм, по-видимому, можно улучшить путем пересадки. Я не отвергну законопроект, который стремится ограничить парламентские привилегии в разумных пределах, хотя его следовало бы украсть у Палаты Кавендишей и внести мистеру Онслоу. Черты лица младенца являются доказательством происхождения и отделяют благородное происхождение от низменного усыновления. Я охотно принимаю сарказм полковника Барре или сравнение мистера Берка. Даже молчаливый голос мистера Калкрафта заслуживает внимания при разделении. Что, если он бунтует из-за разграбления армии и решил быть патриотом только тогда, когда не мог быть равным? Давайте воспользуемся помощью таких людей, пока они с нами, и поставим их, если это возможно, на опасный пост, чтобы предотвратить дезертирство. Осторожный Уэддерберн, напыщенный Саффолк никогда не выбрасывали ножны и никогда не оставляли безнадежных надежд. Они всегда относились к слугам короля как к людям, с которыми когда-нибудь могли бы подружиться. Когда человек, выступающий на стороне обществу, заходит так далеко, что практически невозможно отступить, когда он нанес такого рода личное оскорбление, которого благочестивый монарх никогда не прощает, я начинаю думать, что он серьезен и что у него никогда не будет случая просить прощения у своей страны. Но примеры столь цельной и безоговорочной решимости встречаются редко. Давайте возьмем человечество *таким, какое оно есть*. Давайте распределим добродетели и способности отдельных людей в соответствии с занимаемыми ими должностями, а когда они уйдут со службы, давайте постараемся поставить на их места людей получше, чем мы потеряли. В этой стране всегда найдется достаточно кандидатов на всеобщее благоволение. Храмславы - кратчайший путь к богатству и возвышению.

Прежде всего, позвольте мне предостеречь моих соотечественников от подлости и безрассудства принимать незначительную или умеренную компенсацию за чрезвычайные и существенные травмы. Наши враги обращаются с нами, как хитрый торговец с неумелым индейцем. Они преувеличивают свою щедрость, когда отдают нам безделушки, не имеющие соразмерной ценности, за слоновую кость и золото. Та же Палата общин, которая лишила

конституционный орган права на свободные выборы; которая осмелилась *издать* закон под предлогом его *провозглашения*; которая оплатила долги нашего доброго короля, ни разу не поинтересовавшись, откуда они взялись; которая возблагодарила за неоднократные убийства, совершенные дома, и за национальный позор, навлекаемый за границей; которая прикрыла лорда Мэнсфилда; которая заключила в тюрьму магистратов метрополии за отстаивание права подданных на защиту законов; которая стерла судебные записи и приказала приостановить все разбирательства по уголовному делу; — эта самая Палата общин. Палата общин любезно согласилась с тем, что их собственные члены могут быть вынуждены выплатить свои долги, и что оспариваемые выборы в будущем будут определяться с должным учетом существа дела. Возбуждение судебного процесса не имеет значения для короны. Хотя парламенты бывают семеричными, покупка действующего члена или петиционера имеет разницу всего в один день. Подобные уступки не имеют большого значения в совокупности обстоятельств; разве что для того, чтобы доказать, что худшие из людей осознают ущерб, который они нанесли нам, и, возможно, чтобы продемонстрировать нам неминуемую опасность нашего положения. При кораблекрушении государства мелочи всплывают и сохраняются, в то время как все прочное и ценное опускается на дно и теряется навсегда.

Джуніус.

БЕДСТВИЕ, ВЫЗВАННОЕ ВЫСОКИМИ ЦЕНАМИ (1772).

Источник.—*Календарь бумаг домашнего офиса, 1770-1772. С. 479.*

Упреждающий и всепоглощающий.

11 апреля.— Документ, подписанный “около Дорчестера”, адресованный королю (газеты обратили внимание на желание Его Величества снизить цены на провизию), чтобы указать ему на зло опережать события и поглощать их. В качестве примеров увлечения окрестностями Дорчестера автор приводит поместья Кэм, Уиткомб, Манктон и Бокхэмптон. В первом, по его словам, около тридцати лет назад было много жителей, многие из которых владели арендованными поместьями под руководством владельца поместья в течение трех жизней. Некоторые из них имели состояние в 15 фунтов стерлингов, 20 фунтов и 30 фунтов в год, будучи по большей части осторожными, трудолюбивыми людьми, обязанными сохранять немного наличных денег, чтобы сохранить состояние в семье, если жизнь оборвется. Их зерно доставляли на рынок, и они были довольны рыночной ценой. Их скот продавался таким же образом. Их дети, когда достигали соответствующего возраста, женились и рожали детей, не опасаясь бедности. Но с тех пор господь изгнал всех людей, и все это место было в его собственных руках, хотя кукурузы было посеяно и в половину меньше, чем раньше. Автор также рассказывает, как один из них Ум. Тонтон, хотя и был всего лишь арендатором декана и капитула Эксона, постепенно прибирал весь приход в свои руки. Сравнивая свое собственное положение с прошлыми временами, он говорит, что раньше фермер, получавший 100 фунтов в год, считался вполне сносным, а тот, кто получал четыреста или пятьсот фунтов, — действительно очень большим; но теперь у них были фермеры, получавшие от тысячи до двух тысяч в год, которым не нужны были деньги для уплаты арендной платы, как и мелким фермерам, которые были вынуждены продавать свой хлеб и т. д. Автор приводит это как общее мнение о том, что королевство сильно обезлюдело, некоторые утверждают, что население сократилось на четверть за предыдущие сто лет. Далее он говорит: “Ваше Величество должны прекратить inclosures, или обязать у^е Господь у^е поместье, чтобы не отставать у^е древние обычаи, и не

постигнет его, чтобы купить его арендатора интерес; иметь все дома снесли, и у^е весь приход свою очередь, что на ферме: это модно практика, и никто больше у^н Jn^о Деймер, ЭСК., владелец у^е пришла, а его брат Лорд Милтон.”

СОБРАНИЯ ТКАЧЕЙ И ДРУГИХ ЛИЦ ДЛЯ ПОДАЧИ ПЕТИЦИИ КОРОЛЮ (1773).

Источник.—*Календарь бумаг домашнего офиса, 1773-1775. Стр. 39-42 и 65.*

13-27 апреля.— Серия писем и других документов о встречах ткачей, угледобытчиков и др. Печатная рекламная листовка, призывающая их собраться вместе, была впервые распространена в Спиталфилдсе 12 апреля. На следующий день сэр Джон Филдинг уведомил об этом лорда Рочфорда. Листовка, адресованная ткачам, подписана “Десять тысяч” и призывает их “встать и донести правду до короля”. “Давайте восстанем как один человек и каждый день смиренно будем ждать короля в Сент-Джеймсе. Тогда Он удовлетворит смиренное прошение достойного лорд-мэра и лондонских ливрейщиков, которые умоляли его сжалиться над бедняками и сместить тех злых министров, которые не снижают цены на провизию, чтобы облегчить нам жизнь, и которые не заботятся о нашей торговле. Давайте ежедневно ходить и повторять нашу молитву царю, и он, наконец, прислушается к нам и удалит своих злых советников. Тогда мы и наши бедные семьи сможем зарабатывать на честные и комфортные средства к существованию разумным трудом; в противном случае наша торговля будет потеряна навсегда. Мы все помним, что несколько лет назад более 20 000 наших торговых работников просидели у короля несколько дней подряд, и он убедился в их бедственном положении. Примечание.Б. — Не устраивайте беспорядков; только покажите себя королю, чтобы он мог видеть ваше горе каждый день”.

Магистраты Бетнал-Грин выдали тайный ордер на обыск, чтобы “пресечь все беспорядки, которые могли произойти”, а на следующий день сообщили, что прошлой ночью все было спокойно.

16 апреля поступило сообщение, что печатные листовки, дословно совпадающие с листовками для the weavers, за исключением адреса [и подписи “Один из двух тысяч”], были распространены среди угледобытчиков в Шедуэлле. Все было спокойно, но (говорят судьи) “мы очень опасаемся, что некоторые злые агенты находятся за границей, сеют крамолу”.

17 апреля мистер судья Уилмот сообщил лорду Саффолку, что среди Спиталфилдских ткачей все спокойно, но он опасается, что городской маршал “слишком занят” среди них. Тогда их намерение состояло в том, чтобы собраться всем вместе 26-го числа и пройти в Палату общин. В информации, полученной под присягой от поставщика продовольствия в Бетнал-Грин, говорится, что городской маршал пришел к нему домой, чтобы разобраться в жалобах ткачей, и что было решено, что восемь или десять человек должны встретиться в доме информатора, чтобы представить петицию лорд-мэру; но когда он возразил против этого предложения, городской маршал пожелал, чтобы они встретились в любом месте, которое они сочтут подходящим, или приехали в город, и он защитит их, и заверил их, что милорд-мэр будет служить им, пока они поддерживают мир и порядок. По словам лорд-мэра, он послал городского маршала с шерифами в Спиталфилдс, и что первый в тот же вечер был представлен примерно 50 ткачам, когда предметом разговора стала рекламная листовка, распространенная

накануне, он упрекнул их в неосторожности и опасности такого поступка и убедил их, что, должно быть, это предложил какой-то враг их благополучия. Отчет городского маршала убедил лорд-мэра в том, что намерение провести собрание исходило не от ткачей. Лорд-мэр прилагает письмо от "Гражданина", написанное замаскированной рукой, в котором выражается надежда, что его светлость теперь, когда народ стал "вестником своего собственного горя", не воспользуется своей властью для создания "каких-либо ненужных препятствий несчастному народу", поскольку успех его собственных усилий на службе своей стране не соответствовал той "почетной роли", которую он сыграл, а к "последнему протесту" "отнеслись с презрением, которое не могло оправдать ничто, кроме убеждения в его лживости". Чтобы выяснить происхождение банкнот от руки, сэр Джон Филдинг предложил показать их печатникам, которые могли бы чему-то научиться по шрифту, поскольку он сам однажды очень успешно обнаружил подделку банкноты, обратившись к печатникам с медными пластинами, которые обнаружили, что это было сделано гравером. Он также посоветовал судьям Хикс-Холла предложить вознаграждение.

23 апреля мистер судья Уилмот написал из таверны "Глобус" в Мурфилдсе, что он только что получил прилагаемую рекламную брошюру, в связи с чем он и приехал в Мурфилдс. Он обнаружил, что собралось 300 или 400 ткачей, "и к их приходу, вероятно, их будут тысячи". Основная часть рекламного объявления составлена в тех же выражениях, что и те, которые уже упоминались, но адресована в данном случае "бедным водникам, носильщикам и кармен, а также их семьям и т. Д." и подписана "Две тысячи". Та же приписка с осуждением беспорядка. Также была распространена аналогичная рекламная брошюра, адресованная, как и раньше, the weavers. По этому случаю лорд-мэр, к которому обратились, покинул свое кресло в Олд-Бейли, сел в наемную карету и отправился на место происшествя, чтобы разогнать толпу. Однако, прежде чем он добрался до места, собравшиеся "три или четыре сотни ткачей" тихо разошлись. Именно мистеру судье Шервуду удалось заставить толпу разойтись в этот раз. Он поехал в Мурфилдс один. Ткачи не могли сказать ему, зачем они собрались вместе. Их единственной жалобой было то, что у них был законопроект в Палате общин, который, как они боялись, не примут. Он пообещал передать любое заявление, которое они должны будут подать, королю или министерству, обещание, которое они с радостью приняли, а затем немедленно разошлись.

Накануне вечером мистер олдермен Оливер получил письмо, написанное крупным фальшивым почерком от "Гражданина", в котором намекалось, что ничего не было задумано, кроме того, что бедняки должны собираться большими группами, чтобы донести ту убежденность, которую так неоднократно, но так тщетно пытались внушить всеми более мягкими методами, и спрашивалось его, "если в Мурфилдсе соберется группа голодающих", чтобы оказаться под защитой городских властей и посоветоваться, как сообщить о своих горестях своему Суверену, не допустить, чтобы за ними охотились из-за несвоевременного рвения соседних властей. судьи, которые могли обратиться к нему за помощью в подавлении беспорядков, когда единственной целью было возбудить эмоции человечества в пользу несчастных. За обнаружение автора этого письма и письма, адресованного лорд-мэру, о котором уже говорилось, награда в размере 100 фунтов стерлингов. было предложено помилование сообщнику.

В тот же день (23 апреля) г-н Роберт Пелл, председатель Tower Sessions, написал, что после тщательного секретного расследования печатных листовок, которые, как утверждается, были

распространены среди угледобытчиков в подразделении Tower, он был вынужден поверить, что их распространение, если и было реальным, то не было повсеместным. Однако за последние несколько дней он заметил человека (некоторое время работавшего в комиссии мира округа, но чье имя было вычеркнуто из списка в связи с определенными сделками с буйствующими угольщиками) в лучшем состоянии одежды и внешнего вида, чем тот, в котором его видели со времени его опалы, и близко общающегося с рабочими на улицах по соседству. Он сказал, что за этим человеком было установлено наблюдение. В этом письме напечатана петиция, подписанная несколькими лицами, места проживания которых также указаны, адресованная “знати, джентри и т. Д., Которые по-настоящему заботятся о короле и процветании страны”, в которой ткачи шелкопряда объясняют большое поощрение импорта и ношения шелка иностранной выделки и умоляют их помочь не одобрять такую “невежливую и неестественную” практику, отказываясь носить или покупать такие товары.

24 апреля сэр Джон Филдинг предложил, чтобы магистраты каждого округа заседали в течение недели каждое утро с 8 до 11 часов, при этом рядом с ними находились главный констебль и все младшие констебли с соответствующими посыльными для разведки и наведения справок. Он считал, что ничто другое не сможет воспрепятствовать попыткам нарушить общественный покой путем приглашения невежественных и неграмотных организаций на собрания. Он упомянул план, направленный на то, чтобы “избежать разногласий в магистратах, и чтобы все было единообразно, а силы - объединены”. Понедельник, четверг и пятница были особыми днями задержания. Поскольку главные констебли были людьми деловыми и неизбежно должны были потерять много времени при выполнении этого плана, он предложил уполномочить сэра Джона Хокинса возместить им ущерб.

Ткачей снова вызвали на встречу в понедельник, 26 апреля, когда им пообещали, что они “обязательно увидят петицию, которая будет передана лично Его Величеству людьми, у которых нет причин стыдиться или бояться выступать в защиту такого бедствия”. Мистер Уилмот, мистер Шервуд и мистер Пелл отправились в Мурфилдс, место встречи. После совещания с группой примерно из 200 ткачей им удалось заполучить предложенную петицию, которая была “искусно составлена”, а затем они удалились в трактир, пока ткачи избирали комитет из шести или восьми человек для встречи с ними. Они внесли определенные предложения магистратам, которые на следующий день дали ответ, полностью удовлетворивший комитет, который искренне пообещал от имени своего органа больше не проводить нерегулярных заседаний по вопросу привлечения магистратов для рассмотрения какого-либо способа подчинения их заработной платы решению магистратов на их квартальных сессиях.

Сэр Джон Филдинг графу Саффолку.

9 Июля.—Вчера помогал на общеквартирных сессиях Мидлсекса привести в исполнение последний Акт парламента о регулировании заработной платы подмастерьев-ткачей в Спиталфилдсе и т. Д.; и затем заработная плата была установлена многочисленным и единодушным Заседанием к полному удовлетворению тех мастеров и подмастерьев-ткачей, которые там появились. Я искренне надеюсь, что этот шаг станет радикальным средством борьбы со всеми бурными собраниями в этом квартале. Этим законом ваша светлость вселили удовлетворение в умы тысяч подданных Его Величества. Закон о назначении священнослужителей с надлежащей зарплатой для содержания в тюрьмах, согласно моим предложениям, также был приведен в исполнение. Я убежден, что этот превентивный шаг

окажет весьма благотворное воздействие. Я надеюсь, что ваша светлость воспользуется досугом милорда Норта, чтобы уладить дело, касающееся моего превентивного плана, который сейчас находится на рассмотрении Его Величества.

УНИЧТОЖЕНИЕ ЧАЯ (ГРУЗОВ) В БОСТОНЕ (ДЕКАБРЬ 1773 г.).

Источник.—*Календарь бумаг домашнего офиса (1773-1775). Стр. 175 и далее.*

Лорды Адмиралтейства графу Дартмутскому.

27 января.—Прилагаю копию другого письма контр-адмирала Монтегю, датированного Бостоном 17 декабря прошлого года, в котором сообщается о толпе, собравшейся и уничтожившей чай, экспортируемый из Англии Ост-Индской компанией.— Офис адмиралтейства.

Ограждение. Вечером 16 декабря, между 6 и 7 часами, собралась большая толпа с топорами и т. Д., Подбадриваемая мистером Джоном Хэнкоком, Сэмюэлем Адамсом и другими, и всем скопом двинулась туда, где стояли корабли, и там уничтожила все, спустив их в море. На протяжении всей этой сделки ни губернатор, ни магистраты, ни владельцы, ни налоговые инспекторы ни разу не обратились за помощью к адмиралу. Если бы они это сделали, он мог бы легко предотвратить выполнение плана, но, должно быть, поставил под угрозу жизни многих невинных людей, открыв огонь по городу.

Лорд виконт Баррингтон графу Дартмутскому.

28 января.—Прилагаю копии двух писем лейтенанта-полковника. Лесли, командующий 64-м полком в Касл-Уильяме, Бостон.—Военное министерство.

Приложения датированы соответственно 6 и 17 декабря 1773 года. В первой колонке. Лесли говорит, что четыре представителя таможни и пять агентов по продаже чая нашли у него убежище на той неделе и, вероятно, продолжат это делать еще некоторое время. Губернатор не упоминал о каком-либо желании ввести полк в город. К тому времени прибыли только два чайных корабля, и мистер Хэнкок, “капитан Кадетской роты губернатора”, выставил охрану на их борту, чтобы предотвратить выгрузку этой части груза, “что является самым дерзким оскорблением его превосходительства”. Во втором письме он сообщает, что “Сыны свободы” уничтожили 340 ящиков с чаем, которые в общей сложности стояли на одной из пристаней. Четвертое судно выбросило на мель недалеко от Кейп-Кода; но чай был благополучно доставлен на берег, и ожидалось, что его постигла та же участь, что и предыдущее. Полк был готов, если бы его призвали. Совет не согласился бы на ввод войск в город. “Тем не менее, этим все должно закончиться. Снисхождение к здешним людям сейчас не годится”. Джентльмены, нашедшие убежище в замке Уильям, все еще оставались там.

Председатель Ост-Индской компании - лорду Дартмуту.

? 29 января.—Пересылаю копии нескольких недавно полученных документов, касающихся чайного дела в Америке. Ост—Индский дом, субботний вечер.

Приложения, а именно (b) Петиция от агентов Компании в Бостоне (Richard Clarke and Sons, Benjamin Faneuil, jun., и др. и Элиша Хатчинсон) губернатору и Совету; и протоколы заседаний Совета, проведенных после этого.

(c) Письма агентов директорам Ост-Индской компании, датированные Касл-Уильямом, недалеко от Бостона, соответственно 2 и 9 декабря 1773 года.

(d) Письма от агентов Компании (Роджера Смита, Леджера и Гринвуда) в Чарльзтауне, Южная Каролина, датированные соответственно 4 и 18 декабря 1773 года.

(e) Письмо бостонских агентов директорам, датированное Касл-Уильямом 17 декабря 1773 года.

Бостонские агенты обратились с петицией к губернатору и городскому совету с просьбой взять на себя заботу о чае по его прибытии. Заседания Совета, на которых рассматривалась эта петиция, несколько раз переносились в период с 19 по 29 ноября. Наконец, в последний день комитет Совета, состоящий из Джеймса Боудиона, Сэмюэля Декстера и Джона Уинтропа, эсквайра, которые были ранее назначены для составления отчета о дебатах, который должен был быть представлен губернатору, их отчет был обсужден и принят. В нем говорилось, что причиной беспорядков был Закон, устанавливающий пошлину на чай в Америке, и, что касается петиции, направлял заявителей за личной защитой к мировым судьям и заявлял, что у них нет полномочий забирать чай или любой другой товар из-под опеки агента, в то время как, если бы они сообщили о его доставке, пошлина должна была бы быть уплачена или обеспечена, и поэтому они рекомендовали бы меру, несовместимую с заявленными чувствами обеих палат на последней зимней сессии Общего суда, совет, который они сочли совершенно нецелесообразным и ненадлежащим. Они сказали, что с сожалением узнали о некоторых недавних беспорядках и посоветовали привлечь к ответственности их авторов. В письмах агентов содержится отчет о действиях людей и о том, что они сами были вынуждены укрыться в замке Уильям. В письме от 17 декабря сообщается об уничтожении чая.

В Чарльзтауне после нескольких собраний горожан было решено, что чаи не должны попадать на склад, в то время как было разрешено употреблять чай в течение шести месяцев, после чего чай нельзя было использовать ни под каким предлогом, пока действовала пошлина, подлежащая уплате в Америке.

ВОЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ АМЕРИКИ (1774).

Источник.—*Календарь бумаг домашнего офиса (1773-1775). Стр. 240 и далее.*

Граф Саффолк графу Дартмутскому.

31 августа.— Отправляет выдержки из двух писем сэра Джозефа Йорка относительно большого количества пороха, которое, как утверждается, было закуплено в Голландии и отправлено в некоторые порты Северной Америки. —Сент-Джеймс.

Ограждения. Этим ремеслом в основном занимался дом Кроммелина в Амстердаме. Большое количество военного снаряжения было вывезено голландцами в Сент-Эстатию, центр всей контрабанды в этой части света.

Граф Саффолк графу Дартмутскому.

24 сентября—Уведомляем его Превосходительство об разведданных, полученных от сэра Джозефа Йорка, о том, что с каждым днем его Превосходительству все больше и больше подтверждается, что Северная Америка в значительной степени снабжается через Сент—Эстатию тем, что она не хочет брать из Англии или экспортировать непосредственно из Голландии, в чем голландцы находят себе применение и не допустят недостатка на рынке. -Сент-Джеймс.

Граф Саффолк графу Дартмутскому.

25 октября.—Прилагаю выдержку из письма сэра Джозефа Йорка, в котором излагаются шаги, предпринятые им во исполнение инструкций, переданных ему посыльным 17—го числа. -Сент-Джеймс.

Ограждение. Сэр Джозеф нашел, что Пенсионарий настолько расположен удовлетворить короля, насколько это возможно при самых ревностных пожеланиях. Он сказал, что все, что зависит от него, чтобы остановить такое опасное движение, должно быть сделано, хотя способ сделать это не может быть определен немедленно, поскольку, возможно, было бы нецелесообразно применять чрезвычайную силу, которая могла бы вызвать как шум, так и тревогу. В разговоре он объяснил, что при нынешнем состоянии магистратуры Амстердама Министерству в Гааге было бы трудно вообще работать по этому каналу. Он предположил, что можно было бы предпочесть канал Адмиралтейства в Амстердаме, который в то же время находится в ведении таможенного департамента. Затем встретился с М. Фаджелем, чья привязанность и рвение слишком хорошо известны, чтобы требовать каких-либо новых заверений. Вскоре он принес письмо М. Борель, фискал Адмиралтейства, и сказал, что принц не считает необходимым или целесообразным использовать какие-либо экстраординарные методы, но что он пожелал, чтобы м. Борель тщательно изучил это дело, чтобы всячески препятствовать отплытию любого судна с таким грузом и т.д. Призвав принца поблагодарить его от имени короля, принц сказал, что он всегда должен с радостью способствовать спокойствию и благополучию Его Величества и его владений, но что он, сэр Джозеф, достаточно хорошо знает торговцев, чтобы быть убежденным, что они продадут оружие и амуницию для осады самого Амстердама.

Лорды Адмиралтейства графу Дартмутскому.

9 декабря.—Отправьте копии писем от 1 и 11 ноября. и 6 июня. от лейтенанта. Уолтон с катера "Уэллс", рассказывающий о своих действиях в связи с письмом лорда Дартмута от 18 октября. — Адмиралтейство.

Ограждения. Судно Lieut. Уолтон, отправленное на вахту в Амстердам, после одной попытки выйти в море было окончательно освобождено от груза и частично отстегнуто. Была также получена информация, что, если она попытается спуститься вниз по реке, голландское адмиралтейство наверняка обыщет ее в Текселе.

АМЕРИКАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В КАНАДУ (1775).

Источник.—*Календарь бумаг домашнего офиса (1773-1775). Стр. 407-409.*

С Хью Финли ? Энтони Тодду.

19 и 20 сентября Армия под командованием генерала Гейджа в Бостоне не может принести там большой пользы; потребовались бы очень большие силы, чтобы каким-либо образом проникнуть в страну. Каждый американец, способный носить оружие, выйдет на поле боя; они будут избегать открытой встречи с королевскими войсками, будут преследовать их и расстреливать из-за деревьев, изгородей или любого другого укрытия и когда-нибудь завладеют землей, оставленной королевскими войсками. Жители провинций, взяв в руки оружие, станут солдатами. Они, похоже, не предвидят, к каким великим страданиям приведет их невоз и неэкспортирование. Я склонен думать, что они вступили в это объединение скорее с намерением вызвать беспорядки в Англии, чем из представления, что они могут какое-то время существовать без наших мануфактур. Соглашение не экспортировать свою продукцию само по себе заставит их умолять Британию разрешить им отправлять ее; иначе тысячи людей умрут с голоду. Пока королевские войска действуют против мятежных колонистов, они будут держаться вместе и подчиняться своим лидерам. Если войска будут выведены, у людей не будет ничего, что могло бы отвлечь их внимание от их положения; они с большей силой почувствуют печальное огорчение от того, что невывоз неизбежно распространится в каждой провинции: каждый человек будет думать сам за себя, они станут недовольными и будут настаивать на примирении с метрополией. Я убежден, что после того, как им дадут спокойно поразмыслить над своим поведением, они вернутся к своим обязанностям. Они, без сомнения, в настоящее время воображают, что они будут снабжаться из Голландии и Франции; действительно, вряд ли будет возможно полностью воспрепятствовать этому; но для американцев будет так же невозможно получить и двадцатую часть того, что они захотят. Несколько военных кораблей могут заблокировать все свои основные гавани, а цепочка небольших крейсеров сделает все остальное. Необходимость - мать изобретательности. Они станут экспертами во многих отраслях производства, но без денег в стране производитель не найдет особого поощрения. Без внешней торговли у них не будет денег.

Каждый солдат на континенте был бы полезен, чтобы изгнать повстанцев из этой провинции. Войска провинции пока что выполнили свой план. Часть из них обошла наши работы в Сент-Джонсе и заняла пост на Соррел-Ривер. Таким образом, они перекрыли всякое сообщение с нашей маленькой армией по воде, и теперь они пытаются перекрыть сообщение между Сент-Джонсом и Монреалем. Если они добьются успеха, наши войска в Сент-Джонсе не смогут получать провизию ни откуда, поскольку повстанцы также размещены на острове о-Нуа. В Квебеке нас не более 500 человек. Недавно в наших интересах было привлечь 900 индейских воинов; они заключили мир с жителями провинции и вот-вот вернутся в свои дома. Повстанцам нечего бояться канадцев; девять из десяти выступают в их интересах и искренне желают им успеха. Как же мы обманулись в канадцах! Многие англичане в этой провинции прилагали бесконечные усилия, чтобы представить Квебекский акт в самом ужасном свете для канадцев, и им это удалось, но слишком хорошо. Канадцы считают повстанцев своими лучшими друзьями. Я не удивлюсь, если многие присоединятся к ним. Мы находимся в плохой ситуации в этом месте. Стены в плохом состоянии; во многих местах враг может легко проникнуть в город. У нас

нет установленных пушек. В нашей гавани нет ни одного вооруженного судна. Генерал Карлтон, в военные способности которого мы очень уверены, находится в Монреале. Наш заместитель-губернатор (г-н Крамахе) и полковник. Маклины делают все, что в их силах, чтобы обеспечить надлежащую оборону города. Британское ополчение насчитывает 300 человек, многие из них доброжелательны к повстанцам. Канадцы насчитывают около 600 человек; боюсь, немногие из них готовы применить оружие для защиты Квебека. Я не думаю, что провинциалы смогут направить артиллерию против этого места. Они знают нашу силу, и я предполагаю, что они намерены взять город штурмом. Если им не удастся осуществить это этой осенью, они расквартируются в приходах вокруг города и перехватят все наши припасы. Если они не смогут взять нас штурмом или заморить голодом, мы надеемся получить подкрепление из Англии очень ранней весной, поскольку мы не можем ожидать никакой помощи от канадского крестьянства. Многие из них говорили мне, что они рассматривают это восстание только как ссору между англичанами, в которой они никоим образом не замешаны непосредственно, но что в дальнейшем они получают большую выгоду, если колонистам удастся осуществить свои планы. У них есть представление, что если повстанцы полностью овладеют страной, они навсегда будут освобождены от уплаты налогов. Если их спросить, что с ними будет, когда британские войска весной вновь возьмут город, они ответят, что все будет улажено до этого времени; поэтому, когда министерство обнаружит, что Квебек в руках американцев, они с готовностью выполнят любое американское требование. Мое мнение в целом таково: если наши войска в Сент-Джонсе не смогут присоединиться к нам здесь, повстанцы заморят нас голодом; и даже если они это сделают, летучие отряды наших врагов так запугают канадцев, что в город не будут доставлять провизию. Если 500 человек из Сент-Джонса смогут присоединиться к нам, повстанцы не смогут войти в город, если только голод не вынудит нас покинуть его. В Квебеке нас около 6000 душ. Возможно, канадцы вернутся к своим обязанностям; в этом случае нам нечего бояться объединенных сил Северной Америки с таким генералом, как наш губернатор, во главе.

20 сентября— Из Монреаля поступило сообщение, что вечеринка в the Sorrel состоит из 150 канадцев во главе с неким Дагганом, бывшим здешним парикмахером, и неким Джеймсом Ливингстоуном, сыном голландца из Олбани, который долгое время проживал в Монреале. Неизвестно, есть ли с ними какие-нибудь провинциалы; предполагается, что есть. Предполагается, что именно эта банда негодяев обстреляла артиллерийский батальон, груженный припасами для Сент-Джонса; они убили 11 человек и захватили ее саму. С тех пор, как губернатор объявил о помиловании канадцев из партии Даггана, многие из них покинули его, и они ежечасно ожидают, что Дагган и Ливингстон будут доставлены живыми или невредимыми в Монреаль. Генерал Шайлер, командующий экспедицией против этой страны, приказал приходам на реке Соррел или Ришелье и т.д. послать по 50 человек от каждого, вооруженных и должным образом обеспеченных, под страхом предания их огню и мечу в случае отказа. Я надеюсь, что этот мандат откроет канадцам глаза. Повстанцы не могли бы оказать нам большей услуги.

Выдержка из письма, полученного мной сегодня из Монреаля: “Поведение и внешний вид нашего ополчения превосходят мои самые оптимистичные ожидания как в отношении численности, так и поведения. Мужество, преданность и жизнерадостность читаются на их лицах, и они с радостью выполняют свой долг. Я не могу не выразить то удовольствие, которое я испытываю при виде того, что крестьяне возвращаются к своему долгу”. — Квебек.

РЕЗОЛЮЦИИ В ПОЛЬЗУ АМЕРИКАНСКИХ КОЛОНИЙ (1775).

Источник.— “Речь о примирении с Америкой”, *Эдмунд Берк*. Том i. его собрания сочинений. Лондон: Г. Белл и сыновья. 1909.

Я желаю, сэр, отменить Закон о Бостонском порту, потому что (независимо от опасного прецедента приостановления прав подданных во время королевского соизволения) он принимался, как я понимаю, с меньшей регулярностью и на основе более пристрастных принципов, чем следовало бы. Бостонская корпорация не была заслушана до того, как ее осудили. В других городах, столь же виновных, как и она, не блокировали порты. Даже ограничительный законопроект, принятый на нынешней сессии, не дотягивает до Бостонского закона о портах. Те же самые идеи благоразумия, которые побудили вас не распространять равное наказание на равную вину, даже когда вы наказывали, побудили меня, намеревающегося не наказывать, а примириться, удовлетвориться наказанием, уже частично нанесенным.

Идеи благоразумия и приспособления к обстоятельствам мешают вам отнять хартии Коннектикута и Род-Айленда, как вы отняли хартию колонии Массачусетс, хотя корона обладает гораздо меньшей властью в двух первых провинциях, чем во второй; и хотя злоупотребления были столь же велики и вопиющи как у освобожденных, так и у наказанных. Те же соображения благоразумия и уступчивости имеют для меня вес при восстановлении хартии Массачусетского залива. Кроме того, сэр, закон, изменяющий хартию Массачусетса, во многих деталях настолько исключителен, что, если бы я не желал абсолютной отмены, я бы во что бы то ни стало пожелал изменить его; поскольку некоторые из его положений направлены на подрыв всего общественного и частного правосудия. Такова, среди прочего, власть губернатора менять шерифа по своему усмотрению и назначать нового возвращающегося офицера для каждого особого дела. Стыдно видеть такое положение среди английских законов.

Закон о доставке лиц, обвиняемых в совершении убийства по приказу правительства, в Англию для суда носит временный характер. Этот акт рассчитан вероятную продолжительность нашей ссоры с колониями и приспособлен к этой предполагаемой продолжительности. Я хотел бы ускорить счастливый момент примирения; и поэтому должен, руководствуясь своим принципом, избавиться от этого совершенно справедливо возмутительного поступка.

Закон Генриха Восьмого о суде над изменниками я не имею в виду отменить, но ограничить его надлежащими рамками и первоначальным намерением; сделать его специально предназначенным для суда над изменниками (амогут быть совершены величайшие измены) в местах, на которые не распространяется юрисдикция короны.

Защитив привилегии местного законодательного органа, я бы затем обеспечил колониям справедливую и беспристрастную судебную систему; с этой целью, сэр, я предлагаю следующую резолюцию: “С того момента, как генеральная ассамблея или общий суд любой колонии или плантации в Северной Америке назначат актом ассамблеи, должным образом утвержденным, фиксированную заработную плату на должности главного судьи и других судей высшего суда, может быть уместным, чтобы упомянутый главный судья и другие судьи высших судов такой колонии занимали свои должности и их должности в течение их хорошего поведения; и не может быть отстранен от должности, но когда решение о таком отстранении будет принято его Величеством в совете после слушания жалобы генеральной ассамблеи или

жалобы губернатора, или совета, или палаты представителей по отдельности, или колонии, в которой упомянутый главный судья и другие судьи исполняли указанные должности”.

Следующее постановление касается судов адмиралтейства.

Вот что: “Возможно, было бы уместно регулировать деятельность судов адмиралтейства или вице—адмиралтейства, санкционированных пятнадцатой главой ЧЕТВЕРТОЙ правления Георга Третьего, таким образом, чтобы сделать их более удобными для тех, кто подает иски или на кого подан иск в указанных судах, и обеспечить более достойное содержание судей в них”.

Эти суды я не хочу отменять; они сами по себе являются надлежащими учреждениями. Этот суд является одним из основных документов акта о судоходстве. Объем его юрисдикции, действительно, был увеличен; но это в целом столь же уместно и действительно по многим причинам более приемлемо там, где требовались новые полномочия, чем абсолютно новый суд. Но суды, расположенные в неудобных условиях, по сути, отрицают справедливость; и суд, наслаждающийся плодами своего собственного осуждения, является грабителем. Конгресс жалуется, и жалуется справедливо, на это недовольство.⁷

Таковы три логически вытекающих утверждения. Я думал еще о двух или трех; но они слишком близки к деталям и относятся к сфере исполнительной власти, которую я желаю парламенту всегда контролировать, а не брать на себя. Если будут выполнены первые шесть условий, то соответствие будет соответствовать последним трем. Если нет, то то, что останется нераскрытым, будет, я надеюсь, скорее неподобающим обременением для здания, чем нанесет существенный ущерб его прочности и стабильности.

АРМИИ ПОД КОМАНДОВАНИЕМ ХОУ И КЛИНТОНА (1777).

Источник.—Журналдляджентльменов. Том xlvii. (1777), стр. 573 и далее.

Исторический отчет о действиях армий под командованием генерала Хоу и генерал - майора Дж . Клинтон, извлеченное из "Экстраординарной газеты", датированное вторником, 2 декабря.

Эти советы были предоставлены майором Дж . Кайлер, первый адъютант генерала сэра Уильяма Хоу, и датированы Немецким городом 10 октября 1777 года.

30 августа армия под командованием ген . Хоу высадился на западном берегу Элк-ривер и разделился на две колонны: одной командовал лорд Корнуоллис, другой - лейтенант. Ген. Книппхаузен.

3 сентября (генерал-майор Грант с шестью батальонами остался во главе Элка, чтобы сохранить связь с флотом) две колонны соединились по дороге к Кристиен-бридж. Егеря Гессена и Анспаха разгромили на марше отборный корпус численностью в тысячу человек из армии противника, потеряв всего 2 офицеров ранеными, 3 рядовых убитыми и 19 раненых, в то время как у противника было не менее 50 убитых и еще много раненых.

6-го числа генерал-майор Грант вступил в армию.

8-го числа вся армия выступила маршем к Ньюарку и в тот вечер разбила лагерь в четырех милях от противника, который выдвинулся ранней ночью, заняв пост на высотах на восточном берегу Брендивайн-крик.

На 9-м лейтенанте. Ген. Книпхаузен шел с левой, а лорд Корнуоллис - с правой, и на следующее утро оба присоединились к Кеннетт-сквер.

11-го армия двинулась в наступление двумя колоннами, которые под командованием ген. Книпхаузен к Чадс-Форду и оказалась перед противником около 10 часов; в то время как другая колонна под командованием лорда Корнуоллиса и др., пройдя 12 миль в обход до развилки Брендивайна, пересекла оба ответвления, направляясь оттуда по дороге на Дилворт, чтобы повернуть противника направо у Чадс-Форда.

Ген. Вашингтон, получив информацию об этом движении, выделил ген. Салливан справа от него, с примерно 10 000 человек, занял сильную позицию, расположив ее слева недалеко от Брендивайна, оба фланга были прикрыты очень густым лесом, а его артиллерия располагалась с выгодой.

Около 4 часов королевские войска двинулись вперед, и Л. Д. Корнуоллис, построившись в линию, легкая пехота и егеря начали атаку; гвардейцы и гренадеры немедленно двинулись справа, все под сильным огнем артиллерии и мушкетеров: но они продвигались вперед с такой стремительностью, что противник не выдержал их натиска, который отступил в лес у них в тылу, королевские войска вошли вместе с ними и преследовали вплотную на протяжении почти двух миль.

После этого успеха часть правого фланга противника заняла вторую позицию в лесу, откуда 2-я легкая пехота и егеря вскоре вытеснили их; и с этого времени они больше не собирались силами.

2-я легкая пехота, 2-я гренадерская и 4-я бригада продвинулись вперед на милю дальше Дилворта, где они атаковали корпус противника, сильно укрепленный для прикрытия отступления своей армии, который не был вытеснен до наступления темноты, и армия противника избежала полного разгрома.

По наиболее достоверным сведениям, численность армии противника составляла не менее 15 000 человек, часть из которых отступила в Честер и оставалась там в ту ночь; но большая часть не останавливалась, пока не достигла Филадельфии. У них было около 300 человек убитыми, 600 ранеными и около 400 взятыми в плен.

Потери со стороны войск его Величества составили около 100 убитых и 488 раненых. У врага было захвачено восемь орудий и большое количество военных припасов.

Этой ночью армия оставалась на поле боя, а 12-го генерал-майор. Грант с первой и второй бригадами выступил маршем в Конкорд. Лорд Корнуоллис с легкой пехотой и британскими гренадерами присоединился к нему на следующий день и направился в Эш-Таун, расположенный в пяти милях от Честера.

В тот же день майор Мак-Донелл взял мистера Маккинли, вновь назначенного президента Нижних округов штата Делавэр, в плен.

Лейтенант. Полковник. Лоос со сводным батальоном бригады Ралла 14-го числа сопровождал раненых и больных в Уилмингтон.

16-го числа были получены разведданные о том, что противник продвигается по Ланкастер-роуд, было немедленно решено продвинуться вперед и атаковать его; но начался сильный дождь, и намеченная атака стала невыполнимой.

Противник, узнав о приближении армии, маршировал всю ночь и добрался до Йеллоу-Спрингс, имея, как впоследствии известно, все свои небольшие боеприпасы, поврежденные дождем. При отступлении они потеряли около 18 человек убитыми и несколько ранеными.

18-го отряд легкой пехоты был отправлен в Вэлли-Фордж на Шайлкилл, где у противника было множество складов и значительный запас муки, а 20-го к нему присоединились гвардейцы.

Получив разведданные о том, что генерал. Уэйн залег в лесу с корпусом из 1500 человек и четырьмя пушками, генерал-майор. Грей был выделен 20-го числа, чтобы застать его врасплох; и, прорвав только штыком его пикеты, он ворвался в его лагерь, убив и ранив на месте не менее 300 человек, захватив от 70 до 80 пленных, включая офицеров, их оружие и восемь повозок, груженных багажом и припасами. В результате нападения один капитан легкой пехоты и трое солдат были убиты, а четверо ранены. Храбрость в войсках и хорошее поведение генералов в полной мере проявились во время этой важнейшей службы.

22-го армия без сопротивления форсировала Шайлкилл у брода Фат-Лэнд, а 25-го двумя колоннами двинулась к Герман-Тауну. Лорд Корнуоллис с британскими гренадерами и двумя батальонами гессенских гренадер овладел Филадельфией на следующее утро.

Вечером 26-го были задействованы три батареи для действий против судов противника, которые могли подойти к городу. Эти батареи были недостроены, когда они были атакованы несколькими галерами, гондолами и другими вооруженными судами; а самый большой фрегат, *Делавэр*, с 30 орудиями, бросил якорь в 500 ярдах от города. Около десяти утра они начали сильную канонаду; но начался отлив, "*Делавэр*" сел на мель и был захвачен ротой гренадеров морской пехоты под командованием капитана Дж. Аверне.

Более мелкие фрегаты и вооруженные суда были вынуждены (за исключением шхуны, которую вытащили на берег) вернуться под защиту форта, где находились две плавучие батареи с тремя рядами затонувших машин, чтобы перекрыть переправу через реку, причем самый нижний ряд находился в трех милях ниже форта.

У противника был редут на берегу Джерси в Биллингс-Пойнт с тяжелыми орудиями, чтобы предотвратить перегрузку этих машин, которые разместили там 300 человек, эвакуированных 1 октября; и капитан Дж. Хэммонд немедленно открыл навигацию в этом месте, убрав часть шево де фризе.

Противник, получив подкрепление в 1500 человек из Пикс-Килла и 1000 человек из Вирджинии, и предполагая, что армия сильно ослаблена отрядами в Филадельфии и Джерси, счел, что для них настало благоприятное время рискнуть начать боевые действия. Соответственно, они выступили маршем в шесть часов вечера 3-го числа из своего лагеря возле Скиппах-крик в Герман-Таун (около 16 миль), где была размещена основная часть армии.

В три часа утра 4-го числа патрули обнаружили приближение противника, и армии был немедленно отдан приказ взяться за оружие.

На рассвете противник начал атаку; но легкая пехота, получившая хорошую поддержку, продолжала ее с такой решительной храбростью, что не могла произвести на них ни малейшего впечатления; а генерал-майор Дж. Когда они наступали правым крылом, левое крыло противника отступило, и его преследовали по пересеченной местности на расстоянии от четырех до пяти миль; но они бежали с такой быстротой, что догнать их было невозможно.

Противник отступил почти на двадцать миль по нескольким дорогам к Перкиом-крик и расположился лагерем у Скиппач-крик.

Они сохранили все свои пушки, отведя их рано утром.

По лучшим данным, их потери составили от двухсот до трехсот человек убитыми, около 600 ранеными и свыше 400 взятыми в плен. Среди убитых был генерал. Нэш со многими другими офицерами всех рангов и 54 офицерами среди пленных.

Со времени битвы при Брендивайне 72 их офицера были взяты в плен, не считая 10 человек, принадлежавших к *фрегату* "Делавэр".....

19-го армия выступила из Герман-Тауна в Филадельфию, как из более удобной ситуации для взятия Форт-Айленда, который в настоящее время является препятствием для переправы через реку, поскольку верхний шево-де-фризе не может быть взят, пока мы не овладеем этим постом; вблизи которого противник укрепил около 800 человек на берегу Джерси, полковник Дж. Доноп с тремя батальонами гессенских гренадер, полком Мирбека и пехотными егерями переправился через Делавэр 21-го числа, получив указания продолжать атаку этого поста. Полковник Доноп самым доблестным образом повел войска на штурм. Они провели обширную внешнюю операцию, откуда враг был загнан во внутренний окоп, который невозможно было форсировать без лестниц. Отряд, продвигаясь вперед и возвращаясь из атаки, был сильно потрепан вражескими галерами и плавучими батареями.

Полковник. Доноп и лейтенант. Полковник. Поскольку оба Миннингероде были ранены, командование перешло к лейтенанту. Полковник. Линсинг, который, собрав всех раненых, которых можно было унести, вернулся с отрядом в лагерь.

В этом случае погибло несколько храбрых офицеров, в ходе которого как офицеры, так и солдаты проявили величайший пыл и отвагу.

23-го *Августа*, поднимаясь вверх по реке с несколькими другими военными кораблями, чтобы вступить в бой с вражескими галерами возле форта, села на мель и, по какой-то случайности загоревшись в бою, была неизбежно уничтожена. *Шлюп "Мерлин grounded, and the other ships being obliged to remove to a distance from the explosion of the Augusta"*, стало целесообразным эвакуировать и сжечь и ее.,,

Его превосходительство завершает свои письма просьбой о дополнительной одежде для 5000 жителей провинций, в которой, безусловно, будут нуждаться, включая новые сборы, которые, как ожидается, будут повышены в этой и соседних странах.

В то время как эти важные услуги оказывались в Пенсильвании, лейтенант. Ген. Клинтон обдумывал вторжение на Джерси: его главным мотивом была попытка нанести удар по любому отдельному корпусу противника, если таковой будет предложен; или, если нет, собрать значительное количество скота, что в то же время послужило бы своевременным подкреплением для войск и лишило врага ресурсов, от которых они во многом зависели.

Результатом этой экспедиции, после небольшой стычки с небольшими отрядами противника, стал сбор около 400 голов крупного рогатого скота, в том числе 20 дойных коров для использования в госпитале, 400 овец и нескольких лошадей, с потерей около 40 человек убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести.

Письмом от бригадного генерала . Кэмпбелл сэру Генри Клинтону, датировано Стейтен-Айлендом, 23 августа, оказывается, что противник почти полностью захватил врасплох два батальона жителей провинции Джерси на этом острове; но что они жестоко пострадали за свою безрассудность при высадке, полковник Дж. Донган подошел к ним с тыла в тот самый момент, когда повстанцы с величайшим усердием перебрасывали свои войска на побережье Джерси; к ним присоединился бригадный генерал. Кэмпбелл с кэнноном, обошедшие их с фланга, около 150 человек сдались в плен; а остальные, почти такого же числа, отступая к оконечности острова, нашли способ переправиться около Амбоя.

Полковник . Батальону Бускирка было приказано атаковать отряд, оставленный для прикрытия вражеских лодок, они сделали это штыковой атакой и вынудили отряд отступить к берегу Джерси.

Далее выясняется, что этот спуск осуществлялся отборными войсками, сформированными из трех бригад, Салливана, Смоллвуда и Де Боре, и возглавляемыми их соответствующими генералами, помимо батальонов Дрейтона и Огдена. Всего было взято 259 пленных, среди которых 1 лейтенант.-Полковник, 3 майора, 2 капитана и 15 младших офицеров. Их потери убитыми установить невозможно, но, должно быть, были значительными.⁸

В письме генерал-лейтенанта. Сэр Генри Клинтон генералу. Сэр Уильям Хоу, датированный фортом Монтгомери 9 октября, сообщает о нападении на форт Клинтон, Монтгомери и др., что отражает величайшую воинскую честь победителей.

Трудности марша по горам, все естественные препятствия и все, что могло изобрести искусство, чтобы усугубить их, были преодолены, и корпусу генерала Воана было приказано начать атаку на форт Клинтон и выбить, по возможности, противника с его передовой позиции за каменным бруствером, имея впереди на протяжении полумили совершенно неприступный аббатис. Этим генерал, благодаря своему хорошему расположению духа, вынудил противника отступить, хотя и поддержанный пушками, овладел стеной и там ждал лейтенанта.-полковник. Кэмпбелл начал атаку. Полковник выждал благоприятный момент, чтобы атаковать форт Клинтон, который представлял собой круглую высоту, защищенную линией мушкетеров, с батареей барбетов из трех орудий в центре и двумя редутами по бокам; подступы к нему тянулись на 400 ярдов, защищая каждый дюйм и открываясь для огня десяти пушек. Быстрая атака со стороны Монтгомери; галеры с веслами приближаются, стреляют и даже наносят удар по форту; в этот момент появляются военные; чрезвычайный пыл войск; короче говоря, все заставило генерала отдать приказ об атаке: генерал Дж. Энергичное поведение Воана и его примерное поведение довершили остальное. Не имея возможности терять времени, он особо

приказал, чтобы не производилось ни единого выстрела; в этом ему строго подчинились, и оба редута и т. Д. Были Взяты штурмом. Ген. Трайон выдвинулся с одним батальоном, чтобы поддержать генерала. Воана на случай, если это может понадобиться, и он прибыл вовремя, чтобы присоединиться к Победному крику!

В форт Констительюшн была отправлена повестка; но флаг встретил дерзкий прием, невиданный ни на одной войне, генерал решил наказать, и поэтому был отдан приказ о высадке; но они обнаружили, что форт эвакуирован в величайшем беспорядке, склады сожжены, но пушки остались неубранными.

Генерал-майор . Трайон был направлен для уничтожения поселения повстанцев под названием Континентальная деревня, которые сожгли казармы на 1500 человек, несколько складов и груженные повозки, это было единственное учреждение повстанцев в этой части нагорья и место, откуда любая соседняя группа войск получала свои припасы.

В то же время сэру Джеймсу Уоллесу было приказано подняться вверх по реке, чтобы найти проход через шево-де-фризе между островом Полип и Майном, имея под своей защитой большой отряд армии во главе с генерал-майором. Вон, из чьего отчета, датированного на борту "Дружбы" у берегов Эзопуса 17 октября прошлого года. Хоу пользуется случаем, чтобы поаплодировать очень энергичной службе, проявленной этими двумя офицерами, которые атаковали батареи, изгнали мятежников с их укреплений, оснастили их орудия шипами и уничтожили их; а Эзопус, "будучи рассадником почти всех злодеев в стране", генерал высадился на берег и превратил каждый дом в пепел, в то время как сэр Джеймс Уоллес сжег их корабли и суденышки.

Возврат орудий, складов, боеприпасов и т.д., взятых и уничтоженных во время этой Экспедиции.

67 пушек, от шести до двух фунтовых. Два фрегата, построенных на 30 и 36 орудий, были сожжены повстанцами при взятии фортов. Число орудий на борту и двух галер, которые также были сожжены, превысило 30. В наши руки попал один шлюп с 10 орудиями. Общие потери превысили 100 орудий.

Порох, снаряженные патроны, дробь из пушек и мушкетов в огромных количествах.

Каждое изделие, принадлежащее лаборатории, находится в величайшем совершенстве. Другие припасы, такие как портупей, спички, упряжь, запасные лафеты, инструменты и т.д. и т.п. в большом количестве. Большое количество провизии. Предполагается, что стрела и цепь, которые тянулись через реку от форта Монтгомери до носа Святого Антония, стоили 70 000 фунтов стерлингов. Другой заграждение, которое было уничтожено возле форта Констительюшн, должно быть, также стоило повстанцам много денег и труда. Казармы на 1500 человек были разрушены генерал-майором. Попробуйте найти в Континентал Виллидж, помимо нескольких складов и груженных повозок, предметы, находившиеся в них, которые невозможно было учесть.

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО И РЕЧЬ ЧАТЕМА (1778).

Источник.—*Переписка Уильяма Питта, графа Чатема*. Том iv., стр. 518 и далее.

[Из черновика, написанного рукой лорда Питта.]

Граф Чатем герцогу Ричмондскому, 6 апреля 1778г.

Лорд Чатем выражает свое почтение герцогу Ричмондскому и желает выразить свою искреннюю благодарность за оказанную ему большую честь сообщить о предложении, предложенном его светлостью во вторник.

Его невыразимо беспокоит то, что между ним и герцогом Ричмондским столь велики разногласия, как между *суверенитетом* и *верностью* Америке, что он отчаивается успешно решить какой-либо благородный вопрос. Он склонен попробовать это, прежде чем *эта скверна* станет еще хуже. Некоторая слабость все еще ощущается в его руках, но он надеется быть в городе завтра.⁹

[*Отчет о последней речи графа Чатема из “Лондон Мэгэзин”.*]

Граф Чатем последовал за лордом Веймаутом. —

Он казался чрезвычайно слабым и говорил с тем трудом, который характерен для тяжелого недомогания. Его светлость начал с заявления, что его слабое здоровье на некоторое время вынудило его отлучиться от исполнения своих парламентских обязанностей; однако он радовался, что все еще жив, чтобы проголосовать против такой неполитичной, столь бесславной меры, как признание независимости Америки; и заявил, что предпочел бы лечь в могилу, чем видеть, как блеск британского трона запятнан, достоинство империи опозорено, слава нации принижена до такой степени, какой это должно быть, когда зависимость Америки от суверенитета Великобритании ослабевает. был сдан. Затем граф обратился к поведению французского двора и заметил, что в условиях кризиса, подобного нынешнему, он открыто высказал бы свои чувства, хотя они могут оказаться опасными. В качестве причины для отказа от сдержанности он сказал, что не одобряет колебания между двумя мнениями, когда нет среднего пути; что абсолютно необходимо высказаться либо за мир, либо за войну, и когда первое не может быть сохранено с честью, второе следует заявить без колебаний. Сделав это замечание, он спросил, где же древний дух нации, согласно которому иностранной державе позволялось вести торговлю, которая была ее естественным правом, и заключать договор со своими собственными подданными, не испытывая немедленного возмущения по этому поводу? Возможно ли, что мы были теми же людьми, которые всего пятнадцать лет назад вызывали зависть и восхищение всего мира? Как мы изменились! и что привело к этим изменениям? Он боялся, что что-то таится в темноте, что-то скрывается возле трона, что приводит в движение администрацию — что-то невидимое, что вызывает такие малодушные, робкие, подлые советы. Что? должны ли мы были смириться с позорной покорностью? сказать: “Берите у нас все, что хотите, но, во имя Бога, дайте нам успокоиться”? Были ли мы ослеплены отчаянием? Могли ли мы забыть, что мы англичане? Могли ли мы забыть, что нация выдержала вторжение Дании? выдержала вторжение других наций! выдержала вторжение шотландцев! выдержал нормандские завоевания! выдержал угрозу вторжения знаменитой испанской армады и различные попытки бурбонских договоров! Почему же тогда мы должны сейчас отказаться от

всего, не попытавшись предотвратить наши потери, без удара, без попытки возмутиться нанесенными нам оскорблениями? Если Франция и Испания были за войну, почему бы не попытаться решить с ними проблему? Если мы потом падем, то падем достойно, как мужчины.

Высказавшись с некоторым энтузиазмом по этим вопросам, его светлость сказал, что он не вел войну ни против какой группы людей и не желал ни одного из их занятий: затем он вернулся к теме независимости Америки; и, напомнив о внимании их светлостей к размерам и доходам имущества английской короны, когда им завладеет нынешний король, спросил, какое право палаты парламента имели лишать принца Уэльского, епископа Оснабургского и других растущих надежд любимой королевской семьи, наследования тринадцати американских провинций? Скорее, чем согласиться отобрать у кого-либо из наследников принцессы Софии то, на обладание чем они имели законное и естественное право, он заявил, что увидит, как принц Уэльский, епископ Оснабургский и остальные молодые принцы предстанут перед комитетом, и услышит их согласие лишиться своего наследства. Граф заявил, что он чрезвычайно болен; но пока он может доползти до этого Дома и у него есть силы подняться на костылях или поднять руку, он будет голосовать против отказа Америки от суверенитета Великобритании; и если ни один другой лорд не разделит его мнения, он будет единодушно протестовать против этой меры.

Что касается нашей способности продолжать войну или начать новую с Францией, то, по его словам, есть средства, хотя он и не знает какие; однако, если бы от него потребовали дать совет, он дал бы его честно; и хотя из-за своего крайне плохого состояния здоровья он опасался, что у него нет возможностей обеспечить желаемый успех при осуществлении своих мер, он мог бы немного загладить свою вину своей искренностью.

ПОСЛАНИЕ КОРОЛЯ ГЕОРГА И ИСПАНСКИЙ МАНИФЕСТ (1779).

Источник.—Журналдляджентльменов. Том xlix., стр. 324 и далее.

Л.Д. Веймаут, главный государственный секретарь южных департаментов, передал палате лордов следующее послание его Величества. В то же время Л.Д. Норт передал то же сообщение начальнику штаба

Копия послания короля.

“Джордж Р.

“Посол короля Испании вручил бумагу лорду виконту Веймауту и сообщил, что получил приказ от своего двора немедленно покинуть эту страну; его Величество счел необходимым направить копию этой бумаги для представления в Палату общин как дело высочайшей важности для короны и народа; и в то же время его Величество уведомляет их, что он счел себя обязанным, вследствие этого враждебного заявления, отозвать своего посла из Мадрида.

“Его Величество заявляет самым торжественным образом, что его желание сохранять и развивать мир и дружеские отношения с испанским двором было единым и искренним; и что его поведение по отношению к этой державе не руководствовалось никакими иными мотивами или принципами, кроме добросовестности, чести и справедливости; и его Величество с величайшим удивлением воспринимает претензии, на которых основано это заявление, поскольку некоторые из претензий, перечисленных в этом документе, *никогда* не становились известными его Величеству ни по представлению короля-католика, ни по сведениям от кого-

либо другого". другая четверть; и во всех тех случаях, когда были получены заявления, к предмету жалобы относились с *предельным вниманием* и проводили *расследование* и *возмещение*.

“Его Величество твердо уверен, что его верная палата общин с тем рвением и общественным духом, которые он так часто испытывал, поддержит его Величество в его решении использовать всю силу и ресурсы нации для сопротивления любым враждебным попыткам испанского двора; и что, с Божьего благословения на прямоту его намерений и справедливость его дела, его Величество сможет противостоять и победить *несправедливые* и *опасные* предприятия его врагов, направленные против чести его короны и всего мира”. Торговля, Права и общие интересы всех его подданных”.

Упомянутый выше манифест, который испанский посол представил Лд. Уэймут, был следующим:

Копия Испанского манифеста.

“Весь мир был свидетелем благородной беспристрастности короля в разгар споров лондонского двора с его американскими колониями и с Францией. Кроме того, его Величество, узнав, что требуется его могущественное посредничество, великодушно предложил его, которое было принято воюющими державами, и только по этой причине его Британское Величество отправил военный корабль в один из портов Испании. Король предпринял самые энергичные шаги, которые должны были произвести наиболее благоприятный эффект, чтобы привести эти державы к соглашению, одинаково почетному для обеих сторон, предложив с этой целью мудрые средства для сглаживания трудностей и предотвращения бедствий войны. Но хотя предложения его Величества, и особенно предложения его *ультиматума*, соответствовали тем, которые в другое время сам лондонский двор, по-видимому, считал подходящими для компромисса, и которые также были столь же умеренными, они были отвергнуты таким образом, который полностью доказывает отсутствие у британского кабинета особого желания восстанавливать мир в Европе и сохранять дружбу короля. В сущности, поведение этого кабинета в отношении его Величества в течение всего хода переговоров имело своей целью продлить их более чем на восемь месяцев либо с помощью тщетных предлогов, либо с помощью ответов, которые не могли быть более неубедительными; в то время как в течение этого промежутка оскорбления испанского флага и нарушение границ королевских территорий были доведены до невероятного предела; были захвачены призы, корабли были обысканы и разграблены, и большое количество из них было обстреляно, которые были вынуждены защищаться; реестры были изменены. были вскрыты и разорваны на куски, и даже придворные посылки были найдены на борту королевского пакетбота.

“Владениям короны в Америке угрожали, и они пошли на ужасную крайность, подняв индейские племена, называемые чатка, чероки и чикача, против невинных жителей Луизианы, которые стали бы жертвами ярости этих варваров, если бы сами чатка не рассказали и не раскрыли все, что замыслили соблазнитель англичане. Суверенитет его Величества в провинции Дарьен и на побережье Сен-Бласа был узурпирован; губернатор Ямайки даровал мятежному индейцу звание генерал-капитана этих провинций.

“Короче говоря, территория Гондурасского залива недавно была нарушена в результате враждебных действий и других эксцессов против испанцев, которые были заключены в тюрьму и в дома которых вторглись; кроме того, лондонский суд до сих пор пренебрегал выполнением того, что предусматривала 16-я статья последнего Парижского мирного договора относительно этого побережья.

“Жалобы, столь многочисленные, столь весомые и недавние, в разное время были предметом жалоб, поданных от имени короля и изложенных в памятных записках, которые были доставлены либо британским министрам в Лондоне, либо переданы им по каналам английского посла в Мадриде; но хотя полученные ответы были дружественными, его Величество до сих пор не получил никакого другого удовлетворения, кроме как видеть повторение оскорблений, число которых за последнее время достигло ста.

“Король, действуя со свойственной ему искренностью, официально заявил лондонскому двору с самого начала его споров с Францией, что суд Англии должен определять то, чего будет придерживаться Испания.

Его Величество также заявил этому двору, что в то время, когда их разногласия с Парижем могут быть урегулированы, было бы абсолютно необходимо урегулировать те, которые возникли или еще могут возникнуть в отношениях с Испанией; и в соответствии с планом посредничества, который был отправлен послу 28 сентября прошлого года и который был передан им британскому министерству в начале октября, планом, о котором был проинформирован лорд Грэнтэм и копию которого он получил, его Величество в положительных выражениях заявил воюющим державам, что в связи с оскорблениями, нанесенными его подданным. если бы пострадали его владения, а также из-за попыток посягательства на его права, он был бы вынужден принять свою сторону на случай, если переговоры, вместо того чтобы быть продолженными искренне, будут прерваны или не дадут никакого эффекта.

“Причины жалобы, дана судом в Лондон, не прекратились, и что суд проявив желание дать возмещение за ними, король принял решение, и назначает своего посла объявить, что в честь его короны, в защиту которой он обязан своим подданным, и его личное достоинство, не позволяют ему терпеть их оскорбления продолжать, и пренебрегать долее возмещения уже получили, и что с этой точки зрения, несмотря на тихий нрав его величества, и даже особого желания у него всегда были и выраженную культивируя дружбу его Britannick Величество, он попадает под неприятным необходимость использовать все средства, которые Всевышний поручил ему получить то, что справедливость, которую он запросил, столько способов, не будучи в состоянии приобрести: в откровенничать на правоту своего дела, Его Величество надеется, что последствия этой резолюции не будет вменена в вину перед Богом или человеком; и что другие народы будут формировать соответствующую идею настоящего постановления, через сравнение его поведения, которое они сами испытали со стороны британского министерства.

Подпись: Маркиз д'Альмодовар.

“Лондон, 16 июня 1779 г.”.

Когда были прочитаны эти важные документы, лорд Веймаут предложил представить его Величеству скромное обращение (и лорд Норт предложил то же самое в Палате общин), чтобы заверить его Величество в поддержке, и т.д. Это событие, хотя и не было неожиданным, вызвало

жаркие дебаты в обеих палатах. Все были за то, чтобы согласиться с обращением; но лорды и джентльмены в оппозиции были за добавление условия, “при условии, что его Величество исключит из своих советов нынешнее министерство”. После долгих препирательств и множества серьезных обвинений в ненадлежащем управлении это условие было отклонено, и адреса в первоначальном виде были приняты подавляющим большинством в обеих палатах.

ОБЩЕСТВО В БРАЙТХЕЛМСТОНЕ (БРАЙТОН) В 1779 ГОДУ.

Источник. Авторы дневников, цитируемые в *Истории*

Брайтхелмстона. Джон Акерсон Эрредж. Брайтон, 1862 год.

А.) Библиотеки.

Между двумя библиотекарями Стейна существует своего рода соперничество в том, что касается их подписных книжек, которые по праву заслуживают названия книги Чисел.—Между ними идет постоянная борьба, которая должна быть в высшей степени вежливой; и последствия ее таковы, какие обычно возникают в результате противостояния. Сэр Кристофер Каустик сегодня утром перелистывал у Боуэна листки с именами подписчиков. Мистер Боуэн поклонился—*ля Новарре* или *Галлини*, протянув перо и чернила, попросил чести назвать еще одно имя: это его первый сезон, и его намеренно ввел в заблуждение какой-то потенциальный остролов. “Сэр, - сказал мистер Боуэн, все время демонстрируя два неправильных ряда удивительно белых зубов, - ваше имя будет стоять сразу после имени достопочтенного Чарльза Джеймса Фокса, эсквайра. ., а до этого миссис Франко, дама богатого еврея. “Эсквайр У.Д.” должен был быть на средней линии, но, бедный джентльмен, к сожалению, он *задержан* недалеко от Лондона по *неотложному делу*”. До какой степени был разочарован торговец канцелярскими принадлежностями, когда впоследствии он регулярно исправлялся; когда благодаря пояснительным запискам и критическим комментариям он был полностью проинформирован о том, что некий мистер Фокс, о котором идет речь, был не знаменитым сенатором с таким именем, а ирландцем *Джонтельменом*, который снисходит зимой до того, что держит закусочную на углу плейхаус пассаж, на Боу-стрит, Ковент-Гарден; и каждую осень у него часто бывают возможности поругаться с дамами, которым посчастливилось принадлежать к Брайтхелмстоунскому клубу. компания комедиантов, он является ее единственным менеджером. И такой менеджмент!—*Злопамятство Скаррона*, который сам сыграл всех персонажей в пьесе, был для него дураком

В свою очередь, следует обратить внимание на мистера Томаса, другого библиотекаря. Он уже достаточно лет упражнялся в светской беседе с леди и джентльменами на Стейне и достиг удивительной степени точности в произношении французско-английского. Сейчас он громким голосом читает газету некоторым из своих подписчиков и неоднократно называет отдельный отряд войск *трупом*; во время *экскурсии* он поднимается в *башню*; и произносит свои слова в *неразборчивой* манере. Сейчас около семи вечера, и вдова Фуссик только что вперевалку вошла в его магазин, держа в правой руке зонтик, а в левой - подозрную трубу. Томас предлагает ей должность *Генерального рекламодателя*. “Благослови меня Господь!” - говорит она, “Мистер Томас, какая влажная эта бумага, хотя она дошла так далеко и, должно быть, была напечатана так давно! Какую причину вы можете этому привести?” — мистер Томас наблюдает, обдумывает и объясняет самым недвусмысленным образом причину и следствие любознательной леди, естественно выражаясь, как может сказать общество; доказывая демонстрацией, согласно Кандиду, что не может быть следствия без причины; и что, конечно,

влажные бумаги, плотно спрессованные, будут оставаться влажными значительное время. Тем временем мисс Фанни Фэссик пристально смотрит и шепчет своему брату Бобби, пока он участвует в лотерее, что мистер Томас, должно быть, самый удивительный человек, чудовищно умный, и при этом удивительно общительный: “Он знает почти все, - говорит она, - и рассказывает почти все, что знает”.

(Б.) Розыгрыши призов.

Каждый предмет удобства, каждая безделушка роскоши передаются этим ненадежным и быстрым способом транспортировки. Ни один магазин не обходится без погремушки — погремушки, погремушки, погремушки утром и вечером. Здесь можно увидеть, — зайдите и убедитесь, — краткое изложение мудрости этого мира; — пышность и тщеславие повсюду, изменчивые, как вон те мимолетные облака. Понаблюдайте, как любящая родительница приучает своего передового отпрыска к игре в кости и сама подает пример; и все же когда-нибудь в будущем она может удивиться и подумать, что ее бросок в жизненном розыгрыше чрезвычайно серьезен, что склонность к этому и подобным привычкам должна сохраняться и возрастать.

БЕСПОРЯДКИ ПРОТИВ ПАПСТВА В ГОРДОНЕ (1780).

Источник.—*Письма Горация Уолпола.*

Преподобному Уильяму Коулу, Строрберри Хилл, 15 июня 1780г.

Возможно, вам захочется узнать, что кто-то остался в живых, дорогой сэр, после резни и пожара столицы. Я был там и в пятницу, и в Черную среду; это было самое ужасное зрелище, которое я когда-либо видел, и которое в течение шести часов подряд, я ожидал, закончится тем, что половина города превратится в пепел. Я мало что могу рассказать вам об истоках этого шокирующего дела; халатность, безусловно, была его кормилицей, а религия - всего лишь крестной матерью. Предполагаемый автор находится в Тауэре. Двенадцать или четырнадцать тысяч человек подавили все беспорядки; и поскольку из страны не поступает никаких плохих сообщений, за исключением одного момента в Бате, и поскольку прошло восемь дней — нет, больше, с момента начала, — я льщу себя надеждой, что вся нация потрясена этой сценой; и что, если план и существовал, он был разработан только в метрополии и для нее. Самые низкие и подлые люди, да и то в незначительном количестве, были почти единственными действующими лицами.

Я надеюсь, что ваш предвыборный бунт не примешивался и не будет примешиваться к этим беспорядкам. Это было бы в высшей степени абсурдно, ибо лорд Рокингем, герцог Ричмондский, сэр Джордж Сэвилл и мистер Берк, покровители терпимости, были преданы разрушению так же сильно, как и министры. Рельсы, вырванные из дома сэра Джорджа, были главным оружием и орудием толпы. Ради чести нации я был бы рад доказать, что французы были инженерами. Мы с тобой прожили слишком долго, чтобы чувствовать себя комфортно — может, нам спокойно закрыть глаза? Я не буду больше беспокоить тебя по поводу оружия, которое я тебе прислал?: Мне бы хотелось, чтобы это были имена семьи Болейн; и поскольку я не могу быть уверен, что это не так, почему бы мне не представить их такими? Я возвращаюсь к молитве о мире. Вы и я, которые можем развлекаться нашими книгами и бумагами, испытываем такое же негодование по отношению к буйным, как они презирают нас. По крайней мере, тяжело, что у

тех, кто никому не мешает, нет убежища, где они могли бы заниматься своей безвредной ленью! Кто застрахован от Джека Строу и вихря? Как я ненавижу мистера Бэнкса и доктора Соландера, которые изгнали бедных отахейтян из центра океана и донесли до них наши отвратительные страсти! даже это бедное маленькое пятнышко не могло избежать европейского беспокойства. Что ж, я видел много бурных сцен и пережил их! нынешняя перспектива слишком туманна, чтобы разглядеть ее насквозь — хорошо, что надежда никогда не покидает нас. Adieu!

Искренне ваш.

КАПИТУЛЯЦИЯ КОРНУОЛЛИСА (1781).

Источник.—*Журнал для джентльменов*. Том ii., стр. 539.

Уайтхолл. Из письма сэра Х. Клинтона лорду Дж. Джермейну, датированного 29 октября у берегов Чесапика и доставленного шлюпом "Гремучая змея" капитана. Мелкомб, похоже, что "флот и армия, которые отплыли из Хука 19-го, прибыли с мыса Чарльз 24-го, когда они с огорчением слышали, что 18-го лорд Корнуоллис предложил врагу условия капитуляции. Эти сведения были доставлены лоцманом "Харона" и некоторыми другими людьми, которые сошли с берега, и сказали, что они совершили побег из Йорка 18-го числа и не слышали там никакой стрельбы со вчерашнего дня. Фрегат "Нимфа", также прибывший из Нью-Йорка, сообщает генерал, привез мне письмо от его светлости, датированное 15-м, унылый тон которого внушает мне самые тревожные опасения относительно его правдивости.

С тех пор мы курсируем от мысов при переменном и сильном ветре и до настоящего времени не можем получить никакой дополнительной информации, за исключением двух человек, захваченных в каноэ, отчет которых в точности соответствует первому.

Сравнивая, таким образом, сведения, предоставленные этими людьми и несколькими другими, поступившими с тех пор, с содержанием письма лорда Корнуоллиса, копию которого я имею честь приложить для сведения вашей светлости, мы не можем питать ни малейших сомнений в том, что его светлость капитулировал и что мы, к сожалению, слишком опоздали, чтобы помочь ему; поскольку это единственная цель экспедиции, адмирал решил вернуться со своим флотом в Сэнди-Хук.

Прошу разрешения упомянуть вашей светлости, что армия в величайшем долгу перед адмиралами, капитанами и офицерами королевских кораблей за ту бодрость, с которой они переносили многие и большие неудобства, связанные с нашим размещением на этой службе".

Депеши адмирала Грейвса имели тот же эффект, что и вышеприведенные от сэра Х. Клинтона.

Условия капитуляции пока официально не получены.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МИРА В ЕВРОПЕ (1783).

Источник.—*Журнал для джентльменов*. Том. liii., стр. 91.

Содержание предварительных статей мирного соглашения между Великобританией и Францией, Испанией и Соединенными Штатами Америки.

Между Великобританией и Францией.

Мир установится во всех частях света, как только будут ратифицированы предварительные соглашения. Ньюфаундленд останется за Англией, как и до войны; и, чтобы предотвратить споры о границах, французский промысел начнется от мыса Сент-Джон с восточной стороны и, обогнув его с севера, будет иметь своей границей мыс Рей с западной стороны.

Острова Сен-Пьер и Микелон должны быть переданы французам со свободой ловли рыбы в заливе Святого Лаврентия.

Сент-Люсия и Тобаго достанутся французам.

Англичане получают Гранаду и Гренадины, Сент-Винсент, Доминику, Сент-Китс, Невис и Монтсеррат; подданным французского короля, которые решат покинуть эти острова, будет предоставлено 18 месяцев на то, чтобы уладить свои дела и распорядиться своим имуществом.

В Африке река Сенегал и ее форты должны быть переданы Франции, а остров Гори должен быть восстановлен.

Форт Сент-Джеймс и Гамбия останутся за Англией. Торговля жвачкой останется такой же, как до войны.

Все предприятия, ранее принадлежавшие французам в Индии, должны быть поставлены на те же условия, что и до войны, а свобода торговли на побережьях Ориксы, Короманделя и Малабара должна быть предоставлена французам либо как частным торговцам, либо как компании.

Пондишери, Керик, должен быть возвращен французам вместе с округами Валанур и Бахур, а четыре прилегающих Магана, Маэ и Торговый центр в Сурате - французам.

Союзникам Франции и Англии в Индии было предложено присоединиться к нынешнему соглашению о мире, и им было предоставлено четыре месяца для принятия решения. В случае отказа союзники ни с той, ни с другой стороны не будут оказывать никакой помощи.

Великобритания отказывается от каких бы то ни было претензий в отношении Дюнкерка.

Будут назначены уполномоченные для согласования новых торговых соглашений на основе взаимности и взаимного удобства.

Все завоевания с обеих сторон, не включенные в эти статьи, подлежат восстановлению.

Остальная часть договора между Францией и Англией определяет время, когда должны быть произведены уступки, освобождены заключенные, прекращены захваты и ратифицирован договор, срок которого установлен на один месяц или раньше, если возможно.

Между Великобританией и Испанией.

Менорка будет передана Испании, а также Восточная и Западная Флорида.

Англичанам будет предоставлена свобода рубить и вывозить дрова в районе, который будет им выделен.

Испания вернет Великобритании острова Провиденс и Багамские острова без исключения.

Все другие завоевания любого рода подлежат взаимному восстановлению; и все другие договоры, не упомянутые здесь, остаются в полной силе, как и прежде.

Другая часть договора точно такая же с Францией.

Между Великобританией и Соединенными Штатами Америки.

Его Британское Величество признает Соединенные Штаты свободными, суверенными и независимыми государствами, обращается с ними как с таковыми и отказывается от любых претензий на земли, включенные в определенные границы, которые будут описаны и очерчены в будущем Журнале.

Народ Соединенных Штатов должен продолжать заниматься своим рыболовством в тех же масштабах, что и прежде, на побережьях, где работают британские рыбаки; но не сушить свою рыбу там, где расчеты фактически заключены или могут быть заключены впоследствии без предварительной договоренности.

Что кредиторы с обеих сторон не встретят законных препятствий для взыскания своих ранее заключенных долгов.

Этот Конгресс должен серьезно рекомендовать своим соответствующим законодательным органам предусмотреть реституцию всех поместий, прав и собственности, принадлежащих настоящим британским подданным или таким, которые проживали в округах, находящихся во владении армии его Величества, и которые не поднимали оружие против Соединенных Штатов. И что лица любого другого характера должны иметь полную свободу оставаться в любой части любого из Тринадцати Соединенных Штатов в течение двенадцати месяцев без каких-либо помех в их усилиях по возвращению своего имущества и т.д. И что Конгресс должен рекомендовать нескольким штатам пересмотреть все акты, касающиеся помещений, и привести указанные законы в соответствие не только со справедливостью и равноправием, но и с тем духом примирения, который после возвращения благословений мира должен преобладать повсеместно; так что имущество лиц, указанных выше, может быть восстановлено, они возмещают за это добросовестные покупные деньги нынешним владельцам; и лица, имеющие какой-либо интерес к таким конфискованным землям, будь то в виде долгов, брачных расчетов или иным образом, не должны сталкиваться с какими-либо законными препятствиями в судебном преследовании за то же самое.

Что в дальнейшем не будет произведено никаких конфискаций или возбуждено судебное преследование против каких-либо лиц за или в связи с той ролью, которую они могли принять в нынешней войне.

Что между договаривающимися сторонами должен быть установлен вечный мир, и все военные действия как на море, так и на суше должны быть немедленно прекращены; что войска его Британского Величества должны быть немедленно выведены, и что вся американская артиллерия должна оставаться в фортах и местах, которые должны быть эвакуированы.

Плавание по Миссисипи от ее истоков до океана должно быть свободным для подданных обоих штатов.

ОЖЕСТОЧЕННАЯ БОРЬБА НА ВЫБОРАХ (1784).

Источник.—*Письма Каупера*. Томас Райт. Лондон: Ходдер и Стаутон. 1904. Том ii., стр. 194-197.

Преподобному Джону Ньютону, 26 апреля 1784г.

... Кандидаты от этого округа подали пример экономии, которому не мешало бы последовать другим кандидатам, придя к соглашению с обеих сторон покрывать расходы своих избирателей, но не открывать домов для развлечения черни; реформа, однако, которую чернь совсем не одобрила и продемонстрировала свою неприязнь к ней беспорядками. Была построена сцена, с которой ораторы намеревались обращаться к избирателям. Это стало первой жертвой их ярости. Испытывая очень мало любопытства услышать, что могут сказать джентльмены, которые не дадут им ничего лучшего, чем слова, они разломали его на куски и бросили обломки на стол. Шериф, члены парламента, адвокаты, избиратели были мгновенно обращены в бегство. Они сплотились, но снова были разгромлены вторым нападением, подобным первому. Затем они принялись разбивать окна гостиницы, в которую убежали; и, поскольку возник страх, что ночью они подожгут город, фригольдеры предложили развернуться и попытаться обезопасить их. В этот момент вперед выступил бунтовщик, одетый в куртку с надписью merrу-andrew's, и бросил вызов лучшему из них. Олни отправил героя на поле боя, который заставил его раскаяться в своей самонадеянности. Это был мистер Эшбернер. Схватив его за горло, он встряхнул его, повалил на землю, ударами кулаков заставил звучать пустоту его черепа и потащил его под стражу без малейшего ущерба для его личности. Воодушевленные этим примером, другие фригольдеры последовали ему, и через пять минут двадцать восемь из тридцати оборванцев были благополучно заключены в тюрьму....

СЕЛЬСКАЯ ПОЧТА (1785).

Источник. Уильям Каупер, *Задача*. Книга IV.

Слушайте! это гудит рог! Вон по тому мосту,
Который с его утомительной, но необходимой длиной
Лучше всего преодолевает зимний паводок, в котором луна
Видит яркое отражение своего безмятежного лица,
Идет Он, вестник шумного мира,
В забрызганных ботинках, с перетянутой талией и замерзшими локонами,
За его спиной грохочут Новости со всех стран.
Верный своему подопечному, с плотно упакованным грузом позади,
Но небрежный к тому, что он несет, он заботится только о том, чтобы
доставить его в назначенную гостиницу,
оставив ожидаемый багажный билет.
Он насвистывает на ходу, беззаботный негодяй,
Холодный и все же жизнерадостный: вестник горя,
Возможно, для тысяч и радости для некоторых,
Ему безразлично, горе это или радость.
Дома, обращенные в пепел, и падение акций,
Рождения, смерти и браки, послания, мокрые
От слез, которые текут по щекам писателя

Так же быстро, как точки, выведенные его беглым пером,
Или наполненные любовными вздохами отсутствующих кавалеров,
Или отзывчивых нимф, одинаково воздействуют на
его лошадь и на него самого, не сознавая всего этого.
Но, о, важный бюджет! объявленный
такой потрясающей музыкой, кто может сказать,
Каковы его новости? проснулись ли наши войска?
Или они все еще, словно одурманенные опиумом,
Храпят под рокот атлантической волны?
Свободна ли Индия? и носит ли она свой украшенный
перьями тюрбан,
украшенный драгоценными камнями, с умиротворенной улыбкой, Или мы все еще терзаем ее?
Грандиозные дебаты,
популярная речь, едкий ответ,
логика, мудрость и остроумие,
И громкий смех — я жажду узнать их все;
Я горю желанием освободить заключенных спорщиков,
И снова дать им голос и высказывания.

РЕЧЬ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА (1787).

Источник.—*Ежегодный реестр*. Том xxix., стр. 268 и последующие
из *государственных документов*.

Любезнейшая речь Его Величества перед обеими палатами парламента по случаю открытия четвертой сессии шестнадцатого парламента Великобритании во вторник, 23 января 1787 года.

Мои лорды и джентльмены,

“Я испытываю особое удовлетворение, сообщая вам, что с тех пор, как я в последний раз встречался с вами в парламенте, спокойствие в Европе оставалось неизменным и что все иностранные державы продолжают выражать свое дружественное расположение к этой стране.

“Я заключил договор о мореплавании и торговле с наихристианнейшим королем, копия которого будет положена перед вами. Я должен рекомендовать вам принять такие меры, которые вы сочтете необходимыми для приведения его в действие; и я надеюсь, вы обнаружите, что содержащиеся в нем положения рассчитаны на поощрение промышленности и расширение законной торговли в обеих странах, а также, способствуя выгодным отношениям между нашими соответствующими подданными, придадут дополнительную прочность благословениям мира. Я буду иметь в виду те же благотворные цели при заключении коммерческих соглашений, о которых я веду переговоры с другими державами.

“Я также распорядился представить вам копию соглашения, согласованного между мной и католическим королем, о введении в действие шестой статьи последнего мирного договора.

Господа из Палаты общин,

“Я распорядился представить вам смету расходов на текущий год; и я полностью полагаюсь на вашу готовность должным образом обеспечить несколько отраслей государственной службы.

“Я убежден, что состояние доходов будет продолжать привлекать ваше постоянное внимание, поскольку оно существенно связано с национальным кредитом, а также процветанием и безопасностью моих владений.

Мои лорды и джентльмены,

“По моему указанию был разработан план транспортировки ряда заключенных, чтобы устранить неудобства, возникшие из-за переполненности тюрем в разных частях королевства; и я не сомневаюсь, что вы примете такие дальнейшие меры, какие могут потребоваться для этой цели.

“Я надеюсь, что вы сможете на этой сессии ввести в действие правила для облегчения работы торговцев и упрощения государственных счетов в различных отраслях доходов; и полагаюсь на постоянное продолжение ваших усилий в достижении таких целей, которые могут еще больше увеличить национальные ресурсы, а также способствовать и подтверждать благосостояние и счастье моего народа”.

ХАРАКТЕРИСТИКИ ОСТ-ИНДСКОЙ КОМПАНИИ (1788).

Источник.—*Речь при импичменте Уоррена Гастингса, эсквайра* Эдмунд Берк. Том vii. из его собрания сочинений. Лондон: Г. Белл и сыновья. 1911.

Однако, прежде чем идти дальше, я должен заметить, что представительство Ост-Индской компании на их восточной территории чем-то отличается от представительства, возможно, любой другой нации, которая когда-либо переносила какую-либо часть своей мощи из одной страны в другую. Ост-Индская компания в Индии, по сути, не является филиалом британской нации, это всего лишь депутация отдельных лиц. Когда татары вторглись в Китай, когда арабы и татары последовательно вторглись в Индостан, когда готы и вандалы проникли в Европу, когда норманны вторглись в Англию, действительно, во всех завоеваниях, миграциях, поселениях и колонизациях новые люди приходили как замена нации. Компания в Индии не существует как национальная колония. По сути, туда не может попасть никто, кто не служит ей. Англичане в Индии - не что иное, как семинария для преемственности офицеров. Это нация чиновников; это содружество без народа; это государство, состоящее исключительно из магистратов. Нет ничего, что можно было бы прилично называть народом, наблюдать, инспектировать, противопоставлять власти офиса. Власть офиса, насколько это касается английской нации, является единственной властью в стране. Следствием чего является то, что, будучи королевством магистратов, в нем сильно то, что обычно называют *духом корпуса*. Этот дух организации в равной степени преобладает во всех частях; в силу чего члены должны считать, что у них есть общий интерес, и этот общий интерес отделен как от интересов страны, которая их направила, так и от интересов страны, в которой они действуют. Никакого контроля над ними не существует; никакого, я имею в виду, у людей, которые понимают их язык, которые понимают их манеры или могут соотнести свое поведение с законами. Следовательно, в теле, созданном

таким образом, конфедерация легка и была всеобщей. Ваши светлости не должны ожидать, что это произойдет в таком органе, чего никогда не происходило ни в одном органе или корпорации, то есть что они в любом случае будут надлежащим образом проверять и контролировать самих себя. Это не в природе вещей. Фундаментальным принципом всей системы Ост-Индской компании в том или ином смысле является монополия. Один и тот же принцип преобладает как в службе за границей, так и в службе дома; и обе системы объединены в одну, движимую одним и тем же духом, то есть корпоративным духом. Целое, взятое вместе, таково, какого не было видно ни в примерах мавров, португальцев, испанцев, римлян; ни в старых, ни в недавних примерах. Голландцы могут быть похожи на это, но у них нет империи, должным образом названной таким образом. Благодаря этому особому обстоятельству мистеру Гастингсу не составило труда воплотить в жизнь злоупотребления и поставить себя во главе обычной системы коррупции.

Заслуживает внимания еще одно обстоятельство в этой службе. За исключением самых высоких должностей, служебное вознаграждение ни в какой степени не соответствует трасту, а характер должности - ее названию. В других официальных системах стиль, как правило, стоит выше функции; здесь все наоборот. Под именем младшего торговца, старшего торговца, писца и других мелких наименований бухгалтерии у вас есть магистраты высокого достоинства, у вас есть распорядители доходов, поистине королевских; у вас есть судьи гражданские и, в некоторых отношениях, уголовные, которые выносят суждения о величайшем достоянии великой страны. Законное общественное вознаграждение, которое им принадлежит, очень часто настолько неадекватно реальному достоинству характера, что для подчиненных частей его, которые, хотя и являются подчиненными, являются станциями власти, невозможно, почти абсолютно невозможно, существовать как англичане, которые смотрят на богатство, которым можно наслаждаться дома, как на свою конечную цель, и существовать в состоянии совершенной нетленности на этой службе.

В некоторых частях Европы действительно, самые важные ситуации часто сопровождаются небольшим вознаграждением; и все же они заполнены. Почему? Потому что репутация, слава, известность, уважение, любовь, слезы радости, проливающиеся от счастливой чувствительности, искренние аплодисменты благодарной страны иногда оплачивают заботы, тревоги и труды, связанные с важными ситуациями в содружестве: и за это они платят деньгами то, что не может быть оплачено славой и реноме. На службе Индийской компании все наоборот. Слава - это не удел второстепенных заслуг; и все подчиненные звенья этой ступени - это должностные лица, которые по сравнению с вверенными им должностями и обязанностями обеспечены скудно; тогда как глава каждого крупного президентства имеет вознаграждение, обеспечивающее его от любых искушений. Но если это не обеспечило руководителя, мы можем легко судить о том, как следует принуждать сотрудников. Мистер Хастингс, возглавляющий службу, получающий высокое законное вознаграждение, запятнал свои руки и запятнал свое правительство взятками. Он заменил законное правительство угнетением и тиранией. При всей той неограниченной, распущенной власти, которую он присвоил над государственными доходами, вместо того, чтобы попытаться найти ряд постепенных, прогрессивных, почетных и адекватных вознаграждений для лиц, которые служат обществу в подчиненных, но влиятельных ситуациях, он предоставил им охотиться на людей без малейшей степени контроля. При отсутствии честного вознаграждения возникает неограниченная свобода действий; и (как сказал мне в разговоре один из самых честных и способных служащих Компании) гражданская служба Компании напоминала военную службу махраттов — небольшое жалованье, но

неограниченная свобода грабежа. Я не говорю, что некоторые из окладов, выплачиваемых в Индии, не понравились бы здесь; но когда вы принимаете во внимание природу трастов, достоинство ситуации, как бы они ни назывались, предоставляемые полномочия, надежды, которые питает каждый человек на то, чтобы утвердиться дома, — я повторяю, это источник бесконечного недовольства — бесконечных злоупотреблений: в этом источнике коррумпированной власти мы обвиняем мистера Гастингса в том, что он воспользовался возможностью заполнить пробел в прямой оплате, выявляя и одобряя всевозможные косвенные и несправедливые вознаграждения; хотя это должно быть признано что он далеко не единолично виновен в этом преступлении.

Другим обстоятельством, отличающим Ост-Индскую компанию, является молодость лиц, занятых в системе этой службы. Слуги почти повсеместно были отосланы, чтобы начать свой прогресс и карьеру в активных занятиях и в осуществлении высоких полномочий в тот период жизни, который во всех других местах был занят в ходе строгого образования. Короче говоря, они переходят от скользкой молодости к опасной независимости, от опасной независимости к непомерным ожиданиям, от непомерных ожиданий к безграничной власти. Школьники без наставников, несовершеннолетние без опекунов, мир обрушивается на них со всеми его соблазнами; и они обрушиваются на мир со всеми силами, которые включает в себя деспотизм.

ИМПОРТ И ЭКСПОРТ КУКУРУЗЫ (1789).
Источник.—*Ежегодный реестр, 1789 г., стр. 279 и далее.*

Отчет о количестве всего Зерна, экспортированного из Англии и Шотландии и импортированного в нее, с уплаченными Премиями и Отступными, а также полученными пошлинами за один год, закончился 5 января 1790 года.

Экспортировано.

	Британцы (четвертки).	Иностранный (Кварталы).	Выплаченные вознаграждения.		
			£	с.	д.
Англия, 1789 г.:					
Пшеница	66,820	6,983}			
Пшеничная мука	185,770	3,310}			
Рожь	37,089	2,718}			
Ячмень	190,197	360}	76 551	16	1 ¼ бо.
Солод	125,019	—}			
Овес	23,997	1,434}	Nil.	Dr.	
Овсянка	537	194}			
Фасоль	14 374	4,126}			
Горох	8 931	238}			

Шотланд
ия, 1789
год:

Пшенич 3,289 —}
ная

Пшенич 2,346 —}
ная мука

Рожь 139 —}

Ячмень 19,127 —}

Ячмень, 100 —}
очищен
ный от
кожуры

Медвеж 10,972 —} 5,999 5 0 бо.
ий или
Крупный

Овсяная 61 —}
крупя

Солод 9799 —}

Овсяные 1,402 —}
хлопья

Овсяные 5,118 —}
хлопья

Горох и 222 —}
фасоль

Крупа 12 —}

Импортированный.

Англия, 1789 г.:	Кварталы.	Полученные пошлины.		
		£	с.	д.
Пшеница	72 379}			
Пшеничная	мука			
16 172}	Рожь			
14 844}	Ячмень			
8,749}	Овес	359 754}	4,814	3
7½	Овсяная каша			
6 213}	Фасоль			
162}	Горох			

99}	Индийская кукуруза				
54}	Шотландия, 1789 г.:				
Пшеница	19,722}				
Пшеничная мука	2,228}				
Ячмень	2,378}	1,334	1	9	
Овсянка	63,754}				
Горох и фасоль	130}				

Ниже приводится отчет о средних ценах на кукурузу в Англии и Уэльсе в пересчете на стандартный винчестерский бушель за 1789 год:

Пшеница.		Рожь.		Ячмень.		Овес.		Фасоль.	
s.	d.	s.	d.	s.	d.	s.	d.	s.	d.
6	4¾	3	8¾	2	10¼	2	0	3	3.....

Примечание. Цены на самые тонкие и грубые сорта зерна обычно превышают среднюю цену и снижают ее следующим образом, а именно:

Пшеница.		Рожь.		Ячмень.		Овес.		Фасоль.	
За бушель	6d.		3d.		3D.		3D.		6d.

РАЗГРАБЛЕНИЕ ДУХОВЕНСТВА Во ФРАНЦИИ (1790).

Источник.—*Размышления о революции во Франции.* Эдмунд Берк. Том II. его собрания сочинений. Лондон: Г. Белл и сыновья, 1910.

Возможно, люди, незнакомые с состоянием Франции, услышав, что духовенство и дворянство пользовались привилегиями в плане налогообложения, могут вообразить, что до Революции эти организации ничего не вносили в государство. Это большая ошибка. Они, конечно, не вносили равный вклад друг в друга, и ни один из них не вносил равный вклад в общее собрание. Однако они оба внесли значительный вклад. Ни дворянство, ни духовенство не пользовались каким-либо освобождением от акцизов на потребительские товары, от таможенных пошлин или от любых других многочисленных *косвенных* сборов, которые во Франции, как и у нас, составляют столь значительную долю всех платежей населению. Дворянин заплатил подушную подать. Они платили также поземельный налог, называемый двадцатым пенни, в размере иногда трех, иногда четырех шиллингов с фунта; и то, и другое было *прямым* взиманием, не имеющим легкого характера и не приносящим тривиальных результатов. Духовенство провинций, присоединенных в результате завоевания к Франции (которые по размерам составляют примерно восьмую часть всего населения, но по богатству гораздо большую долю), платило подобным же образом подушную подать и двадцатый пенни по ставке, уплачиваемой дворянством. Духовенство в старых провинциях не платило подушную подать, но оно выкупило себя за счет примерно 24 миллионов, или немногим более миллиона фунтов стерлингов. Они были освобождены от двадцатых, но затем они делали бесплатные подарки; они влезали в долги государству; и они были облагаемы некоторыми другими сборами, общая сумма которых составляла примерно тринадцатую часть их чистого дохода. Им следовало бы ежегодно

выплачивать примерно на сорок тысяч фунтов больше, чтобы поставить их в один ряд с взносами знати.

Когда ужас от этого чудовищного проскрипции навис над духовенством, они сделали предложение о пожертвовании через архиепископа Эксского, которое из-за его экстравагантности не следовало принимать. Но это было явно более выгодно для государственного кредитора, чем все, что могло быть рационально обещано конфискацией. Почему это не было принято? Причина проста — не было никакого желания, чтобы церковь была поставлена на службу государству. Служба государству была сделана предложением для уничтожения церкви. На пути к разрушению церкви они без колебаний разрушили бы свою страну, и они разрушили ее. Одна великая цель проекта была бы сорвана, если бы план вымогательства был принят вместо схемы конфискации. Новые земельные интересы, связанные с новой республикой и связанные с ней самим своим существованием, не могли быть созданы. Это было одной из причин, по которой столь экстравагантный выкуп не был принят.

Безумие проекта конфискации, на который сначала претендовали, вскоре стало очевидным. Вывести эту громоздкую массу земельной собственности, увеличенную за счет конфискации всех обширных земельных владений короны, сразу на рынок означало, очевидно, свести на нет прибыль, полученную в результате конфискации, за счет обесценивания стоимости этих земель, да и всех земельных владений по всей Франции. Такое внезапное отвлечение всех циркулирующих денег от торговли к земле, должно быть, является дополнительным вредом. Какой шаг был предпринят? Вернулось ли Собрание, осознав неизбежные негативные последствия их планируемой продажи, к предложениям духовенства? Никакое бедствие не могло заставить их следовать курсом, который был опозорен любой видимостью справедливости. Отбросив все надежды на всеобщую немедленную распродажу, другой проект, похоже, увенчался успехом. Они предложили провести инвентаризацию в обмен на церковные земли. В этом проекте возникли большие трудности с выравниванием объектов, подлежащих обмену. Возникли и другие препятствия, которые снова отбросили их к какому-то проекту продажи. Муниципалитеты забились тревогу. Они и слышать не хотели о передаче всего награбленного в королевстве акционерам в Париже. Многие из этих муниципалитетов были (в соответствии с системой) доведены до самой прискорбной нищеты. Денег нигде не было видно. Таким образом, они были доведены до точки, которой так страстно желали. Они жаждали любой валюты, которая могла бы возродить их гибнущую промышленность. Затем муниципалитеты должны были получить долю в добыче, что, очевидно, делало первый план (если его когда-либо всерьез рассматривали) совершенно невыполнимым. Общественные нужды давили со всех сторон. Министр финансов повторил свой призыв к снабжению самым настоятельным, встревоженным и зловещим тоном. Оказавшись под давлением со всех сторон, вместо первоначального плана превращения своих банкиров в епископов и аббатов, вместо выплаты старого долга, они взяли новый долг под 3 процента, создав новую бумажную валюту, основанную на возможной продаже церковных земель. Они выпустили эту бумажную валюту, чтобы в первую очередь удовлетворить требования, предъявляемые к ним *дисконтным* банком, огромной машиной или бумажной фабрикой для производства их фиктивного богатства.

Церковная добыча теперь стала единственным ресурсом всех их финансовых операций, жизненно важным принципом всей их политики, единственной гарантией существования их власти. Необходимо было всеми, даже самыми жестокими средствами, поставить каждого человека на одно и то же место и связать нацию в единых преступных интересах, чтобы

поддержать этот акт и авторитет тех, кем он был совершен. Чтобы заставить самых неохотных участвовать в их грабежах, они сделали свое бумажное обращение обязательным при всех платежах. Те, кто рассматривает общую тенденцию своих планов к этой единственной цели как центр, из которого впоследствии исходят все их меры, не подумают, что я слишком долго останавливаюсь на этой части работы Национального собрания.

Чтобы уничтожить всякую видимость связи между короной и общественным правосудием и подчинить все общество безоговорочному подчинению диктаторам в Париже, старая независимая судебная система парламентов, со всеми ее достоинствами и всеми ее недостатками, была полностью упразднена. Пока существовали парламенты, было очевидно, что народ мог рано или поздно прибегнуть к ним и сплотиться под знаменем своих древних законов. Однако предметом рассмотрения стал тот факт, что магистраты и должностные лица в ныне упраздненных судах *приобрели свои должности* по очень высокой ставке, за которую, а также за выполняемые ими обязанности они получали лишь очень низкие проценты. Простая конфискация является благом только для духовенства; — для юристов должна соблюдаться некоторая видимость справедливости; и они должны получить компенсацию в огромной сумме. Их компенсация становится частью государственного долга, для погашения которого существует единственный неисчерпаемый фонд. Адвокаты должны получить компенсацию в новой церковной газете, которая должна соответствовать новым принципам судопроизводства и законодательной власти. Уволенные магистраты должны принять свою долю мученичества вместе с церковниками или получить свое собственное имущество из такого фонда и таким образом, на что все те, кто был знаком с древними принципами юриспруденции и был присяжными хранителями собственности, должны смотреть с ужасом. Даже духовенство должно получать свое жалкое пособие из обесценившейся бумаги, на которой нанесен несмываемый отпечаток святотатства и символы их собственного разорения, иначе им придется умереть с голоду. Союз банкротства и тирании редко проявлял такое яростное посягательство на кредит, собственность и свободу, как эта обязательная бумажная валюта, в любое время и в любой стране.

В ходе всех этих операций, наконец, выясняется великая *тайна*, заключающаяся в том, что на самом деле и в справедливом смысле земли церкви (насколько можно извлечь что-либо определенное из их деятельности) вообще не подлежат продаже. Согласно последним решениям Национального собрания, они действительно должны быть доставлены тому, кто предложит самую высокую цену. Но следует отметить, что *должна быть отложена только определенная часть денег на покупку*. На выплату остальной части должен быть дан двенадцатилетний срок. Следовательно, философствующие покупатели после уплаты своего рода штрафа должны быть немедленно переданы во владение имуществом. В некотором смысле это становится для них своего рода подарком; удерживаться на феодальном праве из ревности к новому истеблишменту. Очевидно, что этот проект направлен на то, чтобы впустить группу покупателей без денег. Следствием этого будет то, что эти покупатели, или, скорее, получатели субсидий, будут платить не только за счет накопленной ими ренты, которую с таким же успехом могло бы получать государство, но и за счет порчи строительных материалов, за счет отходов в лесу и за счет любых денег, которые руками, привыкшими к тискам ростовщичества, они смогут выжать из несчастного крестьянина. Он должен быть отдан на корыстное и произвольное усмотрение людей, которые будут побуждены ко всем видам вымогательства растущими требованиями растущих прибылей от состояния, удерживаемого в условиях шаткого урегулирования новой политической системы.

ПЕТИЦИИ О ВЫБОРАХ В САССЕКСЕ (1792).

Источник.—*Репрезентативная история Великобритании Олдфилда*. Лондон, 1816 год.

А) петиция о выборах в Хоршеме.

Лорд Уильям Гордон и Джеймс Бейли, эсквайры, и некоторые избиратели в их интересах подали петицию в 1790 году против возвращения Тимоти Шелли и Уилсона Брэдила, эсквайров.

Ходатайство было возобновлено на втором заседании. Комитет по рассмотрению этого дела собрался 16 февраля 1792 года. Петиции были одинаковыми по существу, в них говорилось, что выборы в Хоршеме состоялись 19 июня 1790 года; что Дрю Митчелл и Джон Роулинсон, балиффы, действовали с вопиющей несправедливостью и пристрастием в пользу действующих членов: что по требованию голосования они назначили управляющего герцога Норфолкского Томаса Чарльза Медвина и Джеймса Робертсона, клерка управляющего, клерками для голосования, которые отклонили законные голоса в пользу заявителей и получили незаконные голоса за действующих членов, с помощью чего они добились подавляющее большинство.

Окончательные цифры опроса были...

Т. Шелли, эсквайр,	25
лет. Брэдил, эсквайр,	24
лорд У. Гордон,	20
Дж. Бейли, эсквайр,	9

8 марта 1792 года председатель комитета доложил Палате представителей, что заявители были должным образом избраны и должны были быть возвращены, и что действующие члены не были должным образом избраны и не должны были быть возвращены.

Что ни петиции, ни противодействие им не выглядели несерьезными или досадными. Комитет также пришел к резолюции, о которой не было сообщено Палате представителей, согласно которой Дрю Митчелл и Джон Роулинсон, балиффы и вернувшиеся офицеры заслуживают порицания за свое поведение. Цифры, согласно голосованиям, разрешенным комитетом, были следующими:

Лорд У. Гордон	15
Дж. Бейли, эсквайр,	14
лет. Шелли, эсквайр,	10
лет. Брэдил, эсквайр,	9

Б) Стейнинг.

Политический характер.

Этот район вместе с районом Брамбер состоит из одной улицы, не более чем на две трети больше Феттер-лейн в Лондоне, но образующей *два района*, с правом направления *четырех депутатов в парламент!!!* Ранее они избирались совместно, с перерывом до 31 декабря Генриха VI. Одна часть Брамбера находится в центре района Стейнинг, и часть Стейнинга

аналогичным образом пересекает Брамбер. Окутанные темным облаком юридических придирок и запутанности, они представляют нам, как и все прогнившие районы, законченную картину политического уродства; нерегулярные в своих округах, непонятные в своих конституциях, неопределенные в своих правах, коррумпированные при выполнении своих функций, противоречивые в своих соответствующих организациях и противоречащие древним установленным принципам конституции и правам людей.

Право на избрание было предметом судебного разбирательства в этом месте почти столетие, и лишь недавно было принято окончательное решение комитетом, созданным под руководством 28 Гео. III., определить то же самое по апелляции на противоположное определение, вынесенное в предыдущем году.

В 1701 году было определено право жителей платить скот и жребий, а не получать милостыню.

В 1710 году состоять в констеблях и домовладельцах (жителях), платящих скоту и жребий.

16 Июня 1715 года быть у всех тех лиц, которые имеют наследственное или пожизненное имущество в городских домах или на городских землях, расположенных в пределах указанного района.

В 1791 году проживать в старинных домах и домах, построенных на местах старинных домов, в районе Стейнинг, будучи домовладельцами, платя скот и жребий и не получая милостыни.

В 1792 году специальный комитет, назначенный для рассмотрения по существу петиции Джеймса Мартина Ллойда, эсквайра и других.

Постановлено: “Никто не имеет права голосовать на выборах членов парламента от округа Стейнинг в отношении каких-либо домов в районе Брамбер, десятины в Бидлингтоне или поместий Чарлтон или Кингз-Барнс”.

Указанный отборочный комитет в то же время также определил,

“Право избрания членов парламента от района Стейнинг в графстве Сассекс принадлежит констеблю и домовладельцам, жителям указанного района, которые платят налоги и не получают милостыню”.

Все дома, построенные на старинном фундаменте, были собственностью покойного сэра Джона Ханивуда; остальные принадлежали герцогу Норфолку; а поскольку домов общего описания больше, постановление 1792 года, отменяющее постановление 1791 года, изменило покровителя и передало это влияние герцогу Норфолку, которое первое передало сэру Джону Ханивуду.

Резолюция 1791 года сместила Генри Говарда, эсквайра, нынешнего члена парламента от Глостера, у которого было большинство домовладельцев, платящих скот и лот, и объявила Джона Кертиса, эсквайра, у которого были только голоса тех людей, которые проживали в домах, построенных на древнем фундаменте, должным образом избранным.

Резолюция 1792 года установила избрание Джеймса Мартина Ллойда, эсквайра, который набрал одинаковое количество голосов, которые были признаны незаконными в предыдущем

году; и заявитель *потерял* свое место по тем же причинам, по которым его получил мистер Кертис.

Эти противоречивые резолюции были результатом той же парламентской непоследовательности, которая отличала округ Салташ в парламенте 1785 г. Мистер Эмблер получил свое место на это место решением комитета в том же году вопреки ходатайству лорда Стратхейвена и того же мистера Кертиса, который теперь сменил Стейнинга, на основании права корпорации избирать членов от Солташа. В 1787 году мистер Лемон, истец, по решению второго комитета, назначенного для рассмотрения того же вопроса, добился успеха голосами владельцев земельных участков и сместил графа Морнингтона, действующего члена, который был избран корпорацией.

“Таким образом, два члена заседали в Палате общин в одно и то же время и от одного и того же района по праву разных выборщиков, каждый из которых был признан неподходящим для работы в одном и том же парламенте”.

Именно так обстояло дело с представителями этого района. Было объявлено, что каждый из обитателей домов, построенных на древних фундаментах, и жители в целом обладают избирательным правом; и член, выбранный каждой категорией избирателей, был избран и смещен в том же парламенте.

После принятия вышеупомянутого решения о праве избрания герцог Норфолк фактически предотвратил все дальнейшие споры, купив всю собственность сэра Джона Ханивуда в Стейнинге, как он купил собственность маркиза Хартфорда в Хоршеме, и, таким образом, стал единоличным владельцем обоих районов.

ПРАВО ФРАНЦУЗСКОЙ НАЦИИ На САМОУПРАВЛЕНИЕ (1792).

Источник.—*Письма Каупера*. Томас Райт. Лондон: Ходдер и Стаутон. 1904. Том iv., стр. 332-335.

Леди Хескет, 1 декабря 1792г.

Французы - тщеславный и инфантильный народ, и ведут себя по этому грандиозному поводу с легкомыслием и экстравагантностью, почти сродни безумию; но для Австрии и Пруссии было бы лучше оставить их в покое. Все нации имеют право выбирать свой собственный способ правления, и суверенитет народа - это доктрина, которая проявляет себя; ибо всякий раз, когда люди выбирают быть хозяевами, они всегда ими становятся, и никто не может им помешать. Дай Бог, чтобы у нас здесь не было революции, но если у нас не будет реформы, мы, конечно, будем. Поверь, моя дорогая, настал час, когда власть, основанная на покровительстве, и коррумпированное большинство больше не должны управлять этой страной. Необходимо также идти на уступки инакомыслящим всех конфессий. У них есть право на них, право на все привилегии англичан, и рано или поздно, честным путем или силой, они их получат.

ВЫСТУПЛЕНИЕ При ИМПИЧМЕНТЕ УОРРЕНА ГАСТИНГСА (1794).

Источник.—*Речь при импичменте Уоррена Гастингса, эсквайра* Эдмунд Берк. Том. viii. его собрания сочинений. Лондон: Г. Белл и сыновья. 1908.

Милорды, я закончил; часть Общего Собрания завершена. С трепетной заботой мы передаем этот продукт наших долгих, предельных трудов на ваше попечение. Берите! — берите! Это священное доверие. Никогда прежде дело такого масштаба не выносилось ни на один человеческий суд.

Милорды, в этот ужасный момент, от имени Общины и в окружении ее, я свидетельствую об уходящих, я свидетельствую о грядущих поколениях, между которыми, как звено в великой цепи вечного порядка, мы стоим.—Мы призываем эту нацию, мы призываем мир в свидетели того, что Народ не боялся никакого труда; что мы не были виновны ни в каких увиливаниях; что мы не пошли на компромисс с преступностью; что мы не боялись никакой ненависти вообще в той долгой войне, которую мы вели с преступлениями — с пороками — с непомерным богатством - с огромным и всепоглощающим влиянием восточной коррупции. Эту войну, милорды, мы ведем уже двадцать два года, и последние семь лет конфликт разгорается в баре ваших светлостей. Милорды, двадцать два года - это большой промежуток в масштабах человеческой жизни; это немалый промежуток в истории великой нации. Дело, которое так долго занимало советы и трибуналы Великобритании, никак не может быть поглощено вульгарными, банальными и преходящими событиями. Ничто, кроме некоторых из тех великих революций, которые разрывают традиционную цепь человеческой памяти и изменяют само лицо природы, не может затмить ее. Милорды, благодаря этому мы все становимся в той или иной степени важными; самые ничтожные из нас с помощью этого более или менее станут заботой потомков, если мы все еще надеемся на такую вещь в нынешнем состоянии мира, как фиксирующее, ретроспективное, цивилизованное потомство; но это в руках великого Распорядителя событий; не нам решать, как это будет. Милорды, ваш Дом все еще стоит; он стоит как великое здание; но позвольте мне сказать, что он стоит посреди руин; посреди руин, возникших в результате величайшего морального землетрясения, которое когда-либо сотрясало наш земной шар. Милорды, Провидению было угодно поместить нас в такое состояние, что каждое мгновение кажется, что мы находимся на грани каких-то великих мутаций. Есть одно, и только одно, что не поддается никаким изменениям; то, что существовало до мира и переживет саму структуру мира; я имею в виду справедливость; та справедливость, которая, исходя от Божественности, занимает место в груди каждого из нас, данная нам как проводник по отношению к самим себе и по отношению к другим, и которая останется после того, как этот земной шар сгорит дотла, нашим защитником или обвинителем перед великим Судьей, когда Он придет призвать нас к смыслу хорошо прожитой жизни.

Милорды, палата общин разделит с вашими светлостями любую участь; с вами не может случиться ничего зловещего, в чем мы не были бы замешаны; и если случится так, что мы подвергнемся некоторым из тех ужасных изменений, которые мы видели, — если случится так, что ваши светлости, лишенные всех приличных различий человеческого общества, будут низменными и жестокими руками одновременно подведены к тем эшафотам и машинам убийства, на которых великие короли и славные королевы проливали свою кровь, среди прелатов, среди знати, среди всего человечества. среди магистратов, которые поддерживали

свои троны, пусть вы в эти моменты почувствуете то утешение, которое, я убежден, они испытывали в критические моменты своей ужасной агонии!

Милорды, есть утешение, и это великое утешение, которое часто случается с угнетенной добродетелью и падшим достоинством; часто случается, что сами угнетатели и гонители вынуждены свидетельствовать в ее пользу. Мне не нравится углубляться за примерами в глубокую древность. Я очень хорошо знаю, что продолжительность времени действует так, чтобы придать отдаленным событиям сказочный вид, что снижает интерес и ослабляет применение примеров. Я хочу подойти ближе к настоящему времени. Ваши светлости знают и слышали, ибо кто из нас не знал и не слышал, о парижском парламенте? Происхождение парижского парламента было очень, очень похоже на происхождение великого двора, перед которым я стою; парижский парламент продолжал иметь большое сходство с ним в своей конституции, даже после его падения; парижский парламент, милорды, БЫЛ; его больше нет! Оно ушло; оно исчезло, как сон! Оно пало, пронзенное шпагой графа де Мирабо. И все же я скажу, что этот человек в момент нанесения смертельной раны тому парламенту произнес одновременно самую короткую и величественную надгробную речь, которая когда-либо была или могла быть произнесена после ухода большого суда магистратуры. Хотя он сам пострадал от этой плети, как знает каждый, кто знаком с его историей (а он приобрел ужасную известность в истории), все же, когда он вынес смертный приговор этому парламенту и нанес смертельную рану, он заявил, что его мотивы для этого были чисто политическими, и что их руки были так же чисты, как руки самого правосудия, которое они вершили — великий и славный уход, милорды, великого и славного органа! И никогда еще панегирик не произносился более заслуженно. Это были люди знатного ранга, с размахом состояния, весом авторитета, глубиной образования, уступающие немногим из тех, кто меня слушает. Милорды, всего лишь на днях они подставили свои шеи под топор, но их честь не была задета. Их враги, люди, приговорившие их к смертной казни, были юристами, полными коварства; они были врагами, полными злобы; и все же юристы, полные коварства, и враги, полные злобы, какими бы они ни были, они не осмелились упрекнуть их в том, что они поддерживали богатых, великих и могущественных, и в том, что они притесняли слабых и немощных в любом из своих судебных решений, или в том, что они извратили правосудие в каком-либо отдельном случае из-за благосклонности, интереса или интриги.

Милорды, если вам суждено пасть, пусть вы так и падете! Но если вы выстоите, а я верю, что вы выстоите, то вместе с судьбой этой древней монархии, вместе с древними законами и свободами этого великого и прославленного королевства, да устоите вы так же непорочно в чести, как и в могуществе; да устоите вы не как замена добродетели, а как украшение добродетели, как гарантия добродетели; да устоите вы долго, еще долго, несмотря на ужас тиранов; да устоите вы убежищем для страдающих народов; да устоите вы священным храмом, вечной резиденцией нерушимого правосудия.

ГЕОРГ III. НАПАДЕНИЕ ТОЛПЫ (1795).

Источник.—*Письма принцессы Елизаветы Английской*. Под редакцией Филипа Йорка. Лондон: Фишер Анвин. 1898.

Леди Харкорт, среда, 5 июля 1795 г.

Я уверен, тебе не терпится узнать, как мы все, моя дорогая Л. Х., после вчерашних ужасов. Невозможно описать вам в какой-либо степени, через что мы прошли с тех пор, как прибыли в Город; но я верю в это всемилостивое Провидение, которое столь чудесным образом спасло нашего дорогого короля, и теперь великий Кризис миновал.

По пути к Дому в карету была выпущена пуля, которая, несомненно, должна была проникнуть в другое место. Это самая шокирующая мысль; однако, слава Богу, пуля не причинила вреда стеклу напротив и вылетела круглым осколком размером с небольшую пулю. Кто-то из слуг видел, как она упала. Что, не оправдав их злых намерений, они несколько раз бросали в него камни; но он вернулся домой здоровым и совершенно спокойным. Толпа в наглой манере следовала за Каретой, стена и выкрикивая “миру, никакой войны”, “дайте нам хлеба”, “Долой Питта”, “долой вашу охрану” (которую ему проводили до дома, я имею в виду домой).

Сегодня все чувствуют себя хорошо, хотя и очень взволнованы мыслями о Спектакле; но я надеюсь, что будут приняты все меры предосторожности. Вы услышите от меня больше, когда у меня на душе станет легче. Да благословит вас Бог; и поверьте мне,

Лет.,
Э.

МЯТЕЖ В НОРЕ (1797).

Источник.—*Ежегодный реестр*. Том xxxix., стр. 214 и далее. из *Истории Европы*.

Подавление беспорядков среди моряков в Портсмуте без применения насильственных мер и путем удовлетворения их петиций вызвало всеобщее удовлетворение, и была выражена надежда, что, будучи таким образом эффективно устранены причины их недовольства, больше не возникнет жалоб, которые посеяли бы тревогу по всей стране. Но эти разумные ожидания вскоре были полностью обмануты новым мятежом, вспыхнувшим на флоте в Норе двадцать второго мая.

Экипажи в тот день вступили во владение своими соответствующими кораблями, избрали делегатов для руководства ими, составления заявления о своих требованиях и передачи их лордам адмиралтейства. Эти требования шли гораздо дальше, чем требования моряков в Портсмуте и Плимуте, и из-за их непомерности, казалось, не имели права на такое же снисхождение. Шестого июня, утром, к флоту в Норе присоединились "Агамемнон", "Леопард", "Ардент" и "Изида" военные корабли, а также шлюп "Рейнджер", которые покинули флот под командованием адмирала Дункана. Когда адмирал обнаружил, что часть его флота покинула его, он созвал команду своего корабля и обратился к ним со следующей речью:

“Мои ребята,

“Я еще раз собираю вас вместе с опечаленным сердцем из-за того, что я недавно увидел, недовольства флотов: я называю это недовольством, потому что у экипажей нет претензий. Быть покинутым своим флотом перед лицом врага - это позор, которого, я полагаю, никогда прежде не случилось с британским адмиралом; я и представить себе не мог, что это возможно. Моим величайшим утешением перед Богом является то, что меня поддерживали офицеры, матросы и рядовые этого корабля, за что с сердцем, переполненным благодарностью, я прошу вас принять мою искреннюю благодарность. Я льщу себя надеждой, что ваш пример может принести много пользы, поскольку вы приведете этих введенных в заблуждение людей к осознанию своего долга, которым они обязаны не только своему королю и стране, но и самим себе.

“Британский военно-морской флот всегда был опорой той свободы, которая была передана нам нашими предками и которую, я надеюсь, мы сохраним до последних потомков; а это может быть сделано только единодушием и послушанием. Команда корабля и другие лица, отличившиеся своей лояльностью и хорошим порядком, заслуживают того, чтобы быть и, несомненно, будут любимцами благодарной страны. Они также получают, исходя из своих внутренних чувств, утешение, которое будет длительным, а не таким, как плавающая и ложная уверенность тех, кто уклонился от своего долга.

“Мы с вами часто гордились тем, что смотрели в Тексель и видели врага, который боялся выйти нам навстречу: теперь моя гордость действительно унижена! мои чувства нелегко выразить! наша чаша переполнилась и сделала нас распутными. Премудрое Провидение устроило нам эту проверку в качестве предупреждения, и я надеюсь, что благодаря ей мы исправимся. Тогда давайте положимся на Него, на то, где может быть наша единственная безопасность. Я нахожу, что среди нас много хороших людей; что касается меня, то я полностью доверяю всем на этом корабле; и еще раз прошу выразить мое одобрение вашему поведению.

Пусть Бог, который до сих пор руководил вами, продолжает делать это; и пусть британский военно-морской флот, слава и опора нашей страны, будет восстановлен в своем обычном великолепии и будет не только оплотом Британии, но и ужасом всего мира.

Но этого можно достичь только строгим следованием нашему долгу и послушанию; и давайте помолимся, чтобы всемогущий Бог сохранил нам правильный образ мыслей.

- Да благословит вас всех Господь.

Услышав столь непритязательное, скромное и благочестивое обращение, столь хорошо рассчитанное, исходя из его простоты и правдивости, на то, чтобы тронуть человеческое сердце, вся команда корабля залилась слезами. Они всеми доступными им выражениями заявили о своей решимости подчиняться адмиралу при жизни или смерти. Их примеру последовали все остальные корабли, кроме уже упомянутых. И адмирал, несмотря на дезертирство столь значительной части своей эскадры, отправился на свою станцию у берегов Голландии, чтобы понаблюдать за передвижениями голландского флота; и все же решил не отказываться, если ему предложат сражение.

Главным лицом, стоявшим во главе этого мятежа, был некто Ричард Паркер, человек с хорошими природными данными и некоторым образованием, а также с удивительно смелым и решительным характером. Адмиралу Бакнеру, командующему кораблем "Нор", лорды

адмиралтейства поручили проинформировать моряков, что их требования полностью противоречат надлежащему порядку и правилам, которые необходимо соблюдать на флоте, и по этой причине не могут быть выполнены; но что по возвращении к своим обязанностям они получат королевское прощение за нарушение повиновения. На это предложение Паркер ответил заявлением, что моряки единодушно решили сохранить за собой управление флотом до тех пор, пока лорды адмиралтейства не отправятся на Нор и не уладят предъявленные им претензии.

Чтобы всеми возможными силами положить конец мятежу, который казался столь опасным, лорд Спенсер, лорд Арден и адмирал Янг немедленно поспешили в Ширнесс и созвали совет, на котором присутствовали Паркер и другие делегаты; но их поведение было настолько дерзким, что лорды адмиралтейства вернулись в город без малейшего успеха. Главным предметом жалобы со стороны мятежников было неравномерное распределение призовых денег, в упущении которых они сильно винили своих товарищей-моряков в Портсмуте. По возвращении лордов адмиралтейства из Ширнесса было выпущено воззвание, предлагавшее помилование его величества всем тем мятежникам, которые должны немедленно вернуться к своим обязанностям, и в то же время намекавшее, что адмирал Бакнер - именно тот человек, к которому следует обратиться в таком случае. По приказу правительства все буи были убраны в устье Темзы и на соседнем побережье; из-за этой предосторожности любые суда, которые попытались бы уйти, подверглись бы опасности наскочить на мель. В Ширнессе также были сделаны большие приготовления к нападению мятежных кораблей, которые явно намеревались обстрелять это место; печи и раскаленные шары были наготове.

Ободренные силой людей и кораблями, находившимися в их руках, и решившие настаивать на своих требованиях до тех пор, пока они не добьются согласия, мятежники приступили к обеспечению достаточного количества провизии для этой цели, захватив два судна, груженных припасами, и послали уведомление на берег, что они намерены перекрыть Темзу; и перекрыли всякое сообщение между Лондоном и морем, чтобы заставить правительство как можно скорее согласиться на их условия. Они начали приводить в исполнение эту угрозу, пришвартовав четыре своих судна в устье реки и остановив несколько кораблей, следовавших из метрополии.

Теперь они изменили систему своего делегирования полномочий, и, чтобы не допустить передачи слишком больших полномочий в руки какого-либо человека, должность президента никому не поручалась дольше, чем на день. Это они сделали, чтобы обезопасить себя от попыток предать их, которые могли бы возникнуть в результате предложений, сделанных тем, кому они были обязаны доверять и пользоваться авторитетом, если бы те обладали таким доверием на какое-то время. Они также вынудили те корабли, экипажи которых, как они подозревали, колебались в этом деле, занять свое место среди других. Но, несмотря на эти предосторожности, два судна ускользнули от их бдительности и скрылись.

Эти операции, хотя и вызвали величайшую тревогу в стране, были жестоко осуждены моряками, принадлежавшими к двум дивизиям флота, стоявшим в Портсмуте и Плимуте. Каждый из них обратился с предостережением к своим товарищам-морякам на "Норе", горячо осуждая их действия как позор для имени британских моряков и призывая их довольствоваться снисхождением, уже предоставленным правительством, и вернуться к своим обязанностям, не настаивая на больших уступках, чем требовали остальные части флота.

Но эти предупреждения оказались безрезультатными. Недавно прибывшее подкрепление из четырех кораблей и ожидание присоединения других побудили их настаивать на своих требованиях. Комитет делегатов, находившийся на борту *Сэндвича*, пришел к решению поручить лорду Нортеску, которого они держали взаперти на *"Монтегю"*, командиром которого он был, отправиться к королю от имени флота и ознакомить его с условиями, на которых они были готовы передать корабли. Петиция, которую ему было поручено подать королю, была в высшей степени уважительной и лояльной по отношению к нему, но очень суровой по отношению к его министрам, и они требовали полного выполнения каждого из их требований, угрожая в случае отказа любого немедленно выйти в море. Лорд Нортеск с готовностью взялся передать их прошение, но сказал им, что из-за необоснованности их требований он не может льстить им надеждой на успех. Доверяя ему, они сказали, что доверили ему эту миссию как другу моряков, пообещав его честью вернуться с четким и положительным ответом в течение пятидесяти четырех часов.

Лорд Нортеск соответственно отбыл в Лондон и был представлен королю лордом Спенсером. Но поскольку ответа на послание не последовало, а на флот была доведена информация о том, что нация в целом крайне не одобряет их действия, среди делегатов произошли большие разногласия, и несколько кораблей покинули остальные, что, однако, не обошлось без большого противостояния и кровопролития. Мятежники, отчаявшись теперь осуществить свои замыслы, спустили красный флаг, который они водрузили в знак мятежа, и восстановили свободный проход для торговли метрополии. Теперь каждый корабль был предоставлен самому себе, и все они постепенно вернулись к повиновению, хотя на борту некоторых из них происходили ожесточенные стычки между мятежниками и лояльными партиями.

Главный руководитель мятежа Ричард Паркер был схвачен и заключен в тюрьму, и после торжественного суда, длившегося три дня, на борту *"Нептуна"* он был приговорен к смертной казни. Он страдал с большим хладнокровием и бесстрашием, признавая справедливость своего приговора и выражая надежду, что милосердие может быть распространено на его сообщников. Но было сочтено необходимым обнародовать примеры главных и наиболее виновных, которые были соответственно преданы суду и, после полного доказательства их преступной деятельности, осуждены и казнены. Других было приказано высечь плетью, но значительное число оставалось под смертным приговором до тех пор, пока после великой победы, одержанной адмиралом Дунканом над голландским флотом, его величество не послал всеобщее помилование этим несчастным, которые в то время находились на борту тюремного корабля на реке Темзе.

АНГЛИЯ И ДИРЕКТОРИЯ (1797).

Источник.—*Переписка первого графа Малмсбери, Лондон, 1844. Том iii., стр. 577 и далее.*

Письмо лорда Малмсбери мистеру Питту, Кале. 18 сентября 1797 г.

Мой дорогой сэръ,

Хотя я буду иметь удовольствие видеть вас через несколько часов, я не могу откладывать до тех пор, чтобы искренне поблагодарить вас за два ваших последних очень приятных частных письма. Никакое утешение никогда не придет в тот момент, когда его так хочется. Я почти

чувствую себя виноватым в неблагодарности за столь неудачное возвращение к нему, как и за то, что так быстро покинул Лайл, несмотря на то, что, видит Бог, моя воля ни в коем случае не давала согласия на этот поступок. Я верю, что это проявится во всем, что я сказал и сделал, и что с моей стороны не было упущено ничего для достижения того, что, как я знаю, является *вашим первым желанием*, и которое, я могу с уверенностью сказать, было также *моим*. Неудача в этом причиняет мне еще большую боль, поскольку мы безошибочно добились бы успеха, если бы *неполитическое землетрясение* 4 сентября. Но поскольку успех невозможен, следующим лучшим утешением является то, что я потерпел неудачу, не дискредитировав себя; и если, когда я буду иметь удовольствие встретиться с вами, я буду уверен в этом, я почувствую утешение, полностью равное тому, с которого я начал это письмо, поблагодарив вас.

Я и с.

(Подпись) Малмсбери.

Письмо лорда Малмсбери мистеру Каннингу, Кале, понедельник, 9 часов вечера, 18 сентября 1797 г.

Мой дорогой Каннинг,—

Если дата места, откуда написано это письмо, удивляет вас, позвольте мне отсылать вас к моему официальному сообщению по всем общим причинам и просить вас подождать более подробного сообщения до завтрашнего вечера или, вероятно, утра среды, когда, я надеюсь, мы встретимся. Ваше личное письмо ко мне от Херслета, хотя и на неприятную тему, принесло мне большое утешение; поскольку я не только вижу, что вы готовы к моему возвращению, но и подготовились к нему таким образом, который полностью рассеивает те немногие опасения, которые у меня были, что мое поведение при нынешних обстоятельствах не во всех отношениях встретило всеобщее одобрение.

Из того, что вы сказали, я теперь уверен, что так и будет; и это доставляет мне еще большее удовольствие от сознания того, что я никогда в жизни не поступал более правильно.

Я слишком устал, чтобы продолжать сегодня вечером с посыльными, но мы отплываем завтра в девять утра; и в целом я предпочел бы, чтобы вы прочитали мою историю, а не услышали ее от меня. Мне есть что сказать вам и некоторым другим, но я не хотел бы выступать перед Кабинетом министров.

Я бесконечно признателен вам (в строгом смысле этого слова) за вашу очень дружелюбную и внимательную доброту в попытках возместить все, чего я лишился в результате жестокого несчастного случая, произошедшего с бедным Бруксом. Ваш директор не испытывает такого рода чувств; и у него настолько мало подобных человеческих *несовершенств*, насколько может претендовать любое существо, называемое *человеком*.

Сообщите нам об этом по прибытии. Я сразу же поеду к себе домой и, если возможно, до двенадцати часов в среду.

Я и с.

(Подпись) Малмсбери.

Выдержка из депеши лорда Малмсбери лорду Гренвиллу, Кале, 19 сентября 1797 г.

Судя по языку и манере французских полномочных представителей, не может быть никаких сомнений в том, что со стороны французского правительства существует твердая решимость продолжать войну с Англией; и что если в какой-либо части их поведения или разговора со мной проявилось противоположное намерение, то это было исключительно с целью избежать, по возможности, того, чтобы гнусность прекращения Переговоров была полностью возложена на них. Однако они справились с этим, обладая столь незначительными способностями — то, что они сделали, было настолько позитивным, а то, что они сказали, настолько расплывчатым, — что даже самым предубежденным умам трудно усомниться в этом предмете.

Вся моя официальная переписка, начиная с события 4 сентября, я надеюсь, настолько подготовила вашу светлость к тому, что сейчас произошло, что, хотя это может вызвать вполне обоснованное беспокойство, это не вызовет удивления. Как бы я ни был склонен обращать внимание на все, что я слышал от бывших членов Французской миссии, а также на их знание своей страны, а также на то, что по каждому важному пункту я всегда находил их информацию правильной, я никогда не мог согласиться с их мнением по этому конкретному вопросу; и хотя удовлетворение от того, что я вынес правильное суждение, не может быть очень велико в подобном случае, однако то, что я не ввел вашу светлость в заблуждение, в определенной степени уменьшает сожаление, которое я испытываю из-за того, что потерпел неудачу в достижении великой цели моей Миссии.

Было бы тщетно искать какие-либо рациональные мотивы для такого поведения, которое Директория сочла уместным предпринять, или пытаться объяснить, на каких основаниях они могут предпочесть опасное и бесперспективное продолжение войны, ставшей крайне непопулярной, выгодному и почетному миру, который, я уверен, получил бы одобрение всей французской нации. Решение этой трудности не может быть найдено ни во внутреннем положении Франции, ни в ее нынешнем относительном положении по отношению к другим державам, но его следует искать в смелом и бесцеремонном характере двух руководящих членов Директории, Барраса и Ребелла. Успех, сопутствовавший их последнему очень смелому начинанию, по-видимому, вселил в них самую безоговорочную уверенность в своих собственных способностях и в силе своей партии; и они никогда, ни в какое время, казалось, не имели какой-либо устоявшейся системы или не смотрели вперед, выходя за рамки текущих обстоятельств.

БИТВА НА НИЛЕ (ИЛИ В ЗАЛИВЕ АБУКИР) (1798).

Источник.—*Ежегодный реестр*. Т. xl., стр. 142 и далее. из *Истории Европы*.

Это было первого августа, прежде чем эскадра заметила "Александрийский Фарос", который в то время направлялся прямо на него в сторону S.S.E. и по мере приближения обнаружила в гавани лес мачт. Передовые корабли ("*Александр* и *Леандр* примерно в двух лигах впереди) подали сигнал о том, что обнаружили военные корабли на востоке. Адмирал, который с основной частью эскадры находился в сомкнутом строю плавания, будучи таким образом направлен в сторону давно ожидаемого сражения, немедленно соответствующим образом изменил свой курс и подал сигнал, чтобы отозвать тех, кто был начеку. "*Каллоден*" находился

тогда примерно в двух лигах к востоку от "адмирала", и после некоторого времени и обмена сигналами получил разрешение покинуть судно, буксируемое из офф-Корона. *Александр* и *Леандр*, которые шли ближе к Александрии, были, таким образом, вынуждены больше поворачивать к ветру, чем между Северо-западом и северо-западом, чтобы обогнуть мыс Абукир; это отбросило их значительно позже основных сил; которые, плывя со свободным ветром, достигли мыса примерно или вскоре после пяти часов; обогнув его и открыв бухту, адмирал встал на левый борт галсом под легкими парусами, вероятно, с целью наблюдения за положением противника, или, что более вероятно, после того, как они вошли в гавань. за то, что дал время своим кораблям из его собственной эскадрильи приблизиться; "*Каллоден*" все еще находился примерно в двух лигах отсюда, в северо - западной части. В то время как *Александр* и *Леандр* находились еще дальше на WSW, эскадра противника, показавшая 13 парусов боевой линии, находилась всего в нескольких милях, держа курс с юго-запада на юг, и встала на якорь в линии, простиравшейся почти с северо-запада на юго-восток, с их адмиральским флагом на борту трехпалубного корабля в центре, а четыре фрегата с несколькими канонерскими кораблями рассредоточились внутри, в авангарде и тылу.

Эскадра недолго оставалась оторванной от противника. Адмирал быстро определил, какой план атаки следует принять. Сигналом он отдал приказ готовиться стать на якорь за кормой и по сигналу снялся со всей эскадры. Этот маневр сразу изменил положение эскадры, предоставив лидерство тем, кто, пока их головы были обращены в сторону выхода, отходил кормой, чтобы присоединиться к своим в тылу, в порядке отплытия: или, как утверждали некоторые, слонялся за кормой из нежелания удалиться даже на несколько сотен ярдов от противника. Если таковы были чувства кого-либо, то теперь адмирал потворствовал им, направляясь к авангарду противника и подавая сигнал выстроиться в боевую линию в лоб, или наиболее удобно: то есть, чтобы каждый корабль занимал позицию, наиболее подходящую для него в данный момент, независимо от установленного боевого порядка.

В том случае каждый корабль демонстрировал такое соперничество в стремлении занять передовые позиции в атаке, что, должно быть, вселяло друг в друга непобедимую уверенность. Но все они были настолько настороже, что ни один корабль не мог добиться преимущества перед другим, у которого было преимущество в том, что они склоняли головы навстречу врагу. Адмирал, когда они втягивались в сражение, подал сигнал атаковать авангард и центр противника, а вскоре после этого добавил сигнал к ближнему бою, который продолжал раздаваться.

Ветер, дувший между северо-западным и Северо-западным побережьями, был свежим, бравым, и, хотя по мере того, как день подходил к концу, он все еще раздувал более легкие паруса. Прежде чем *Goliah* (головной корабль) приблизился на расстояние мили к передним кораблям противника, они начали оживленную канонаду из орудий правого борта, так же как и батареи замка Беквайрс и канонерских судов, которые сильно потрепали британскую эскадру, когда они приближались. Но расположение якорной стоянки противника и мелководье вокруг делали невозможным избежать этого раздражения. Поэтому они переносили его с твердостью, достойной их характера. Период был очень коротким, когда они стали отвечать взаимностью на раздражение. Доблестный лидер ¹⁰ в *Голиафах* в тот раз продемонстрировал поведение, показавшее, что он достоин того поста, который он занял. Держа свой корабль под всеми удобными рабочими парусами, он держался настолько близко к краю отмели, насколько позволяла глубина воды, и, пройдя мимо авангардного корабля противника, *Le Guerrier*, открыл

по нему самый разрушительный огонь; и подняв укороченные паруса,¹¹ и встав на якорь за кормой во второй линии противника, *Le Conquerant*.

"*Ревностный*" последовал по следу "*Голиафа*", но не так далеко, бросив кормовой якорь, чтобы сохранить положение на внутренней носовой части "*Ле Герье*", с которым он обращался самым суровым образом, не подвергаясь ответному раздражению. Следующим последовал "*Орион* и, пройдя с наветренной стороны от "*Ретивого*" и обогнув его, направив свои орудия левого борта на "*Ле Герье*", пока они неслись, продолжал идти юго-восточным курсом и прошел внутрь "*Голиафа*"; когда, раздраженный огнем фрегата, он рискнул настолько, насколько было необходимо, чтобы привести в действие орудия правого борта, и дал ему такую полную дозу, что тот замолчал навсегда. Затем, развернувшись к линии противника, она бросила якорь правого борта внутрь между третьим и четвертым кораблями от их авангарда и с некоторыми усилиями, распустив все свои задние паруса (вероятно, чтобы заставить свой киль оторваться от грунта, которого он, скорее всего, касался), развернулась вровень с "*Аквилоном*", который без раздражения позволил "*Ориону*" оказаться в таком положении. "*Тесей*", следовавший за "*Орионом*", прошел между "*Ревностным* и *Ле Герье*", так близко к последнему (фок-мачта которого к этому времени была перевалена через борт), сохраняя достаточную дистанцию, чтобы не зацепить его такелаж за стрелы вражеского корабля, и, поравнявшись с его носом, дал бортовой залп, до тех пор сдерживаемый, эффект от которого на противника был мгновенным. Грот-мачты и бизань-мачты также были снесены. Таким образом, менее чем за пятнадцать минут передовой корабль этой линии превратился в простую громадину, усеянную обломками ее собственных мачт и рей, а команда, несомненно, была сильно изувечена. Этот разрушительный бортовой залп был дан как раз в тот момент, когда солнце скрылось за горизонтом; после чего "*Тесей*" прошел снаружи "*Голиафа*" и бросил кормовой якорь впереди него; и таким образом оказался внутри третьего корабля противника, "*Ла Спартиате*", и начал канонаду примерно в то время или до того, как его лидер, "*Орион*", был полностью размещен, из-за упомянутых ранее небольших помех.

"*Дерзкий*" последовал следующим и, проходя между "*Ле Герье*" и "*Завоевателем*", усилил бедствия этих злополучных кораблей разрушительным огнем, а затем бросил кормовой якорь, чтобы сохранить свое положение на носу последнего, над которым "*Голиаф*" уже имел явное превосходство благодаря поддерживаемому сравнительному огню. Бриз к этому времени (как указано выше) ослабел к концу дня: скорее всего, он также был еще больше ослаблен эффектом канонады, которая продолжалась в течение некоторого времени: следовательно, корабли, находившиеся в тылу британской эскадры, не имели возможности приблизиться с быстротой, соответствующей их рвению в том случае.

The *Авангард* был последователем "*Дерзкого*", но не прошел, подобно пяти предшествовавшим ему, линию обороны противника: звание адмирала (чей флаг нес этот корабль) давало ему привилегию отклоняться от примера своих лидеров, чьи маневры должны были руководствоваться его указаниями: корабль стоял на якоре за кормой снаружи и рядом с третьим кораблем от авангарда, *Le Spartiate*. Ее последователи соответственно прошли по голове своего лидера, встав на якорь за кормой, когда они подошли снаружи, как это сделал адмирал. Таким образом, *Минотавр*, *Защита* и *Свифтсур* заняли позицию за четвертым, пятым и шестым кораблями от авангарда; благодаря этому "*Беллерофонту*" оставалось атаковать трехпалубный корабль французского адмирала "*Ориент*":¹² от этого предприятия никто не отказался из-за очевидного неравноправия в борьбе: кормовой якорь "*Беллерофонта*"

был брошен на внешней носовой части "Л". *Ориент*, чья коллекция тяжелых батареек была зарезервирована для закрытия. Об эффекте этих действий лучше всего судить по ссылке на список убитых и раненых "харди", в который внесены имена почти каждого офицера этого корабля. К тому времени день уже настолько закатился, что скрыл от общего обозрения поведение каждого корабля; особенно в центре, который был покрыт облаками дыма, уносимыми туда из авангарда легким бризом, который все еще продолжался. При таких обстоятельствах *"Маджестик"*, следовавшему за *"Беллерофонтом"*, пришлось нащупывать противника; при этом, как говорят, она обнаружила, что ее кливер-гик задел главный такелаж одного из вражеских кораблей за кормой их адмирала; который, запутавшись таким образом, обошелся с ней наиболее жестоко; но через некоторое время она освободилась и полностью отомстила другому противнику, находившемуся дальше за кормой.

Приведя, таким образом, в действие все корабли, составлявшие основную часть эскадры, теперь можно позаботиться о *"Каллодене"*, который был задержан буксировкой судна с вином; также о *Александре* и *Леандре*, которые были выброшены за борт, поскольку они наблюдали в направлении *Александрии*.

Еще до заката дня было с крайним огорчением замечено, что первый из них наткнулся на отмель, которая, как было обнаружено, простирается на северо-восток от точки, на которой стоял замок. Можно лучше представить, чем описать, каковы были чувства доблестного командира и экипажа этого корабля, которые были так задержаны при переходе к участию в утомительных и славных боевых действиях, от которых тогда зависели. Потеря помощи такого корабля, к тому же в столь важном случае, должно быть, вызвала чувства глубокого сожаления у тех, кто участвовал в операции, многие из которых были свидетелями важного и великолепного события в предыдущем году, насколько высоко отличился этот корабль под командованием того же офицера и с тем же экипажем. Как ни велика была потеря помощи с этого корабля, было некоторым утешением заключить, что его ходовой плацдарм служил маяком, побуждавшим два корабля (*Александр* и *Леандр*, находившиеся тогда к западу от него) двигаться дальше, чем они могли бы сделать в противном случае, из стремления как можно скорее прийти на помощь своим товарищам; в этом случае была бы потеряна помощь двух кораблей, а не *Каллоден*. Бриг *"Мятежный"* направился к ней и остался, чтобы помочь ей сойти на берег; а *"Леандр"*, проходя мимо, получил сообщение, чтобы узнать, может ли она оказать свою действительную помощь: поскольку это было сочтено практически невозможным, она последовала за своим спутником, *"Александром"*, который, обогнув конец отмели, затем направился к центру неприятеля, "на всех парусах": и не сокращала ни одного хода, пока не поравнялась с кораблем французского адмирала, мимо которого она прошла и бросила якорь в наиболее разумном месте внутри. об этом огромном корабле, который она атаковала с быстротой и поддерживала с такой живостью, что свидетельствовало о нетерпении команды, которую так долго не пускали в бой.

Не претендуя на поминутную точность в отношении времени, можно утверждать, что это произошло примерно в восемь часов или вскоре после этого. Вскоре после этого *"Леандр"* прошел под кормой пятого корабля и, встав там на якорь, занял позицию, откуда мог без помех стрелять из орудий одного борта в корму *"Народа Суверена"*, а из орудий другого борта - в носовую часть *"Ла Франклина"*. Нет необходимости говорить о том, каким должен был быть эффект столь разрушительного шквального огня, даже с корабля *небольшой силы* "Линдер".,,

Таким образом, каждый из британских кораблей вступил в бой. Результат показывает, как каждый из них выполнял свой долг. К тому времени, когда последние упомянутые корабли заняли свои соответствующие позиции, те, что составляли авангард противника, замолчали, а некоторые нанесли удар. Их подчинение распространилось до четвертого корабля, около девяти часов. И вскоре после этого было обнаружено, что "*Ориент*", находившийся в их центре, охвачен огнем, который распространялся с такой быстротой, что вскоре он был охвачен всеобщим пожаром и лишил даже тени надежды на его спасение. Канонада тем временем с не меньшей интенсивностью поддерживалась британскими кораблями, противники которых еще не сдались, в то время как некоторые из них, сильно измученные, едва могли оказывать сопротивление.

Пока пламя пожирало "*Ориент*", "*Александр*" прилагал огромные усилия, чтобы отойти на такое расстояние, какое капитан считал необходимым, чтобы уберечь его от опасности быть покрытым обломками своего несчастного противника. Около десяти часов, пожар достиг *l'Orient* вам это журнал, когда ее взорвали с огромным взрывом, с помощью которых фрагменты ее обломки были отброшены на значительное расстояние со всех сторон; и те корабли, которые находились ближе всего к месту взрыва, были на некоторое время полностью скрыты, густой столб дыма, который распространился вокруг. Канонада в этот момент прекратилась, и воцарилась тишина, красноречиво свидетельствующая о том благоговении, с которым умы сражающихся были поражены этим ужасным событием.

Это впечатление, по-видимому, было стерто воспоминанием о том, что еще оставалось выполнить свой долг; ибо примерно через десять минут канонада возобновилась в районе того места, где взорвался "*Ориент*", а через несколько минут была возобновлена с живостью и продолжалась с небольшим ослаблением до полуночи, когда она стала тише, с некоторыми перерывами, указывающими на истощенное состояние сражающихся, на уже перенесенную усталость;¹³ но стрельба полностью прекратилась только в три часа.

Утро четверга, второе августа.—Когда открылся день, насколько перспектива отличалась от той, что была закрыта предыдущим вечером! Большая часть кораблей, составлявших авангард французской линии, лишилась мачт и все пострадали! Не видно и следа их адмиральского корабля! Фрегат ("*Серьез*"), который "*Орион*" заставил замолчать предыдущим вечером, теперь затонул! "*Беллерофонт*" был замечен в нескольких милях к востоку вдоль берега, на якоре, без мачт. Некоторые из британских кораблей, атаковавших авангард и разгромивших его, теперь больше сместились в тыл, а другие двинулись туда, чтобы завершить захват кораблей противника. В этой части это привело к возобновлению канонады, в начале которой фрегат (*L'Artémise*) в центре продемонстрировал поведение, подлое и недостойное эскадры, к которой он был приписан. Открыв бортовой огонь, она попала в цель; но, прежде чем какой-либо из британских кораблей направил на нее огонь, было замечено, что команда загорелась и направилась к берегу на своих лодках, где они были так плохо приняты туземцами, что остатки их были вынуждены вернуться и положиться на великодушие своего врага, которого они так недавно оскорбили вопиющим нарушением законов войны.

Не вдаваясь в дальнейшие подробности, после продолжительной канонады с некоторыми перерывами она была закрыта капитуляцией *Л'Эро* и *Меркюра*, а также демонтажем *Ле Тоннана*. Два корабля тыла, *Le Guillaume Tell* и *Genereux*, видя, что все их товарищи либо сдались, либо находятся в нерабочем состоянии, приготовились поднять паруса, что они и сделали без

перерыва до двух часов, и их сопровождали фрегаты *La Dianne* и *Justice*, ни один из которых не был потревожен. "*Ле Тимолон*" сделала попытку последовать за ней, но, бросившись головой в залив и не будучи предупрежденной (вероятно, не в управляемом состоянии), ее голова не выплыла на берег, а выбежала на берег на небольшом расстоянии от того места, где она лежала, в юго-восточной части залива, где ее подожгли. "*Ретивый*", который был под парусами, когда арьергардные корабли противника вышли из бухты, последовал за ними; но, поскольку тогда под парусами не было никого другого, кто мог бы сопровождать и поддерживать его, адмирал вызвал его.

Оставалось еще завладеть *Le Tonnant*, полностью лишенным мачт, но не нанеся удар и сместившись на значительное расстояние с подветренной стороны от своего первоначального положения. В таком состоянии, неспособная передвигаться или оказать себе помощь, было отправлено сообщение с требованием ее сдачи, на что капитан ответила отказом без предоставления судов для перевозки его и его команды (которая, по его словам, насчитывала тогда 1500 человек) во Францию. Это требование было доведено до сведения адмирала Нельсона, который пожелал, чтобы его проинформировали, что капитуляция должна быть безоговорочной, в противном случае будет применена сила, сопротивление которой бесполезно. Из-за расстояния обмен этими сообщениями состоялся только поздно вечером второго числа.

Утром в пятницу, третьего августа, было замечено, что французский флаг все еще развевается на обрубке *Le Tonnant's*. Адмирал подал сигналы *Тесею* и *Леандру* атаковать ее. Судя по бодрости их движений, они в какой-то мере оправились от недавней усталости. Вскоре они шли под необходимыми парусами, и на "*Тесее*", приближавшемся к нему сзади, был поднят флаг перемирия. Затем с "*Тесея*" был послан офицер с требованием, чтобы флаги были подняты безоговорочно, что и было выполнено. Так был подведен итог этому выдающемуся сражению.

Оглядываясь назад на неустанное упорство в продолжении поисков врага, на быстроту принятия решения атаковать его при обнаружении или на мастерство и бесстрашие, с которыми была проведена атака, трудно решить, что заслуживает большего восхищения. Слава об этом действии достигла всех уголков земного шара и была встречена столь справедливо заслуженными высокими похвалами.

ПРИПАСЫ, ПРЕДОСТАВЛЕННЫЕ ПАРЛАМЕНТОМ ДЛЯ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА И АРМИИ (1800).

Источник.—*Ежегодный реестр*. Вып. xlii., pp. 160 et seq. из *Приложения к Хронике*.

Военно-морской флот.

1 октября 1799.

£

сек.

д.

Что 120,000 моряки
быть использованы в
течение двух лунных
месяцев, начиная с 1-
го января, 1800,

включая 22,696 пехотинцев:			
на заработную плату за то же самое	444,000	0	0
для хлеба для Дитто	456,000	0	0
в связи с износом судов, в которые они должны служить	720,000	0	0
боеприпасов для морской службы на борту таких кораблей	60,000	0	0
<i>3 октября.</i>			
Для простого создания Военно-морского флота, в течение двух лунных месяцев, начиная с 1 января 1800	121,510	0	0
необыкновенной создание Дитто	115,625	0	0
<i>10 февраля 1800.</i>			
Что 110,000 морякам наниматься на одиннадцать лунных месяцев, начиная с 26-го февраля 1800 г., в том числе 22,696 пехотинцев:			
на заработную плату за то же самое	2,238,500	0	0
для хлеба для Дитто	2,229,000	0	0
в связи с износом судов, в которые они должны служить	3,630,000	0	0
боеприпасов для морской службы на борту таких кораблей	302,500	0	0
<i>13 февраля.</i>			
Для рядовых военно-морского флота, включая половинное жалование морским	685 429	13	11

офицерам и офицерам
морской пехоты, на
одиннадцать лунных
месяцев, начиная с 26
февраля 1800 г.

На строительство и ремонт кораблей, а также другие дополнительные работы	656 515	0	0
На возможные расходы по транспортному обслуживанию, на один год, начиная с 1 января 1800 г.	1 300 000	0	0
На поддержание здоровья военнопленных	500 000	0	0
и содержание больных военнопленных	90 000	0	0
	фунтов стерлингов 13 619 079	13	11

Армия.

3 октября 1799 г.

	£	s.	d.
Нанять 90 047 человек для сухопутной службы, включая 5766 инвалидов, с 25 декабря 1799 г. по 24 февраля 1800 г.:			
Для охраны, гарнизонов и других сухопутных войск в Великобритании, Джерси, Гернси и Олдерни, а также в Голландии	510 596	0	0
Для сил на плантациях, включая	166 480	0	0

Гибралтар, Менорку,
мыс Доброй Надежды
и Новый Южный Уэльс

На повышенные нормы прожиточного минимума, выплачиваемые трактирщикам и другим лицам, на расквартирование солдат	40 000	0	0
---	--------	---	---

На расходы, которые, как ожидается, будут понесены в генеральном управлении начальника казарм	120 000	0	0
--	---------	---	---

13 февраля 1800 г.

Что 80,275 мужчин
быть использованы
для Land-услуги, в том
числе 5,792
инвалидов, с 25-го
февраля 1800 года:

для охраны, гарнизонов и других сухопутных сил в Великобритании, Джерси, Гернси и Олдерни	2,337,159	8	8
--	-----------	---	---

для силы на плантациях, включая Гибралтар, Португалия, Минорка и другие станции в Средиземном море, мыс Доброй Надежды, и Новый Южный Уэльс	1,004,480	13	6
--	-----------	----	---

на разницу между британским и ирландским платить из шести полков ноги для службы за границей	42,901	19	0
---	--------	----	---

за четырьмя отрядами драгун, и шестнадцать с ног, дислоцированных в Великобритании при наборе полков служил в Ост-Индской	24,558	3	8
для подбора и резерва на землю-сил, и дополнительный корм для конницы	530,000	0	0
для генералитета и штаб-офицеров, и сотрудники больницы	105,054	7	11
для полной оплаты на сверхштатные офицеры	26,230	14	6
для пособия по выплатным-общими силами, комиссар-генерал сборы, и т. д. и т. д.	105,747	2	6
на повышенные показатели прожиточного минимума будет выплачиваться ИНН-хранители и другие, по расквартированию военнослужащих	140,000	0	0
для пособия унтер-офицеров и рядовых сухопутных войск, вместо небольшой пивной	120,000	0	0
уменьшить офицеров сухопутных сил и морской пехоты	138,979	7	1
надбавок к снижению конная гвардия	20	12	11
на счета сотрудников поздно на службе	1,000	0	0

Генеральных штатов			
Дитто сокращенных офицеров англо- американских войск	52,500	0	0
надбавок в несколько сокращенных офицеров Дитто	7,500	0	0
in и out-пенсионеры Челси больницы, и расходов больницы	143,310	7	3
для Пенсии вдовам офицеров Сухопутных войск	20,231	12	0
расходы, и как ожидается, будут понесены в бараке- мастер общего отдела	359,334	0	0
иностранным корпусом в службе Великобритании	471,128	12	3
<i>24 февраля.</i>			
На покрытие чрезвычайных расходов армии на 1800	2,500,000	0	0
<i>27 мая.</i>			
Для войск курфюрста Баварского, находящихся на содержании Великобритании, в соответствии с международным договором	566 688	10	0
<i>16 июля.</i>			
За счет королевского военного убежища для приема детей солдат	25 000	0	0
	9 558 951	12	3

РЕЧЬ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА В ПАРЛАМЕНТЕ ПЕРВОГО СОЮЗА (1801).

Источник.—*Ежегодный реестр*. Вып. xliiii., стр. 207 и далее. из государственных документов.

Речь Его Величества перед обеими палатами при открытии Имперского парламента, 2 февраля 1801 г.

Мои лорды и джентльмены,

В условиях кризиса, столь важного для интересов моего народа, я испытываю огромное удовлетворение от того, что впервые получил возможность воспользоваться советом и помощью парламента моего соединенного королевства Великобритании и Ирландии.

Эта достопамятная эпоха, отмеченная осуществлением мер, рассчитанных на увеличение и консолидацию силы и ресурсов империи и на более тесное укрепление интересов и привязанностей моих подданных, будет, я надеюсь, в равной степени отмечена той энергией и непоколебимостью, которых особенно требуют обстоятельства нашей нынешней ситуации.

Печальный ход событий на континенте и последствия, которые следует ожидать в результате этого, не могут не вызывать беспокойства у всех, кто справедливо относится к безопасности и независимости Европы.

Ваше удивление, равно как и сожаление, должно быть вызвано поведением тех держав, чье внимание в такой период, по-видимому, больше занято попытками ослабить военно-морские силы Британской империи, которые до сих пор представляли собой столь мощное препятствие непомерным амбициям Франции, чем согласованием средств взаимной защиты от их общей и возрастающей опасности.

Представления, которые я распорядился подать в суд Петербурга в связи с бесчинствами, совершенными против кораблей, имущества и личностей моих подданных, были восприняты с крайним неуважением, а судебные разбирательства, на которые я жаловался, были усугублены последующими актами несправедливости и насилия. При таких обстоятельствах этим судом была заключена конвенция с конвенциями Копенгагена и Стокгольма; целью которой, по признанию одной из договаривающихся сторон, является возобновление их прежних обязательств по установлению силой нового кодекса морского права, несовместимого с правами и враждебного интересам этой страны.

В этой ситуации я не мог колебаться относительно того поведения, которое мне подобало вести.

Я принял самые ранние меры для отражения агрессии этой враждебной конфедерации и для поддержки тех принципов, которые необходимы для поддержания нашей военно-морской мощи и которые основаны на системе публичного права, столь давно установленной и признанной в Европе. В то же время я дал такие заверения, которые свидетельствуют о моем намерении возобновить мои древние отношения с этими державами, когда это будет возможно сделать с учетом чести моей короны и справедливого отношения к безопасности моих подданных.

Я убежден, что вы не откажетесь ни от чего с вашей стороны, что могло бы оказать мне самую энергичную и действенную поддержку в моей твердой решимости максимально защищать от любого нападения военно-морские права и интересы моей империи.

Господа из Палаты общин,

Я распорядился представить вам сметы расходов на несколько отраслей государственной службы. Глубоко сожалея о продолжающейся необходимости увеличивать бремя, лежащее на моем народе, я убежден, что вы вместе со мной почувствуете важность предоставления эффективных средств для тех усилий, которые необходимы для чести и безопасности страны.

Мои лорды и джентльмены,

Я уверен, что ваши размышления будут единодушно направлены на достижение великой цели - улучшить преимущества этого счастливого союза, который, по благословению Провидения, теперь заключен; и максимально способствовать процветанию каждой части моих владений.

BILLING And SONS, LTD. ПРИНТЕРЫ ГИЛФОРДА.

СНОСКИ:

1 Мистер Берк, составивший историческую часть *Ежегодного реестра* за 1761 год, говорит, что “когда мистер Питт сложил печати, великий человек, которому они были возвращены, принял их с легкостью и твердостью, не требуя, чтобы он возобновил свою работу. Его Величество выразил свою озабоченность потерей столь способного слуги; и чтобы показать благосклонное отношение, которое он питал к его услугам, он сделал ему самое милостивое и неограниченное предложение любых наград, которые только может даровать Корона. Его Величество в то же время выразил себя не только удовлетворенным мнением большинства членов своего совета, но и заявил, что он столкнулся бы с величайшими трудностями в том, как поступить, если бы совет так же полностью поддержал меру, предложенную мистером Питтом, как они это сделали, отвергнув ее. Мистер Питт был искренне тронут величием и снисходительностью происходящего. ‘Признаюсь, сударь, у меня было слишком много оснований ожидать неудовольствия вашего величества: я не был подготовлен к этой чрезвычайной доброте: простите меня, сударь, — это подавляет меня’. Он разрыдался. Мы далеки от попытки придать какой—либо окраски столь изысканно волнующей картине; мы, действительно, далеки от того, чтобы отдать должное, возможно, одной из самых трогательных и возвышенных сцен, которые только можно было бы отобразить, - расставанию такого принца и такого министра”.

2 Вечером того же дня Бэбб Доддингтон (ныне лорд Мелкомб) написал лорду Бьюту следующее: “Я искренне желаю вашей светлости радости от избавления от самого непрактичного коллеги, его Величеству - от самого властного слуги, а стране - от самого опасного министра. Мне говорили, что люди недовольны этим. Как бы то ни было, я считаю своим долгом перед моим милостивым Сувереном и моим великодушным другом сказать, что, если я могу быть чем-либо полезен кому-либо из них в чем-либо наиболее опасном и трудном, я с величайшей готовностью возьмусь за это”. В своем ответе на следующий день лорд Бьют говорит: “Какие бы личные

мотивы беспокойства я ни испытывал в связи с нынешней администрацией, я далек от мысли, что ее роспуск в настоящую минуту благоприятствует делам короля. Я не премину ознакомить короля с очень откровенным и великодушным заявлением, которое вы сделали. В самом деле, милостивый государь, мое положение, всегда опасное, стало еще более тяжелым, ибо я не новичок в формулировках, принятых в этом большом городе: ‘Отставкой нашей дорогой обязан лорд Бьют, и он должен отвечать за все последствия’, — другими словами, за ошибки другой системы, которые сам Питт не смог бы предотвратить. Все это удерживает мое внимание и укрепляет мой разум, не тревожа его; внушает не только осторожность, но и твердость и решительность; в чем помощь моего благородного друга станет для меня настоящим утешением”.

3 Невозможно читать это письмо без того, чтобы невольно не вспомнить следующие великолепные пассажи из знаменитой речи мистера Берка об американском налогообложении, произнесенной в 1774 году:

“ Если когда-нибудь у лорда Четема случался приступ подагры или какая-либо другая причина отвлекала его от общественных забот, принципы, прямо противоположные его собственным, несомненно, брали верх. Когда его лицо было скрыто всего на мгновение, вся его система оказалась в бескрайнем море, без карты или компаса. Джентльмены, его близкие друзья, которые, как было признано, называли различные департаменты министерства, создавали впечатление, что они подчиняются ему, со скромностью, присущей всем людям, и с доверием к нему, которое даже в своей экстравагантности было оправдано его превосходными способностями, никогда, ни в коем случае, не высказывали собственного мнения. Лишенные его руководящего влияния, они кружились вокруг да около, становились объектом любого порыва ветра и легко заходили в любой порт; и поскольку те, кто присоединился к ним в управлении судном, были самой прямой противоположностью его взглядам, мерам и характеру и, безусловно, самыми хитрыми и могущественными из них, они легко одержали верх, завладев пустыми, незанятыми и заброшенными умами его друзей; и мгновенно они полностью свернули судно с курса его политики. Как будто это должно было оскорбить, а также предать его, даже задолго до закрытия первой сессии его администрации, когда все было публично решено, и с большим парадом, от его имени они приняли закон, объявляющий в высшей степени справедливым и целесообразным сбор доходов в Америке. Ибо даже тогда, сэр, еще до того, как это великолепное светило полностью зашло, и когда западный горизонт был в сиянии его нисходящей славы, на противоположной стороне небес возшло другое светило и на свой час стало повелителем восходящего. Вы, конечно, понимаете, что я говорю о Чарльзе Таунсэнде, официальном исполнителе этого рокового плана...”

“Он голосовал, а в 1765 году был сторонником закона о гербовом сборе. Положение вещей и расположение умов людей изменились. Короче говоря, закон о гербовом сборе перестал быть фаворитом в этом Доме. Поэтому он присутствовал на закрытом заседании, на котором были приняты резолюции, внесенные distinguished джентльменом; резолюции, ведущие к отмене. На следующий день он проголосовал за эту отмену; и он бы тоже высказался за это, если бы этому не помешала болезнь (не политическая, как тогда считалось), а, насколько мне известно, вполне реальная болезнь. Уже на следующей сессии, по мере того как мода этого мира уходит в прошлое, в этом Доме запах отмены стал таким же дурным, как от закона о гербовом сборе на предыдущей сессии. Чтобы соответствовать настроениям, которые начали преобладать, и преобладать в основном среди тех, кто находится у власти, он объявил в самом

начале зимы, что необходимо получать доход из Америки. Мгновенно он был привязан к своим обязанностям теми, кто не возражал против подобных экспериментов за счет людей, к которым они не испытывали особого уважения. Вся толпа придворных гнала его вперед. Они всегда говорили так, как будто король находился в каком-то униженном состоянии, пока не было предпринято что-то в этом роде. Здесь этот выдающийся человек, тогдашний канцлер казначейства, оказался в тяжелом положении. Нравиться всем было целью его жизни; но тяготиться и угождать, не более чем любить и быть мудрым, не дано людям. Тем не менее, он попытался это сделать. Чтобы сделать налог приемлемым для сторонников американских доходов, он сделал преамбулу, в которой заявил о необходимости такого дохода. Чтобы завершить американское различие, этот доход был *внешним*, или портовым сбором; но опять же, чтобы смягчить его для другой стороны, это была обязанность *поставлять*.

Чтобы угодить *колонистам*, пошлина была возложена на британские мануфактуры; чтобы удовлетворить *купцов Британии*, пошлина была тривиальной и (за исключением пошлины на чай, которая касалась только преданной Ост-Индской компании) не касалась ни одного из крупных объектов торговли. Чтобы противодействовать американской контрабанде, пошлина на чай была снижена с шиллинга до трех пенсов. Но чтобы заручиться благосклонностью тех, кто собирался облагать Америку налогами, порядок взимания был изменен, и, как и все остальное, он взимался в колониях. Что мне еще говорить? Эту тщательно продуманную схему постигла обычная судьба любой изысканной политики. Но первоначальный план обязанностей и способ выполнения этого плана возникли сами по себе и исключительно из любви к нашим аплодисментам. Он действительно был ребенком в Доме. Он никогда не думал, не делал и не говорил ничего, кроме как с прицелом на тебя. Он каждый день приспосабливался к вашему нраву; и настраивался перед ним, как перед зеркалом. Отсюда и возник этот прискорбный поступок”.

4 По вопросу о трехгодичных парламентах лорд Чатем, по-видимому, впоследствии изменил свое мнение, как видно из его речи в Палате лордов от 30 апреля 1771 г., в которой он объявляет себя “сторонником трехгодичных парламентов”.

5 Это предложение было принято городами Лондон, Бристоль и Эдинбург, а также городами Монтроуз, Абердин, Кэмпбелтаун и Линн.

6 В поместье Бертон Пинсент, которое оспаривалось родственниками покойного у графа Чатема.

7 Генеральный солиситор проинформировал г-на Б., когда резолюции были вынесены отдельно, что жалоба судей, получавших прибыль от ареста, была удовлетворена канцелярией; соответственно, в резолюцию были внесены поправки.

8 Отчет провинции об этой акции существенно отличается.

9 “Наутро” лорд Чатем появился в палате лордов *в последний раз*.

10 Обход носовой части авангарда противника и внутри их линии, по-видимому, был инициирован командиром, капитаном Фоули, поскольку не было подано никакого сигнала для руководства таким маневром, а столь уместное предложение было в высшей степени достойно моряка, имеющего готовые и ясные представления о том, что относится к его профессии. Примеру последовали еще четверо из тех, кто составлял фургон, и преимущество, полученное

от этого маневра, лучше всего можно рассчитать, обратившись к результату. Такого рода инициатива, вполне возможно, была почерпнута из выдающегося маневра Нельсона в битве при Сент-Винсенте в 1797 году.

11 Ветер стал настолько умеренным, что не было необходимости сворачивать паруса, чтобы якорь мог держаться; их только подтянули как можно ближе, и это обстоятельство позволило матросам оставаться на своих постах на главных батареях.

12 Разница в силе между *"Ориентом"* и *"Беллерофоном"* или любым другим кораблем эскадрильи, исходя из веса пуль, выпущенных с одного борта каждого, составляла более семи к трем, а вес пуль, выпущенных только с нижней палубы *"Л'Ориента"*, превышал вес пуль, выпущенных со всего борта *"Беллерофона"*.

13 В качестве примера усталости здесь можно отметить, что одно из судов, находившееся в авангарде и закончившее там свое дежурство, утром, за несколько часов до рассвета, снялось с кормового якоря с целью зайти в тыл, чтобы атаковать там врага; и, когда матросы сняли тали, многие из них улеглись среди них, будучи настолько измучены усталостью, что заснули, несмотря на то, что они должны были знать, что якорь поднят, и корабль затем движется навстречу врагу, чтобы начать новую канонаду. .

Примечание переписчика:

Заголовки глав упорядочены.

Непоследовательное написание и расстановка переносов такие же, как в оригинале.